

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2007

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msp@msps.ru
http://www.msp.ru

*Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертез (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*
Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*
Ответственный секретарь *А.А. Захаров*
Художественный редактор: *Людмила Иванова*
Редактор: *Людмила Бусук*
Верстка: *Ольга Козак*
Фото: *Евгений Греков, Олег Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Института "Открытое общество".
Ответственность за позиции и точки зрения, высказанные в материалах,
лежит полностью на авторах.*

Содержание

№ 1 (40) 2007

К читателю 5

Семинар

Культура и социальная реальность 7
Мариэтта Чудакова

Дискуссия 14

Заметки с семинара 23
Лобовъ Чиликова

Тема номера

Жилищная реформа как национальная катастрофа 25
Игорь Кокарев

XXI век: вызовы и угрозы

Страх, унижение и надежда: эмоциональное столкновение культур 31
Доминик Моизи

Концепция

Концепция сотрудничества России и ЕС на постсоветском пространстве 41

Дискуссия

О погоде и этике 47
Алексей Венедиктов

Молодежь: и роскошь, и средство передвижения 54
Артем Марченков

Молодежный активизм: от гражданского неучастия к политическому протесту 60
Ирина Костерина, Юлия Андреева

Власть выберет себя сама 70
Илья Максимов

Наш анонс

ГУЛАГ. Паутина Большого террора 73
Энн Эпплбаум

Свобода и культура

Наш поезд прессы сошел с рельс
Александр Волков 75

Личный опыт

Об “имидже России”
Светлана Мифонюк 83

Идеи и понятия

Революция
Ирина Бусыгина, Андрей Захаров 87

Новые практики и институты

Революция на медиарынке: осознать, чтобы не опоздать
Наталья Лосева 101

Горизонты понимания

Суверенная демократия: путь или перепутье?
Юрий Гиренко 106

Книги

Странствие без конца
Андрей Захаров 109

Региональное книжное обозрение
Анна Добровольская
Елена Рукавишниковна 112

Контрапункт
Александр Архангельский 115

Nota bene

Кейнс против Фридмена: оба могут торжествовать победу
Мартин Вольф 119

В оформлении номера использованы работы художников из Великобритании, Германии, Новой Зеландии, США.

К читателю

Что мешает России стать современной демократической страной?

Помимо других я назвал бы две основные причины.

Во-первых, слабость гражданского общества. После бурных лет «перестройки», когда страна вступила на путь преобразований, смысл которых можно обозначить словами «рынок» и «демократия», стихия материального обогащения буквально парализовала *социокультурную, нравственную* составляющую нашего общественного развития. Опасность такого перекоса, кстати, хорошо понимал в свое время архитектор экономического возрождения Германии Людвиг Эрхард. Германия после войны тоже, как известно, находилась в ситуации переходного периода, и Эрхард как-то заметил, что сугубо экономический подход к возрождению страны, если бы он был реализован, привел бы к духовному оскудению нации. Он говорил об этом в связи с проводившейся реформой образования. Я думаю, согласиться с его словами нетрудно, как и понять, почему едва начавшаяся модернизация России очень быстро зашла в тупик.

И второе обстоятельство, вторая причина имеет отношение к демократии.

О реальном демократизме политики можно говорить лишь тогда, когда в обществе взаимодействуют независимые силы, взаимно признаваемые в своей независимости. У нас же не только сфера политики фактически полностью контролируется сегодня одним центром силы — государством, но и демократия получила содержательное определение «суверенная». Между тем, будучи синонимом свободы, демократия является категорией формальной. Но наша политическая элита, судя по всему, еще думает ленински и считает, что если демократия формальна, значит, ей чего-то не хватает. Очевидно, все той же марксистско-ленинской партийности и классовости.

Можно лишь сказать по этому поводу следующее: стоит только внести в демократию какое-то содержательное определение, как демократия разрушается.

*Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»*

Таким образом, отвечая на вопрос, что мешает нам двигаться в сторону современного государства и гражданского общества, исходя из вышесказанного можно заключить: мешает, а точнее, препятствует продолжающееся социокультурное размежевание общества и формирование на этой основе двух антагонистических субкультур. Субкультуры элитарной (властной, бюрократической, олигархической), включая все ее компоненты: личное обогащение, пренебрежение к морали, безответственность, презрение к согражданам. И субкультуры деградирующего большинства — бедного, несправедливого, социально апатичного и тоже безнравственного, для которого демократия стала враждебной средой, так как она ассоциируется с произволом элит и невозможностью влиять на общественные процессы в рамках правового поля.

Существует ли выход из этой ситуации?

Известно, что за провал реформ у нас обычно никто не несет ответственности (я имею в виду юридической), а если и несет, то крайне редко, поскольку по сложившейся традиции и с нашего согласия побеждает соблазн решить все проблемы разом и навести порядок, воздействуя на общество сверху. Так что, на мой взгляд, не случайно, что мы не готовы к серьезному разговору и поиску в обществе **объединяющего культурного начала**, связанного с гражданским просвещением и современным образованием. Когда просто мечтать о реформах и чего-то хотеть, еще недостаточно, надо учиться думать над тем, чего мы хотим. Ибо культура, по определению, не есть просто совокупность неких высоких ценностей, хотя бы потому, что никакие ценности и никакие достижения не являются в этом случае гарантией. Культура наращивается личным усилием. И, следовательно, наша работа в культуре должна обязательно сопровождаться в том числе и опытом философского размышления и анализа.

Культура и социальная реальность*

В далекие студенческие годы мой однокурсник по филфаку Московского университета болгарский поэт и переводчик Христо Берберов смеялся над тогдашним ходячим выражением «это некультурно». Он произносил его на разные голоса, стремясь передать особую советскую напыщенную интонацию: «Э-это не культу-у-урно!», и уверял, что этого выражения нет ни в одном языке, только у нас.

Любопытно, что сегодня, когда один из авторов учебника по культурологии для высших учебных заведений задает на первой же странице вопрос: что такое *культура*? — далее поясняет это слово так: «В повседневной речи это слово связано с представлениями о Дворцах и Парках культуры, о культуре обслуживания и культуре быта, о политической и физической культуре, о музеях, театрах, библиотеках. Несомненно, в этих представлениях отражаются определенные элементы культуры. Однако из простого перечисления различных вариантов использования слова, — справедливо замечает автор, — нелегко понять <...>, каков его общий смысл»**.

Действительно, пересечение значений одного слова не редкость. Мы, люди России, славимся тем, что часто употребляем слова, споря при этом иногда до изнеможения, в совершенно разных значениях. Но, наверно, «культура» здесь занимает одно из первых мест потому, что когда о ней говорят, никто из собеседников толком не знает, о чем именно говорит другой. И вот в lamentациях, которые слышались то громче, то тише с начала 90-х, различимы отзвуки этой сугубо советской речевой ситуации. Помню возгласы одного известного кинорежиссера, к сожалению, теперь уже покойного, в его коротком докладе (а формат всех докладов был десять минут) на круглом столе, организованном в Третьяковской галерее: «Культуру опускают! Нас

*Мариэтта Чудакова,
историк литературы,
публицист,
доктор филологических
наук*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в г. Ульяновске 1 декабря 2006 года.

** Кармин А. *Культурология*. — СПб. ; М.; Краснодар, 2003. — С. 6.

всех опускают!». Речь шла, разумеется, как всегда, о недостаточном финансировании культуры государством. Возражая ему, я сказала тогда, что буквально каждый из нас может начать поднимать уровень культуры, совершенно не дожидаясь крупных финансовых вливаний. Прямо, говорю, с этого дня и даже с этого часа. И для начала предложила резко сократить употребление местоимения «мы», то есть говорить по возможности за себя, чтобы тем самым повысить содержательность наших высказываний. Второе — перестать употреблять в публичной речи, тем более на тему судеб отечественной культуры, лагерное, блатное слово «опускать». По этому поводу у нас возникла небольшая филологическая полемика: он сказал, что «опускать» совсем не блатное, а обычное слово. К счастью, в зале сидел Арсений Рогинский, прошедший четыре с лишним года лагерей, и, пользуясь весьма давним знакомством с ним, я обратилась к нему через весь зал с вопросом: «Сеня, это блатное слово?». Что он, естественно, подтвердил. И вот эта полемика дала потом людям повод не раз спрашивать меня: «Говорят, Мариэтта, вы «опустили» такого-то режиссера?». Всем известна многозначность слова «культура», издавна сеющая неразбериху в российских дебатах. Сегодня именно эта корневая система употребления слова участвует, как я полагаю, — быть может, с некоторым культурным психозом, который свойствен филологам, — во многих наших действиях. Вообще это слово, напоминая, было заимствовано в 40-е годы XIX века в ряду слов, связанных с выражением различных общественных отношений, социальных групп и т.д., таких, например, как *буржуазия, гуманный, консерваторы, консервативный* и т.д. И особенно его распространение началось со второй половины 40-х годов. Известный лингвист Ю. Сорокин, занимавшийся исследованием движения словарного состава, писал, что по-

явление этих слов было вызвано к жизни тем глубоким вниманием к вопросам социальной реальности и межчеловеческих отношений, которое для того времени было характерно.

Решающим в плане заимствования таких терминов, включая термин «культура», являлось усвоение *самих понятий*. Вот когда в России начали усваивать понятия «идеализм», «органический», «реализм», «социализм», «интеллигенция», тогда же вошли в наш язык и «культура», и «цивилизация». Умные лингвисты не раз подчеркивали, что значения этих слов можно передать только описательно. Поэтому никто не требовал их замены, они не поддаются замещению русским эквивалентом. Уже в 60-х годах XIX века словари показывают, что, с одной стороны, в понятии культуры, конечно, остаются значения обработки, *возделывания* сельскохозяйственного, земледельческого, но, с другой стороны, появляется и утверждается иной смысл — обогащения и совершенствования духовной жизни народа. А в 1886 году, довольно поздно, в журнале «Северный вестник» производные от этого слова уверенно используются уже в значениях «представитель наиболее культурного слоя дворян» или «Западная Европа, красующаяся в наряде своей цивилизации, культурности». То есть мы видим, что именно тогда появляется ценностное значение слова в отношении к определенному общественному слою. Ведь что такое «культурный слой»? Это уже почти интеллигенция, это синоним фактически. И дальше у этого слова сохраняются два значения: первое — *обработка, уход, возделывание, возделка* и второе — *образование умственное и нравственное*.

Но... наступает Октябрь, который, выражаясь метафорически, берет под уздцы Россию, только-только в 1900–1910-е годы (мы ведь долго запрягаем) набравшую разбег, и уводит ее в стойло с естественного исторического пути. Это ска-

зывается в языке с огромной силой: из слова «культура» начинает вымываться множество оттенков значений и все сводится, во-первых, к просвещению только *политическому* («культурно выросшие массы»), а во-вторых, к его употреблению обязательно в сочетании с понятиями «расцвета» и «подъема» вплоть до конца советской власти.

Причем словосочетания «расцвет культуры» и «подъем культуры» так же обязательно подразумевают нечто совершившееся, застывшее, статичное. Не то что вот, глядишь, постепенно у нас начнется подъем и расцвет, а это свойства, изначально присущие именно советскому обществу.

И вот появляются совершенно замечательные фразы, например, в речи Жданова на Первом съезде советских писателей в 1934 году: «Для советской литературы созданы все условия, чтобы она могла создать произведения, отвечающие требованиям *культурно выросших масс*». Или в 1936 году, обвиняя Пастернака в том, что он не видит огромного культурного подъема масс, «Литературная газета» пишет: он не замечает (прислушайтесь) «*культурно возросших миллионов* трудящихся читателей». То есть слово «культура» вкрапляется в совершенно неграмотно построенную фразу о «культурно возросших миллионах». И дальше, конечно, она устойчиво закрепляется в так называемой культурно-просветительской работе. Скажем, в «Политическом словаре» 1939 года поясняется, что в классовом обществе и «культура классовая», что «каждый господствующий класс стремится создать такую культуру, которая укрепляла бы его власть», что «плодами этой культуры буржуазия пользовалась для увеличения своих богатств и для усиления эксплуатации трудящихся», а в настоящее время в буржуазных обществах она «приходит в упадок, падает культурный уровень на-

селения», а у нас «рабочий класс создает свою, социалистическую культуру» и т.д. То есть слово «культура» просто уходит вместе с целым рядом оттенков в совершенно определенный угол. В академи-

*Каждый из нас может
поднимать уровень культуры,
не дожидаясь финансовых вливаний*

ческом словаре, выпущенном в конце 1950-х годов, тоже настойчиво говорится о «расцвете» культуры, а в официальном языке упорно повторяется выражение «деятель культуры», которое равносильно выражению, тоже с советским оттенком, «творческая интеллигенция». Специально создан целый аппарат, который должен управлять этой *культурой*.

Этот аппарат ЦК компартии начал формироваться еще в 1919 году, в том числе и для решения вопросов культурно-просветительской работы (при этом она была обязательно политической, Ленин никогда этого не скрывал). После очередной крупной реорганизации в январе 1930 года был выделен отдел культуры и пропаганды, который затем много раз переименовывали: объединяли культуру то с наукой, то с пропагандой, а в 1962 году вообще упразднили и то и другое и создали единый идеологический отдел, где были уже секторы разнообразной культуры. И наконец, в 1965 году в соответствии с постановлением Президиума ЦК партии идеологический отдел был упразднен и восстановлен Отдел культуры ЦК с разными секторами. Так что мы можем видеть, из чего складывалась культура: из художественной литературы, искусства, кинематографии и т.д., и все это просуществовало до самого конца советской власти.

Я, будучи беспартийной, не раз обивала пороги этого отдела, чтобы проталкивать какие-нибудь коллективные

Тони Крэгг. Полное ожирение. 1993

сборники и пр. Было известно, что отдел культуры слегка более либеральный, чем отдел агитации и пропаганды, над ним в какой-то степени стоял знак культуры.

Для понимания того, что сегодня происходит, любопытны данные не так давно изданного «Русского ассоциативного словаря», который стал результатом анкетирования студентов (с родным языком — русским) первых—третьих курсов разнопрофильных вузов всех регионов России. Опрос шел в течение 10 лет (1988—1997).

Участник эксперимента, получив анкету, должен был ее заполнить, написав быстро против каждого слова (авторы анкеты называют его «стимулом») «только одну, первую (это важно для дальнейшего списка, который я оглашу) пришедшую ему на ум ассоциацию — реакцию, вызванную этим стимулом. Было получено больше миллиона ответов, среди них и ассоциации со словом «культура». Не буду перечислять все, а назову лишь те, на которые было большее количество ответов. Это нам даст, на мой взгляд, объективное представление о том, с чем в умах молодых людей в уже новом времени связывалась культура. Сегодня это уже 30—35-летние люди, и вряд ли у них очень сильно что-то изменилось.

Итак, ассоциации со словом «культура»: «культура речи» (91 ответ), «поведения» (35), «общения» (26), «театр» (20), «высокая» (18), «искусство» (16), «низкая» (12), «русская» (11), «народа» (9), «культура быта, слова» (8), «бескультурие» и «культура человека» (7), «отсутствует» (6), «древняя», «наука», «национальная», «советская» (5), «книги», «мировая», «нации», «общества» (4), «древнегреческая», «инков», «что-то давнее», «история», «музей», «музыка», «наша», «образование», «общая», «сельскохозяйственная», «скульптура» (3). И по одному ответу — назову только несколько: «социалистическая», «физкультура»,

«цивилизация», «человек», «язык», «безверие», «бездарность», «буржуазия», «ваза», «деревенский клуб», «ВДНХ», «не наша», «не на высоте», «не развита», «падает», «хам», «хамство».

В эпоху Ельцина, когда говорили об упадке культуры (возвращаясь к lamentациям, с которых начала), всегда в этом ощущалась — ведь язык дело тонкое, и когда человек говорит на родном языке, на чем бы он ни настаивал, слушатели все равно улавливают массу полутонов, — тоска по отделу культуры ЦК. Поскольку именно с ним неразрывно было связано финансирование культуры: ладно, ты нас посещешь, но ты нам и деньги дашь. И обычным был возглас: где же наша высокая духовная культура, без денег ее не будет!

Сегодня, в отличие от эпохи Ельцина, на мой взгляд, вперед все больше выступает культура в безоценочном смысле, как и история. Однако и сегодня бесконечно звучит фраза «это наша история». Не про все, конечно, но «надо восстановить памятник Дзержинскому» или «не надо убирать памятник Ленина», или не надо убирать (скажем, в городе Ульяновске) плакат, который вас встречает, когда сходите с самолета: «Добро пожаловать на родину Ленина!». И все это оправдывается фразой «это наша история», без всяких «ведь», я ухом слежу за этим, — не говорят «ведь это наша история».

Люди не отдают себе отчета в том, что историческим факт становится только после его осмысления. Какой-либо факт жизни писателя, например, может стать фактом его биографии только после осмысления его именно в качестве такового. Потому что если он шел по улице, споткнулся, выругался и пошел дальше, то это не обязательно биографический факт. А вот если писатель сломал ногу, как Пастернак, упав с лошади, и на его судьбе и даже в творчестве это не раз отразилось, то это уже факт биографии. А уж факты истории — тем более. Поэтому ничем не наполненная

фраза «это наша история» опустошает умы молодежи, подростков особенно.

Сегодня в общественном сознании перемешаны разные денотаты слова «культура» и разные его оттенки. Особенно это заметно в оценках искусства, потому что его высокие образцы мало востребованы массами и царствует затопляющая все «попса». В результате никакого ясного ответа на вопрос: в каком обществе мы все же живем, что происходит с культурой? А происходит несомненная подмена, когда мы говорим о культуре в смысле менталитета, который стал одним из ее пониманий, почти полноправным. Многие из вас знают, что в последнее время усилиями Андрона Кончаловского и других нам фактически навязано представление, что такой, мол, у нас менталитет — российский, и поэтому мы не можем строить демократию. При этом он ссылается на исследователей латиноамериканского крестьянина, который не любит, мол, работать, делает это только из-за куска хлеба, а главное в его жизни — вечером посидеть в баре или кафе. Точно то же, уверяют наши большие знатоки крестьянского быта, и у нас. Что, мол, все это испокон веку так было. А о ком же тогда Некрасов написал: «Эту привычку к труду благородную нам бы не худо с тобой перенять»? Или он настолько уж хуже знал свой народ, чем сегодняшние известные режиссеры? Конечно, позолота народническая у Некрасова была, спорить не будем, но не настолько же...

Этот навык, бывший традицией, культурным или цивилизаторским качеством, я не берусь давать точное определение или именование, был разрушен именно в годы советской власти, когда человек работал за «палочки» сначала, а затем у него вообще отобрали все и отправили в Сибирь и т.д., это очевидно. То есть я бы сказала, если бы была сторонницей теории заговора, что произо-

шло почти целенаправленное разрушение привычки к труду.

Так вот, разделения досоветской и советской эпохи не делается, а строится облик некой традиционной культуры поведения, которая будто бы не может чуть ли не биологически соответствовать демократии.

В предисловии от редакции к ассоциативному словарю, о котором я говорила, написано: «Дотошный читатель, найдя в словаре так называемые советизмы, слова ушедшей в прошлое коммунистической эпохи, возможно, поспешит обвинить авторов в конъюнктурных соображениях либо сочтет материал устаревшим и будет не прав. Эти слова до сих пор живут в языке и в нашем сознании — частично уйдя на периферию, частично в переосмысленном значении, некоторым из них придется иронический смысл. Но они — своеобразный памятник истории России после 1917 года». А я бы добавила, это памятник, излучающий радиацию. Да, у нас есть огромные речевые препятствия к построению демократии. Ибо речь — это тоже часть культуры.

В так называемой царской России было несколько авторитетных стилей речи. Но никто не требовал тогда: пиши как царские рескрипты, или языком Священного Писания, или языком юридических законов, или воинских уставов. Все писали и говорили как хотели; в известном смысле, насколько у кого культуры хватало. А тут воцарился *один* публичный язык. И когда после смерти Сталина, изменившей жизнь страны, на этот публичный язык уже без пистолета у виска взглянула мыслящая часть общества, то увидела довольно ужасную картинку. Но вместо того, чтобы начинать строить новый язык описания на основе натурального, родного русского языка, строить язык философской, политической и прочей рефлексии, которая была потеряна в течение десятилетий полностью, стали создавать свой собственный

иронический маргинальный язык. Хотелось бы, ну вот кончилась советская власть, ну уж сейчас-то мы может построить язык рефлексии! Но ничего подобного не получилось. Прочитирую свою работу о советском языке и словаре советизмов, напечатанную в последнем «Тыняновском сборнике»: «После 1991 года язык публичной сферы сразу обнаружил свою ущербность: пошли бои за право пускать матерком с телеэкрана, а затем влился и прочно обосновался в политической публицистике скудный, но энергичный язык «новых русских», он же блатной, он же стеб — *крыша, разборка, наехать, сдать*, — и застрял в ней до сего дня, непосредственным образом *затормозив* (на этом я настаиваю) общественное размышление. Потому что блатной глагол «сдал» (Гайдара, Чубайса, Чернобырдина), ни в малой мере не описывал драматических событий ельцинского правления»*. И таким же образом он сегодня не может ничего описать.

Когда в 70-е годы в наших национальных республиках отменили обучение на родном языке в начальных классах, в которых до 4-го класса учили на родном языке, я специально этим занималась в 90-м году, объехала тогда даже несколько республик по заданию «Литературной газеты» и убедилась в том, что происходит. Больше всего меня потрясла учительница одного дагестанского селения. Я спросила: как же они у вас учатся, когда в первый класс идут? Ведь они не знают русского языка. Конечно, не знают, отвечает она. И сказала фразу, которую нельзя было не запомнить: «Привыкают к ситуации непонятливости».

У меня в Литературном институте училась несколько лет назад чеченка Мальсагова — ее дальнейшая судьба по

понятым причинам мне не известна. Она мне сказала в конце первого курса: «Я только в Москве узнала (опять же цитирую дословно), что не знаю родного языка». Я еще тогда глупо спросила: «Как же так, вы же с мамой и папой говорите по-чеченски?». «Конечно, — ответила она. — Но я его никогда не изучала и не знаю».

В советских союзных и автономных республиках люди теряли национальный язык, потому что не могли на нем говорить публично, и родители с удовольствием пихали детей в русские школы, потому что знали, что они нигде не применяют свой родной язык. Они его теряли, а русский не выучивали часто так, чтобы на нем думать по-настоящему. Ведь хоть на каком-то языке надо уметь думать изошренно! Со всей глубиной!

И напоследок, чтобы повеселить вас, я прочту кусочек на эту тему из второго тома своего детского детектива («Дела и ужасы Жени Осинкиной»), который пишу из сугубо идейных соображений, выражаясь на советском языке, желая в меру сил своих не дать развратить подростков ни их родителям, ни всем нам. В книжке рассказывается об омском кадете — я была в Омске в кадетском училище, встречалась с кадетами. И вот ее герой размышляет про себя: «Кто-то должен лицо России поддерживать, как их старший вице-сержант говорит. А то и правда в других странах будут думать, что у нас не лицо, а пьяная харя. И где, скажут, ваш хваленый русский язык, «великий и могучий», как ваш Тургенев писал? Что от него осталось-то? Пятнадцать-двадцать слов, вам больше и не надо, хватает. *Наезд, крыша, разборка, гонишь, не грузи меня, отстегнуть, короче, типа, крутой, конкретные пацаны...*».

* Чудакова М. Когда погребают эпоху // Тыняновский сборник. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. — М.: ОГИ, 2002. — 992 с.

Дискуссия: вопросы и ответы

Игорь Кушев, генеральный директор «Агрокомцентра» (Республика Чувашия):

— Хорошая тема, и вы ставите диагноз, но нет рецепта. Я говорю это как отец двух сыновей пятнадцати лет. Сталкиваюсь с этим ежедневно и называю комплексом «Элочки людоедки». Помните, «жуть», «шик», «блеск»... Как лечить эту болезнь, эту лингвистическую пустоту в среде подростков, как гражданское общество может помочь этому? И второй вопрос: взаимоотношения родителей и детей сегодня. Вы говорили о культуре речи, но у нас две разных ментальности, одни воспитывались при социализме, вторые воспитываются сегодня, в переходный период. То есть это не болезнь отцов и детей, это разные культуры...

Мариэтта Чудакова:

— Но я ведь с этого и начала, когда сказала режиссеру на круглом столе, что каждый из нас может заниматься этим ежедневно. Приведу страшный пример, сославшись на Тынянова, у которого в одной работе есть такая оговорка: «Извините за тяжелый пример».

Вы знаете, что в последнее время было несколько страшных авиакатастроф. И некоторые из вас, возможно, читали расшифровку «черного ящика» одной из них, самой страшной, по-моему, потому что самолет, набитый людьми и детьми, падал 12 минут. Кажется, главное не думать о том, что происходило в это время, что они испытали за эти 12 минут, иначе работать не сможешь. Так вот, расшифровали «черный ящик» и оказалось, что, поскольку самолет находился еще на приличной высоте, пилоты не сразу, очевидно, поняли, что произошло. Идут их разговоры, а потом они начинают все больше понимать, что дело плохо, и в конце идет сплошной мат, точками помеченный.

По этому поводу я хочу сказать только одно, ни в малой степени не задевая память погибших: ведь это последние слова — звук-то остался, — которые остались их детям. Слова отцов... А ведь это не невесть откуда взялось в последние минуты их жизни, это значит, вся жизнь у них такая была. Как начался мат с 10–12 лет, так дальше он только нарастал. Как написал про это тот, кто опубликовал расшифровку: «Боже, перед миром просто страшно!». Правильно, страшно...

Я на улице в Москве всегда останавливаюсь, когда мужчины матерятся, и говорю им: «А в чем, собственно, дело? Я иду по улице своего города, почему я должна слышать ваш мат, который не слышала от отца, братьев, от мужа? Дома с женой, пожалуйста, если она привыкла». Знаете, меня ни разу не обхамили. Ни разу не ответили матом. Ошалело слушают...

Так что болезнь лечить надо каждодневными усилиями, даже ежечасными — личными и обращенными вовне.

Татьяна Андреева, директор инвестиционной компании «Гофмаклер» (г. Чебоксары):

— У меня вопрос про иностранные слова в русском языке, особенно в экономической сфере: «маклер», «брендинг», «лизинг» и т.д. Аналогов-то в русском нет...

Мариэтта Чудакова:

— Ну и что? Их нет, поскольку у нас отсутствовала по известным причинам интенсивная нормальная жизнь родного языка. Если у нас будет богатая жизнь родной речи, если мы ее создадим, она сама не свалится с неба, то там они найдут свое место и не будут угрожать языку. От слов, которые я приводила вначале, входивших в русскую культуру в 40-е годы XIX века, люди сначала тоже шарахались. Карамзин, а потом и другие тоже вводили новые понятия, для которых не было русских слов. А куда деваться? И в это время какая была богатая жизнь замечательной родной речи! Поэтому все нашло свое место.

Сергей Губанов, главный редактор газеты «Суть» (Саратовская область):

— Большое спасибо за урок культуры речи, я наслаждался. У меня такой вопрос. Вы говорили о том, что и в коридорах власти, и на телевидении звучит блатной жаргон и мат. Скажите, в этом контексте достаточно ли нам самоцензуры или необходима цензура?

Мариэтта Чудакова:

— Самоцензура вообще необходима, ежеминутно и ежечасно. В том числе и интонационная. Вы просто обязаны учить своих детей тому, что они не имеют права показывать свое раздражение. Я не знаю, способны ли сейчас те, кто активно работает на телевидении, к самоцензуре. Может быть, у них просто атрофировалась эта способность. Повторяю, самоцензура — это один из главных механизмов культуры поведения, эмоций.

А что касается цензуры, то о ней не может быть и речи. Напомню, как относился к ней первый президент России. Те, кто с ним сидел рядом еще на межрегиональной депутатской группе, мне объясняли, как снизошло на него такое глубокое понимание демократии. Они говорили: все очень просто — Сахаров заговорил и Борис Николаевич открыл рот и больше не закрывал, и не пропустил ни одной его фразы.

Если рассуждать о русском национальном типе, а в каждой нации, как известно, всегда есть несколько таких типов, то для русских характерно постоянное желание и умение учиться. И, мне кажется, Борис Николаевич до какого-то момента принадлежал именно к этому типу и выучился тому, что цензуры не может быть никакой. Его поливали грязью с утра до ночи, я думаю, все это помнят. Какие же нервы могли это выдержать!

В свое время я просто любовалась, слушая настоящий мужской разговор, когда Ельцин вручал Отто Лацису журналистскую премию — через год после того, как тот покинул Президентский совет и объяснил в жесткой газетной статье, почему он это делает. Ельцин тогда говорил ему,

вручая премию: ну вы, конечно, нас критикуете, ну что делать? А Ладис ему в ответ: да, будучи журналистами, мы вас критикуем и будем критиковать. *Но я не знаю ни одного случая, чтобы волос упал с головы какого-либо журналиста, который вас лично критиковал.*

Отсутствие цензуры может быть только полным. Никакой частичной цензуры быть не может. Это и есть культура.

Сколько людей мне говорили в эпоху Ельцина: «Как это нет цензуры? У нас есть цензура!» А я отвечала: «Не путайте цензуру со шкурными интересами тех, кто хочет продержаться на телеканале, получая большие деньги».

Должна сказать, что и сегодня человек, которому что-то запретили, всегда может обратиться к нашей Конституции, которая действует, но никто ведь, к сожалению, ее не читает и не следит за исполнением. А должен каждый гражданин этим заниматься в какой-то степени. Это вклад наш в укрепление Конституции. Прочитать ее от начала и до конца хотя бы один раз и детям прочитать, например, всю первую часть, где утверждается то, что у нас 95 процентов населения понять не может, что право на жизнь дано с рождения. Почему американцы усыновляют наших детей без ручки, без ножки, умственно неполноценных? Потому что они с молоком матери воссали, что каждый имеет право на жизнь. Так вот, нужно Конституцию читать для начала, а если кто-то вам закрыл передачу или еще что-то нарушил, то надо подавать в суд, потому что есть статья 29, часть 5, где сказано, что цензура запрещается. Конституция — это закон прямого действия. За его нарушение можно судить, не прибегая к другим законам.

Андрей Баглай, директор ООО «Раевский консервный завод» (Республика Башкортостан):

— Мариэтта Омаровна, полностью с вами согласен, что в сознании современной молодежи слово «культура» ассоциируется с неким сводом правил, нарушение которых влечет за собой наклеивание ярлыка — «человек некультурный». Поэтому хотелось бы услышать ваше определение, что такое культура? Какой он — культурный человек, как нам его воспитать?

Мариэтта Чудакова:

— Вы мне приписали такое умное высказывание, которое я не произносила, но лестно слышать.

Культурный человек — это только одно из значений или ответвлений слова «культура». Это то самое, что относится к своду либеральных ценностей, о которых у нас сейчас больше половины страны, как помешанные, говорят, что они не нужны, что нам вместо них нужны ценности традиционные. Я призываю всех, кто это слышит, сказать: «Минуточку, будьте добры, назовите больше трех традиционных ценностей, которым вы хотите следовать». Уверяю вас, все остановятся на одной. И то хорошо. А про либеральные ценности вообще представления не имеют.

Так вот, все это разработано давно. Мне как-то рассказали о том, как спорят шведы. Если один из них говорит другому: «Нет, вы не правы»,

на этом разговор кончается и они расходятся в разные стороны. Это считается уже пиком недопустимой манеры разговора — так, во всяком случае, мне объяснили знатоки. А у нас, как известно, настоящий разговор с этого только начинается...

Конечно, полная толерантность, умение не повышать голос. Я сегодня стюардессе в самолете рассказывала: даю вам честное слово, я была в Америке много раз, преподавала в университетах по три-четыре месяца, но нигде ни разу не слышала, чтобы человек кричал на другого. Больше того, не слышала, чтобы и мать кричала на ребенка. Дома она, может быть, и кричит, но чтобы на улице или в магазине — ни разу. Я была к этому очень внимательна, поверьте, и обязательно бы услышала. Потому что, как начала поражаться этому, все искала: не может быть, думаю, вот сейчас кто-нибудь да закричит. Нет, наклоняется мать к трехлетней негодяйке и говорит: «Извини, пожалуйста, но я прошу тебя, вынь, пожалуйста, камень изо рта». Слышала своими ушами. Иначе, как *sorry*, не начинают своего обращения. А у нас иногда смотришь, как молодая мать кричит и дергает ребенка, и думаешь: «Боже, только бы не убила...». Между прочим, эти мои слова «не убила бы» наполнены, вы даже не представляете, каким содержанием. Семь лет я работала в Комиссии по помилованию при президенте и могла бы рассказать, как не просто убивают, а *как* именно убивают родных детей наши матери. Но я не буду.

Итак, полная выдержка, интонационный режим, никакого *раздражения*, умение, занимаясь своими делами или веселясь в своей компании, видеть людей вокруг — думать, не мешаешь ли кому, не нужна ли кому твоя помощь... Об этом, о либеральных ценностях я тоже многое узнала на Западе. Еду, помню, в поезде, в баре пью кофе и закашлялась. В другом конце бара сидит молодой человек, читает книгу и тоже пьет свою кока-колу. И когда увидел, что я закашлялась, он тут же оторвался от книги и обратился ко мне: не нужна ли мне его помощь? И это норма. Они вроде ни о ком не думают, я имею в виду молодежь, заняты полностью собой, но — не раз замечаешь, — что они *думают*... Я объясняла своей дочке, когда ей было два-три года: ты можешь делать, что хочешь, но только если это не доставляет неприятностей окружающим тебя людям. Это же такие простые правила, которые мы могли бы с вами вдвоем взять и написать. Давайте выработаем свод правил молодого человека и где-нибудь опубликуем. «Культурный молодой человек» будет это называться.

Светлана Петракова, эксперт Государственной думы ФС РФ (Москва):

— Культурологи разделяют людей по архетипам и полагают, что бескультурных людей нет. У бандитов своя культура, у интеллигентов своя. Поддерживаете ли вы это мнение, что культура есть у всех?

Мариэтта Чудакова:

— Это то, с чего я начала. Значений у культуры вагон и маленькая тележка. Два основных — такие. Культурный в оценочном смысле, интеллигентный, как это было характерно для высокой культуры рос-

сийского общества XIX века. И второе — у каждого народа, у какой-либо группы — своя культура: у эвенков своя, у оленеводов своя, что тоже абсолютно правильно. После Леви-Стросса кто же будет с этим спорить. Так что я поддерживаю и то, и другое определение.

Светлана Петракова:

— Можем ли мы тогда критиковать культуру разных слоев общества?

Мариэтта Чудакова:

— За бескультурность? Да. Поскольку мы находимся не среди оленеводов в данном случае, а в части Европы. Где мужчина не может расстегнуть на улице ширинку (он может, конечно), но если кто-то ему скажет: «Ты что, парень, делаешь?» — он не может ответить: «Это моя культура». Тогда и по физиономии можно получить.

Лилия Левкина, эксперт проекта Программы сотрудничества ЕС и России (Москва):

— Вначале хотела бы поблагодарить вас за соединение глубокого научного знания с личными эмоциями, с собственным гражданским чувством и пониманием современной социокультурной ситуации в нашей стране. И в связи с этим размышление. Вы сказали, что наши малые народы фактически утратили свои национальные языки, но и русский язык знают плохо. С другой стороны, известно выражение, что мысль, высказанная вслух, есть ложь, потому что редко когда слово может четко и емко выразить истинную глубину мысли. Сейчас мы живем в эпоху глобализирующегося общества, то есть в эпоху универсализации языков. Встает вопрос: что же все-таки можно глобализировать, а что стоит отстаивать в своей культуре? Ибо вывод из ваших слов и из выражения, которое я привела, для меня крайне неутешителен. Фактически мы движемся к некоей общей нации на планете Земля, формируется нация всеобщей лжи, лишенная к тому же национальной нравственной и языковой культуры. Что вы об этом думаете?

Мариэтта Чудакова:

— Так или иначе, сказано еще Брюсовым в начале XX века: «И ляжем мы в веках как перегной, Мы все, кто ищет, верит, страстно дышит...». Это неизбежно, когда нечто из наших действий и бездействия закладывается во что-то, что нам, может, вовсе и не нравится. Органика жизни человеческой, против нее не пойдешь, как говорится.

Но не так-то просто слиться в одну нацию и потерять свои языки. Если помните, в одной из записных книжек Ильфа и Петрова есть такой эпизод. Шестилетний вундеркинд-режиссер, что смешно уже само по себе, прыгает и взрослому оператору все говорит: «Только чтобы не было, как у Чаплина». Наконец оператор не выдерживает и произносит: «Не бойся, крошка, как у Чаплина все равно не будет». Так что в одну нацию мы не сольемся и при жизни внуков, и правнуков. Но я согласна, действительно идет процесс довольно пугающий. Мир, скажу мягко, идет к корректировке ценностей, которые кажутся нам при-

вычными. Сошлюсь в этой связи на фонетику. Как-то с мужем, который погиб осенью прошлого года, мы обсуждали проблемы фонетики и пришли к выводу, что как *дóмы* стали *домá* — ударение поменялось, так со временем в русском языке могут появиться и офицерá, поскольку фонетические процессы неуправляемы. Но это, как и многое другое, все равно происходит. Наш долг, сказали мы друг другу, по возможности сдерживать этот процесс.

Так и в нашем случае надо умно, а не просто по инерции отстаивать гуманистические либеральные ценности, которые не могут не быть всеобщими и до осознания которых нам еще расти и расти. Например, отношение к инвалидам или к детям. Мы же ненавистническое общество, чего сами не понимаем. У нас в детских домах сотни тысяч детей, а мы живем, как будто ничего не происходит. Где же у нас право на жизнь?! Я имею в виду право на полноценную жизнь.

Евгений Сулов, доцент кафедры журналистики Марийского государственного университета (Республика Марий Эл):

— У меня вопрос из другой области. Всем известно, что вы специалист по Булгакову. Для меня лично до сих пор остается загадкой телефонный звонок Сталина Михаилу Афанасьевичу. И почему Сталин с таким пиететом относился к «Белой гвардии»?

Мариэтта Чудакова:

— Понимаете, для меня тоже долгие годы это было загадкой, не скрою. В какой-то степени и сейчас загадка. Со звонком — тут все ясно, это чистой воды политиканство, точно так же он звонил Пастернаку. Он хотел их держать здесь, в стране. Ему было важно, чтобы Булгаков сам

отказался от поездки за границу, что тот в испуге и сделал. Сталин, как коварный политик, блестяще построил фразу: «А может быть, правда — вас отпустить за границу? Что — *мы вам очень надоели?*». Вместе слепил это, и Булгакова охватило страх. Это уже был не 25-й, а 30-й год.

А с «Белой гвардией»? Может быть, Сталин завидовал. Семьи не имел такой, как в булгаковской пьесе, друзей таких. Считал, что вокруг него сплошные предатели и мерзавцы, в чем во многом был прав. Если не предатели, то мерзавцы уж точно. Это всё люди, которые могли жить только в условиях насилия, ими же созданного. Ну, что об этом говорить...

Замечательно в свое время сказал Наум Коржавин, умнейший человек. Мы с ним обсуждали, почему Сталин не хотел ставить пьесу «Батум». У меня по этому поводу были свои соображения, а он мне говорит: «Я тебе скажу, почему. Потому что Булгаков поместил вождя в среду подпольщиков-революционеров, а тот хотел, чтобы он принял его в Белую гвардию». Я считаю, что Коржавин дал ответ на ваш вопрос.

Сергей Понамарев, эксперт Пермской гражданской палаты:

— Вы сказали, что сегодня культура предстает безоценочной. Действительно, постмодернизм фактически стер все грани между высокой культурой и низкой. Все культуры равны. Но тем не менее, как для себя лично вы проводите границу, когда идет речь о текстах, фильмах, спектаклях и т.д., что это является достоянием культуры?

Мариэтта Чудакова:

— Очень интересный вопрос, хотя я ничего не говорила насчет границ, но, может быть, что-то вы почувствовали и поэтому спрашиваете.

Считаю ли я, что они стерты? Они не стерты, они изменились, потому что, скажем, в 60-е годы для нас, тогда начинающих критиков и литераторов, было абсолютно ясно то, что было выражено в напечатанной только что в «Новом мире» статье замечательного критика Ирины Роднянской. Я восторгалась тогда этой статьей — «О “беллетристике” и строгом искусстве»*, в которой она показала принципиальное отличие подлинной художественности в литературе от беллетристической облегченности.

Сейчас, конечно, граница между беллетристической и небеллетристической стала подвижной. Я выскажу только одно свое наблюдение. Возможно, оно послужит в какой-то мере и вам, и мне стимулом к размышлению. Несколько лет назад, наблюдая современный литературный процесс, я увидела, что из результата литературной работы исчезло то, что мы — критики, историки литературы, источниковеды, текстологи — считали неперемной частью творческого процесса, что называлось обычно *работой писателя над словом*. Правда, должна оговориться, что это убеждение стало проявляться в 20-е годы XX века. И понятие текстологии тоже появилось именно в советское время, когда на нее были брошены силы лучших наших филологов, потому что им не дали

* «Новый мир», 1962, № 4.

заниматься теорией литературы. Текстология выиграла, а все остальное проиграло. Текстологию мы создали чуть ли не лучшую в мире. Мы считали, что у Чехова — и у Бунина отчасти, но у Чехова точно — во фразе нельзя переставить ни одного слова, потеряется интонация. Рукописи большинства писателей, над которыми я довольно много сидела в своей жизни, тоже показывают, как много они работали с языком. Сегодняшние же писатели обходятся в основном без этого — не хочу сказать им это в осуждение — нет, читаешь, и проза вроде хорошая, но обладает другими какими-то свойствами. А переставить слова точно можно. Что-то изменилось. Будем вместе наблюдать и думать над тем, что же изменилось.

Анжела Шиброва, пресс-секретарь Министерства градостроительства и развития общественной инфраструктуры (Республика Чувашия):

— Вы сказали, что менталитет не является преградой для развития демократии в России, и потом добавили...

Мариэтта Чудакова:

— Нет, я сказала, сначала нам надо разобраться в том, что было привнесено. Согласитесь, что если нечто было привнесено в течение пусть даже долгого срока, шести-семи десятилетий, то это все-таки может быть исправлено хотя бы в следующих поколениях. А если доказывать, как это модно сейчас, что ненависть к труду это исконная черта русского народа... Ну, каторжный труд всем тяжел, и его было много в России, но это не значит, что у нас не любят работать и поэтому невозможна демократия. Ведь что такое демократия и свобода, если одной фразой определить? Свобода — это *возможность*. И ничего другого, на мой взгляд.

А вы когда-нибудь слышали, чтобы человек сказал: «Моя жизнь не удалась потому, что я человек средних способностей, к тому же недостаточно трудолюбив, да к тому очень рано стал увлекаться выпивкой — такое неудачное стечение обстоятельств. Вот поэтому моя судьба так и сложилась». Я лично не слышала. В бедах и неудачах жизни российского человека виноваты все, кроме него самого. А демократия — это «**Пойми, ты можешь!** Тебе дают такую возможность». А он кричит — нет! И у него есть для этого основания. Потому что с частной собственностью дела очень плохи. Я проехала сейчас от Владивостока до Москвы и видела эти тысячи километров бездорожья. Не знаю, что имел в виду президент, разрезая ленточку федеральной трассы Москва — Владивосток, — она существует кусочками. Тогда так и надо было сказать: «Я открываю куски трассы». Отличные куски, надо сказать, — просто как кошка крадется по ним машина! А есть куски, когда в какие-то моменты я, честно говоря, думала: нет, не может быть, чтобы мы могли спуститься по такому склону... Только кувырком!

Так вот, я видела бескрайнее Приамурье, которое наши предки неизвестно зачем прошли до океана. Совершенно неизвестно. Хотя мне мой попутчик, который был за рулем, «афганец», разведчик десантно-го полка, на это мое недоумение говорил с упрёком: так что, Мариэт-

та Омаровна, отдавать, что ли, будем? Я отвечаю: нет, Андрюша, отдавать жалко, но что-то же надо делать. Заселять же надо землю. Может быть, пора все-таки после Хабарова-то...

Ведь мы ехали для чего, с какой идеей? Мы создаем — документы лежат уже в Министерстве юстиции — общественную организацию. И я даже придумала, чем безумно горжусь, для нее название. Организацию придумал «афганец», а я название: «Винт» — ветераны плюс интеллигенция.

Пока все у нас идет нормально. Люди, между прочим, очень заинтересованно отнеслись к нашей идее. Прежде всего «афганцы», которые сейчас в расцвете мужской силы — 40—42 года. У многих из них нечем кормить семью, нет работы. И мы предлагаем раздать им в частную собственность куски земли в Приамурье, там они и дорогу эту сделают. В общем, идеи есть. Хотя многие наши люди не верят, что они могут что-то сделать в условиях свободы, потому что мало для этого сделано властью. А еще меньше местными чиновниками. Когда едешь два дня — просто жалко вас огорчать — и видишь спаленный лес, причем своими руками, и все это знают, то не веришь, что такое возможно. А потом мне объяснили в Улан-Удэ: лес продают китайцам — у них там на десять или двадцать лет запретили вырубку. А я удивляюсь: так он же спалённый! А оказывается, какая хитрая штука: береза сгорает, а сосна обгорает и остается голенькой, ее пили и продавай. И все это происходит не просто при попустительстве чиновников, а они же и продают или получают «откат» за разрешение на вырубку. И там уже все продано-перепродано. И еще китайцы покупают гумус, верхний плодородный слой почвы, его тоже срезают и продают. Я китайцев не обвиняю. Ну почему у дураков и подлецов не купить?!

Я не знаю, как эту тайгу восстановить. Представления не имею. Но на все это невозможно смотреть. Seriously говорю. Стоят только высокие обгоревшие сосны. «А если бы часть этого леса, — сказал мне «афганец», — была бы моя, то я бы этого поджигателя с топориком по лесу погонял бы». Правильно сказал, как мужчина.

И еще несколько слов уже не про лес, а про мои впечатления от людей. Первое. Я теперь знаю самую распространенную фразу в России. Потому что она произносилась в каждом городе, где я выступала перед разными аудиториями, на двадцатой-тридцатой минуте нашего разговора. Фраза особенно картинно звучала у некоторых мужчин, когда они разводили руками и говорили: «Так ведь от нас ни-и-и-чего не зависит». Я слышала ее и от женщин, но от мужчин это было особенно печально слышать.

А второе впечатление хорошее. Люди в своей массе за последние полтора-два года стали другие. Им многое, мягко выражаясь, надоело. Им кажется, что уже — слишком. Когда уже и на выборы можно не приходить, сиди дома, мы сами без тебя выберем и т.д. Они очень живо откликнулись на рассказы о затеянной нами организации, многие записывали телефоны, просили устав.

Заметки с семинара

Тематический семинар Школы «Культура имеет значение» проходил в Ульяновске 1–3 декабря 2006 года. Он был посвящен памяти Юрия Левады — крупного ученого, классика российской социологической мысли, который был

близким другом и постоянным экспертом Школы. Открывая семинар, Елена Немировская сказала: «Как всегда в Школе, мы будем говорить о демократии. Каждая культура носит это платье по-своему. Сегодня мы постараемся ответить на вопрос: каково влияние культуры на современное развитие страны?». Она напредила слова Алексиса де Токвиля о том, что «демократические народы имеют естественный вкус к свободе», но каждая культура привносит свои смыслы в универсальные институты.

Губернатор Ульяновской области Сергей Морозов отметил, что для преобразований, которые происходят в постсоветской России, культура скорее имеет значение сдерживающего, а порой тормозящего фактора. В частности, Ульяновская область, как родина Ленина, была в советскую эпоху на особом положении. В 90-е годы регион продолжал демонстрировать некую исключительность, но с другой стороны: «В глазах ульяновцев, — по словам губернатора, — регион стал самой отсталой и застойной территорией». Проблема в том, что ценностные ориентиры, объединяющие общество, пока отсутствуют, хотя их поиск идет довольно интенсивно.

Можно ли модернизировать культуру, используя чужой опыт? Ответ на этот вопрос искал посол Великобритании в России Тони Брентон. В начале его сессии произошел инцидент, показавший, что наша политическая культура действительно нуждается в модернизации: несколько молодых людей из движения «Наши» попытались устроить послу обструкцию. Хулиганов быстро удалили из зала, и посол стал говорить о том, что чужой опыт строительства институтов можно использовать, но культуру нельзя «экспортировать».

А что такое культура? Известный литературовед и публицист Мариэтта Чудакова начала свою сессию

*Любовь Чиликова,
журналист,
г. Ульяновск*

на тему «Культура и социальная реальность» с указания на многозначность слова «культура», сеющую неразбериху в дебатах: «Значение слова можно передать только описательно, оно не поддается дословному переводу».

Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов заметил, что «политическая культура подразумевает оценку ситуаций с разных точек зрения. Однако, когда требуется особенно глубокое осмысление процессов в мире, политики всех стран тяготеют к упрощению и использованию стереотипов...». Не столь пессимистичен в своих рассуждениях был британский эксперт Школы лорд Роберт Скидельски. По его словам, «когда мы говорим об идентичности, надо помнить, что чем люди образованнее, тем устойчивее их культурная идентичность. Идентификация личности связана больше с деятельностью человека, чем с его рождением».

Как культура влияет на политику? Шведский историк и профсоюзный деятель Гунар Веттерберг на примере своей страны показал связь гражданской политической культуры с демократическим характером государства и, в частности, с развитием местного самоуправления (МСУ). На вопрос Сергея Гогина из Ульяновска, есть ли будущее у МСУ в стране, где нет культуры самоуправления, Гунар ответил: «Можно начинать с чистого листа, с того, что ближе всего людям».

В своем выступлении директор Московского центра Карнеги Роуз Готтемюллер отметила, что на ситуацию в России не лучшим образом влияет и ее международное положение. По ее словам, отношения России и США сейчас переживают негативную фазу: «Холодная война закончена, но противостояние не завершилось».

Журналист и писатель Александр Архангельский назвал главной проблемой для российской политики стереотип-

ные представления о процессах в стране и в мире, расходящиеся с действительностью. Господство старых культурных матриц преодолевается по мере ухода от единого информационного поля к множеству полей, в каждом из которых вырабатывается свой набор представлений.

О том, как культурные процессы влияют на политику, говорили также политологи Ольга Малинова и Юрий Гиренко. Первая рассматривала «политическую культуру» с позиций академической политологии: «Ученые наделены символической властью — они дают названия вещам». Поэтому избыточный интерес к политической культуре опасен, так как может привести к возрождению «партийности в науке». Взгляд Ю. Гиренко, практикующего политического аналитика, на проблемы политической культуры иной. По его мнению, современная полития невозможна без общенациональной политической культуры (включающей совокупность ценностей, языка и поведения), каковой сегодня в России нет... Резюмируя оба выступления и последовавшую за ними дискуссию, Александр Согомонов сказал: «Зачем Сизиф толкает камень? Ведь помимо кары в этом может быть иной внутренний смысл. Точно так же нет определенного судьбой, предрешенного результата нашей политической жизни».

В заключение семинара Юрий Сенокосов и Александр Согомонов провели круглый стол на тему: «Почему мы всегда хотим реформ, но боимся инноваций?». Ю. Сенокосов полагает, что модернизация страны не может быть реализована в рамках только технократического проекта. Она невозможна без осознания того, что субъект модернизации это люди, в массе своей разделяющие ее цели, готовые к инновациям при условии, что, в первую очередь, их культурно-нравственные смыслы не вызывают сомнений.

Жилищная реформа как национальная катастрофа

*Игорь Кокарев,
доцент кафедры публичной политики Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ)*

Как говорится, взяться за перо меня побудило странное открытие: никто из интеллигентных людей, с которыми начинаешь говорить о превратностях жилищно-коммунальной реформы, не только не понимает ее смысла, но даже не знает разницы между ДЭЗом, РЭУ и управляющими компаниями. Похоже, эту разницу скрывают сами ДЭЗы, то бишь старые советские дирекции единого заказчика. Почему?

Я и сам при советской власти не задумывался над этой аббревиатурой. Что-то вроде надстройки над ЖЭКом (жилищно-эксплуатационной конторой). Но когда в стране заговорили о срочной необходимости выбора каких-то управляющих компаний, да еще в обязательном порядке, пришлось задуматься и о роли ДЭЗов в нашей жизни. Дело в том, что пока текли наши крыши и не текла вода в кранах, там наверху ввели какой-то Жилищный кодекс. И требует этот Кодекс нам всем выбирать управляющую компанию. Иначе нам ее назначат. Что при этом изменится в нашей жизни, никто толком не объясняет, но пугают.

Так в чем миссия ДЭЗов, если краны и крыши нам всегда и сейчас ремонтировали не они, а слегка выпивающие рабочие ЖЭКа? И почему теперь вместо ДЭЗов будут управляющие компании? И чем собираются управлять управляющие компании?

Оказывается, во-первых, ДЭЗ и управляющие компании — это одно и то же. Только пока ДЭЗ подчинена управе как ГУП (государственное унитарное предприятие). Или МУП (муниципальное унитарное предприятие). Во-вторых, управляют они нашими жилищными деньгами. А именно: платя их подрядчикам, то есть собранным в ЖЭКах рабочим — слесарям, плотникам, электрикам, дворникам, расплачиваясь за нас с монополистами — Водоканалом, РАО ЕЭС, планируя расходы на плановый или капитальный ремонт. И что интересно: этими деньгами ДЭЗы без нашего ведома управляли и раньше.

Они отвечали за микрорайон, то есть за полсотни (больше-меньше) домов, и, распоряжаясь общим котлом, они обычно направляли деньги на ремонт и поддержание чистоты/красоты туда, где жило начальство, где жили они сами, где уж очень скандалили пенсионеры. И никому в тех деньгах не отчитывались. Жители никогда не знали, сколько денег дал «в общий котел» их дом и сколько на него было истратчено. То, что пропорционального возврата не было, понятно. Но

никто не бунтовал. Деньги-то были не наши, а бюджетные. Перекалывались из одного кармана в другой. И квартиры были не нашими, и дворы, и подъезды.

Теперь же, когда государство под видом приватизации жилья превращает свой гнилой жилой фонд в нашу собственность и заставляет нас самим содержать его, ситуация коренным образом меняется: мы не только хотим знать, КУДА идут деньги именно нашего дома и КАК они расходуются на поддержание именно нашего жилья в приличном состоянии. Некоторые даже хотят САМИ управлять этими деньгами. Например, создав товарищество собственников жилья, тем более что Кодекс как раз к этому и призывает.

И вот тут собственно и возникает коллизия. В жизнь входят новые правила игры. И то, что их снова пишут без нас, очень неприятно и, главное, незаконно. Дело в том, что ДЭЗам нравится их работа — управлять нашими денежками. А если еще учесть, что к нашим денежкам прибавляются и бюджетные субсидии малоимущим и прочие дотации, то им ОЧЕНЬ нравится эта работа. Как-никак эти денежные потоки сопоставимы с нефтяными. И прочие управляющие компании им, конечно, не нужны. Но Жилищный кодекс их упорно навязывает в качестве обязательных конкурентов. Чтобы разбить монополию ДЭЗов и тем повысить качество коммунальных услуг. Приходится подчиняться и имитировать конкуренцию.

Например, в Митино, где я живу, сотрудники ДЭЗа сами (!) ходили по квартирам и предлагали подписать некое решение общего собрания дома (в виде заочного голосования — очень удобно) о выборе в качестве управляющей компании самого этого ДЭЗа. Списка конкурентов при них не оказалось. Не было его и в диспетчерской, куда отсылали любопытных. Как очень любопытный, я дозвонился до начальства, и список появился (его, оказывается, просто кто-то вырвал из папки). Я не поленился и позвонил по этому списку. Из семи телефонов какие-то не отвечали, другие оказались перепутанными. Ответили два. Выяснилось, что это строители, и управлять жильем они и не собираются. Так что поневоле граждане выбрали ДЭЗ. Правда, предлагаемое этим же решением утверждение договора с ДЭЗ не прошло. Ну, не выдержали люди, сообразили: какой такой договор? Где он? Пусть сначала разьяснят, что в нем и какие есть альтернативы. И исключительно правильно поступили!

Интересно, что бы сказали жители, если бы узнали, что сами ДЭЗы очень скоро приватизируются и перестанут подчиняться властям? То есть уже совсем ничем не будут отличаться от прочих управляющих компаний на рынке. И займутся они бизнесом, извлекая максимальную прибыль из управления нашим собственным жилищным комплексом. Для начала возьмут они с нас по своему коммерческому уставу 25–30 процентов от проходящего через них денежного потока на свое содержание. И не спросит с них больше ни КПСС, ни Путин за плохое качество и бесконечно растущие тарифы. Договор подписали? Вот и сидите. А не будете платить — в суд и на выселение. Ну, не на улицу, у нас же социальное государство. Значит, в социальное жилье, в квартиру поменьше, типа общежития. Ну и подальше от центра, конечно.

Потому в повестку дня всех собраний жителей по всей Руси великой надо ставить не выборы управляющей компании, а ДОГОВОР, как знак новых равноправных отношений не власти и народа, не начальника и подчиненного, а НАНИМАТЕЛЯ и ИСПОЛНИТЕЛЯ. Причем это мы — наниматели. А они — исполнители. Чувствуете разницу? И правильно, что чувствуете. И хорошо, что чувствуете. Ибо в ней, кстати, вся суть демократического устройства общества, где власть — слуга народа. Чем быстрее осилим эти новые правила, тем быстрее избавимся и от былой фетишизации любой власти. А начинается все с того, что отныне добровольно подписанная нами бумажка — договор — становится ЗАКОНОМ, определяющим отношения между подписантами. В нем сказано, за что и сколько мы платим и что последует за неплатежами или за плохим обслуживанием. Подписал, к примеру, что отдаешь квартиру за неуплату, значит, отдашь.

Потому-то надо хорошенько знать, что мы подписываем в бумагах, подsunутых нам ДЭЗами. Этот многостраничный и трудночитаемый документ надобно повсеместно и упорно обсуждать, уточнять, обсасывать каждый пункт, придавать гласности все скрывающиеся в нем опасности. В этом документе должны быть согласованы все санкции, указаны все детали взаимных обязательств — с одной стороны, жителей, а с другой стороны — и эксплуатационных компаний, и монополистов-поставщиков воды, тепла и света, и самих управляющих компаний, берущих на себя миссию посредника. Домкомы, органы территориально-общественного самоуправления (ТОС), опытные ЖСК должны всеми средствами — через печать, на своих конференциях, в Интернете — обмениваться между собой опытом превращения этого документа в инструмент найма и контроля за службами ЖКХ, в средство защиты своих семейных бюджетов и повышения качества коммунальных услуг.

Самой дурной практикой следует назвать механическое подписание типового договора, разработанного для нас то ли самими ДЭЗами, то ли в недрах местной власти. Не надо спешить! Лучше потратить свое время, свои деньги на юриста, приложить собственные умственные усилия, но осилить этот новый в нашей жизни документ, попутно осваивая культуру договорных отношений. Еще пригодится...

Так и происходит то, чего хотели авторы Жилищного кодекса. А именно вторичный передел рынка жилья. По масштабам — жилищная революция. Грядет новый передел собственности, и на этот раз уже самой что ни есть единственной, кровной — жилищной собственности. Приличное жилье отойдет постепенно тем, кто в состоянии за него платить, а остальные (их подавляющее большинство) вернутся туда, откуда вышли, — в социальное жилье типа общежития, оставив свою собственность в руках управляющей компании. Ибо в стране, где большинство бедных, владение жильем — непозволительная роскошь. Это же ежу ясно. Только не сразу. А лишь когда придет судебный приговор и вынесет наши вещи на улицу.

Еще в начале 90-х началась приватизация квартир. И власти должны были нам сказать, что оформление квартиры в собственность означает кроме права продавать ее по рыночной цене, еще и обязанность

Том Оттернес. Додо. 1989–1990

платить за содержание и ремонт не только своих квадратных метров, но и всего многоквартирного дома. И не только платить, но и совместно решать, кому платить, сколько платить, за что платить. Словом, управлять этим сложным инженерным сооружением, ставшим долевой собственностью жильцов. Власть скрыла суть жилищной приватизации, чтобы побыстрее прокрутить это дельце. И мы кинулись на халяву получать в собственность свои квартиры. Ибо сразу увидели, что стоимость московских квартир на рынках жилья — сотни тысяч долларов. Сколько бедняков-москвичей тут же их продали, впервые получив на халяву невиданные до сих пор капиталы? Кое-кто поумней сразу уехал жить в Крым, купив там еще дешевый кусок землицы. А кто не продал, продолжал платить государству ту же квартпла-

ту. И тоже радовался: вот, мол, какое у меня богатство. Потом квартплата резко поползла вверх. Сколько было возмущения среди простого народа. Тогда-то, наконец, и заговорили о новых обязанностях собственников квартир содержать за свой счет весь дом с его потрохами — подвалами, крышей, коммуникациями и неизбежным капитальным ремонтом.

Таким скучным оказался смысл жилищной приватизации: он даже не в позорном для правительства росте цен на коммунальные услуги, а в обязательном участии самих жителей в низменных, ничтожных вопросах уборки двора, вывоза мусора, захламления подъездов и т.п. Причем те, кто так и не приватизировал свою квартиру, тоже оказались в тех же условиях: дом-то один и тот же для собственников и не собственников! Можно, конечно, не вникать в эту «чепуху», если дом у вас новый, с собственной котельной и у вас достаточно денег, чтобы не считаться с расходами. Нанять домоуправа, и пусть он разбирается, кто будет дом обслуживать: ДЭЗ, или управляющая компания, или бригада слесарей-плотников-электриков-дворников-охранников. И пусть только попробует не угодить! Хотя и для этого случая — и при больших деньгах, — а придется этому домоуправу серьезно поработать над договором. Но большинство, увы, подавляющее большинство граждан России не только экономит каждую копейку, но и доживает в ветхих домах на слом. А если говорить о водопроводе и теплосетях, то поневоле за голову схватишься: здесь 80 процентов износа. Куда ж дальше-то?

И что же делать? Первое, что приходит людям в голову, — упразднить ненавистный Жилищный кодекс, пусть государство продолжает содержать всю систему ЖКХ с прогнившими трубопроводами и крышами. Еще будут многотысячные демонстрации с такими лозунгами, я уверен. Если вдуматься, ведь приличное современное жилье является важнейшей составной частью системы жизнеобеспечения на территории вместе с дорогами, здравоохранением, безопасностью, образованием, досугом и т.д. А жизнеобеспечение есть основная миссия местного самоуправления. Какое же право имеет муниципальная власть снимать жилье со своей ответственности? Особенно в стране, где нет среднего класса, имеющего достаточно средств, чтобы владеть недвижимостью.

Ведь для большинства населения по силам лишь социальное, то есть государственное, а не частное жилье. И государство во всех цивилизованных и богатых странах стремится иметь его ровно столько, сколько надо, чтобы обеспечить несостоятельную часть населения. Не может право гражданина на жилье быть отданным на откуп рынку и обеспечиваться только хилым обязательством государственных субсидий! Это ж какие должны быть объемы субсидий, какая бюрократия для учета нуждающихся — проще заняться вплотную социальным жильем. Это давно поняли там. А здесь? Здесь что-то не так. И, видимо, потому сотни поправок к Жилищному кодексу пробиваются через немислимые барьеры в Государственную думу. И может быть, его реализацию и перенесут на пару-тройку лет, как уже было с ним однажды. Хорошо бы!

Но что изменится за этот срок? А вот что. Во-первых, некоторые люди поймут, что управлять своими скудными средствами на содержание своего жилья лучше все же самим. И, сообразив это, научатся организовываться в товарищества собственников жилья — ТСЖ, куда и будут поступать все средства: и квартплата, и субсидии, и дотации. ТСЖ и будут расплачиваться с поставщиками услуг, без посредников. И появится специальность управдома, как в добрых старых ЖСК: управляли же председатели, избранные жителями, и неплохо. Теперь это будут ТСЖ. Некоторые раскошелятся и на оплату своего менеджера с бухгалтером — это все же не 30 процентов от бюджета дома. На первых порах и их не надо: пусть будут управляющие компании, но правление ТСЖ станет собирать деньги, договариваться о тарифах, согласовывать сроки текущего и капитального ремонта, заключать договора, контролировать их выполнение. Все-таки такая организация дела эффективней, чем биться за свои права в одиночку.

Возможно, за эти три года поймут, наконец, и муниципальные власти кое-какие фундаментальные вещи. Об этом, право, даже странно говорить, но даже богатейший мэр Москвы притворяется, что не понимает: если власти хотят жилищное самоуправление, то пусть будут любезны передать товариществу весь дом, с подвалами и прочими нежилыми помещениями, как единый инженерный комплекс. И не забудут при этом сделать в нем капитальный ремонт, чтобы товарищество не было обременено невыполнимыми обязательствами с момента получения дома на баланс. Кто ж в здравом уме согласится отвечать своими средствами за ветхое жилье, от которого спешит избавиться власть? Тут у государства должок на сотни миллионов долларов. И это так бросается в глаза, что обсуждать неприлично...

За это время как раз и кадастр подоспеет, и землеотвод власть сделает под каждым домовладением. Так, чтобы товарищества брали дом вместе с землей, а то что это за собственность, с которой в любой момент и согнать могут? А самое главное, на рынке наконец подрастут, наберутся опыта реальные игроки, конкурирующие управляющие компании, и они-то и будут на самом деле заинтересованы в том, чтобы не тормозить создание ТСЖ, а реально помогать им. В том хотя бы, чтобы передавать жителям действительно полную информацию о техническом состоянии дома и об арендаторах или собственниках нежилых помещений. В том, чтобы открыто и по-деловому, как партнеры, сесть за стол переговоров и обсудить по пунктам условия договора управления. В том, чтобы добровольно принять принципы подотчетности жителям в лице ТСЖ.

А на первых подступах к этой новой жизни, которая когда-нибудь все-таки наступит в России, надо всемерно развивать активность домкомов и ТОС как массовой школы общественного и жилищного самоуправления. Так победим!

Страх, унижение и надежда: эмоциональное столкновение культур*

Статья Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» была опубликована тринадцать лет назад, за восемь лет до 11 сентября 2001 года и за двенадцать лет до скандала с карикатурами на пророка Мухаммеда. Она до сих пор остается наиболее обсуждаемой публикацией, а по влиятельности вполне сопоставима с известной статьей Джорджа Кеннана о «сдерживании» Советского Союза. В этом многозначном тексте Хантингтон утверждал, что конфликт цивилизаций вот-вот станет доминирующим фактором международной политики. Главная мысль автора заключалась в том, что мировая политика перестраивается в соответствии с культурными разломами, идущими на смену разграничительным линиям времен холодной войны. Следует признать, что тогда подобное видение мира, весьма схожее с построениями Арнольда Тойнби, казалось мне слишком схематичным в плане анализа и слишком пессимистичным в плане выводов.

К несчастью, первые годы XXI века свидетельствуют, что предложенная Хантингтоном концепция была скорее верной, нежели ошибочной. И все же уместно еще раз задаться вопросом: какова истинная природа конфликта, разворачивающегося у нас на глазах? Первое время после 11 сентября успокаивающей и «политически корректной» казалась идея о том, что мы имеем дело с конфликтом внутри одной цивилизации — исламской. Однако в свете столкновения группировки «Хезболла» с Израилем в Ливане отстаивать этот тезис довольно трудно. Современный мир переживает если и не «столкновение цивилизаций», то, по крайней мере, «столкновение эмоций», довольно четко демонстрируя соприкосновение трех самобытных культур. Упомянутые культуры следует определять с помощью понятий, которые наилучшим образом запечатлевают их сущность и схватывают преобладающий эмоциональный настрой. Речь идет, во-первых, о «культуре страха», во-

Доминик Моизи,
политолог, ведущий научный
сотрудник Французского
института международных
отношений (IFRI)

* Сокращенная версия статьи опубликована в журнале «Foreign Affairs» (2006, № 6). Статья публикуется с любезного разрешения автора.

площаею сегодня западным миром, Америкой и Европой в совокупности. Во-вторых, о «культуре унижения», представленной арабским и мусульманским миром. В-третьих, о «культуре надежды», распространенной на азиатском континенте, в частности в таких странах, как Китай и Индия.

К несчастью для Запада, вместо того чтобы сплачивать Соединенные Штаты и Европу, культура страха чаще разъединяет их. Говоря точнее, они расходятся в первую очередь в том, как преодолевать мучающие их опасения и тревоги. В противоположность этому культура унижения представляет собой цемент, скрепляющий воедино наиболее радикальные силы исламского мира. Комбинация эмоциональной сути конфликта между Израилем и Палестиной с нарастающими трудностями Америки в зоне «большого Ближнего Востока» повышает энергетику культуры унижения. Она легко переходит в культуру ненависти. Причем у нее нет какой-то определенной географической локализации, поскольку она живет в мусульманских общинах от Европы до Азии и от Азии до Африки, хотя преобладающей зоной ее влияния можно считать Ближний Восток.

Это противостояние страха и унижения оборачивается благом для третьей культуры — культуры надежды. Не находясь на передовой линии конфликта, она может сосредоточиться на самой себе. «В ходе войны цивилизаций выигрывают те цивилизационные системы, которые воздерживаются от участия в конфликте», — отмечал Хантингтон в расширенной версии своей статьи, ставшей книгой*.

Разумеется, все эти обобщения не следует упрощать, воздвигая на их основе схематическое видение мира. Фактически главной предпосылкой этого эссе

выступает мысль о том, что наш мир не столько «плоский», сколько «сложный». Причем в значительной мере упомянутая сложность обусловлена непростыми взаимоотношениями между культурами страха, унижения и надежды, разворачивающимися в контексте глобализации.

Чтобы еще более усложнить картину, можно добавить, что все три культуры в различной степени присутствуют во всех странах и на всех континентах. Например, любую из них сегодня можно найти в такой стране, как Россия. Здесь есть культура страха, стимулируемая затянувшимся конфликтом в Чечне, культура унижения, связанная с недавней утратой Империи, и культура надежды, произрастающая из повышения качества повседневной жизни многих россиян за счет фантастических доходов от нефти и газа. В Латинской Америке популистские плоды культуры унижения проявляют себя в таких странах, как Венесуэла или Боливия. В то же время в соседней Бразилии можно наблюдать сочетание культуры надежды «азиатского» типа и культуры страха, питаемой неконтролируемым применением насилия. Что же касается европейского континента, то здесь зримые признаки культуры надежды просматриваются прежде всего в странах «новой Европы», таких как Эстония, экономика которой увеличивается на тринадцать процентов ежегодно, а также в странах Центральной Европы и Скандинавии. В Северной Америке осторожный оптимизм Канады поддерживается скорее наплывом переселенцев из Азии, нежели соседством с могучими, но терзаемыми многочисленными стрессами Соединенными Штатами.

Для начала попытаемся понять культуру страха, захлестнувшую западные общества.

* Автор имеет в виду книгу «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» (1996). — Прим. перев.

Культура страха

США и Европа одновременно и объединены и разделены общей культурой страха. Столь упрощенное утверждение может показаться прово-

кационным по обе стороны Атлантики. Каким образом, спросят апологеты уникальной роли Соединенных Штатов в современном мире, в одну категорию можно зачислять европейскую культуру «слабости» и американскую культуру «могущества»? Поскольку континенты находятся в разных весовых категориях, скажут нам, их нельзя соединять такой распространенной и такой негативной эмоцией, как страх. Этот подход отвергли бы и многие европейцы, ибо нынешние затруднения гораздо проще объяснять отсутствием качественного политического руководства в той или иной стране. Под началом новых и целеустремленных лидеров Европа обязательно восстановит уверенность в себе и в своем будущем. Конечно, более приятно было бы говорить о Западе в терминах общей «культуры демократии», но, к сожалению, этот классический взгляд упускает саму суть новизны, отличающей наше время.

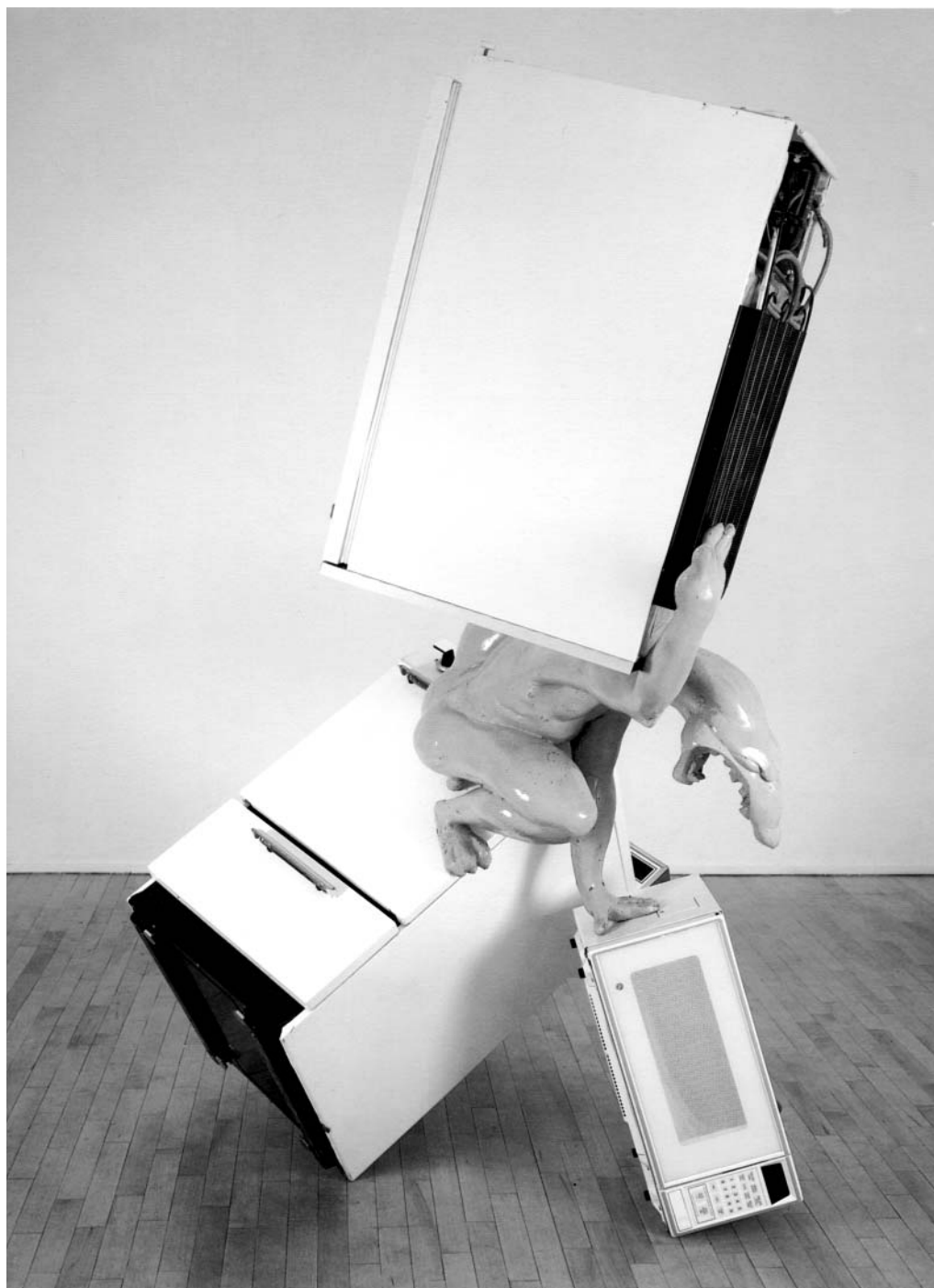
Понятно, что в Европе природа страха может быть совершенно иной, нежели в Соединенных Штатах; подобно тому, как серый цвет имеет разные оттенки, бояться можно с разной степенью интенсивности. Тем не менее страх — преобладающая эмоция по обе стороны Атлантики. И там, и здесь мы наблюдаем «страх перед другим» и «страх перед будущим». И там, и здесь фиксируется беспокойство по поводу утраты идентичности в нашем все более сложном мире. Ибо чем меньше мы понимаем и контролируем мир, тем больше нам хочется знать, кто мы и что отличает нас от других.

В европейской ситуации весьма соблазнительно поразмышлять об «археологических пластах» страха. Есть, например, страх подвергнуться нашествию нищих, приходящих в основном с Юга. Телеви-

Сложность мира обусловлена нефростыми взаимоотношениями между культурами страха, унижения и надежды

сионные образы из испанских анклавов в Марокко, обошедшие мир менее двух лет назад, наиболее ярко отразили причины этого страха. Там были застрелены десятки людей, которые пытались преодолеть колючую проволоку, отделявшую их от европейского рая. Эти ужасные картины пробуждали в памяти образы иной эпохи, не такой уж и давней: точно так же убивали восточных немцев, которые пытались обрести свободу по ту сторону берлинской стены. Те люди погибали, потому что хотели избавиться от угнетения. Нынешние африканцы гибнут, спасаясь от отчаянной бедности. Этот первый страх европейцев — итог обоюдного воздействия демографии и географии. «Они» слишком многочисленны и их положение слишком беспросветно, а нас так мало и мы живем так богато. Чем больше мы нуждаемся в них с экономической точки зрения, тем более активно мы отторгаем их на эмоциональном уровне.

Далее, разумеется, есть страх подвергнуться нападению со стороны исламских фанатиков-фундаменталистов. Или оказаться демографически покоренными ими на континенте, который станет «Евроарабией». Возможно, после террористических актов в Мадриде в 2005 году и в Лондоне в 2006 году европейцы не ощущают себя на войне в той же степени, в какой это присуще американцам после 11 сентября 2001 года. А может быть, как раз наоборот — поскольку для многих Европа есть не-

Оэвид Мач. В каждом доме кому-то жить. 1989

что не слишком целостное, Нью-Йорк столь же близок нам, как Лондон и Мадрид. Но, как бы то ни было, европейцам сегодня приходится считаться с тем, что их континент — это не только цель террористов, но и их база. Враг внутри нас, фактически это мы сами. Ведь лондонские террористы-смертники в основном британские граждане, родившиеся и получившие образование в Великобритании.

Нам знаком также страх остаться позади более динамичных экономических систем, прежде всего азиатских. В глазах многих европейцев глобализация тождественна переезду производств и потере рабочих мест. Они опасаются того, что Европа вот-вот станет музеем, чем-то похожим на Венецианскую республику, местом, где можно хорошо отдохнуть или устроиться на пенсии, но которое больше не будет центром притяжения для всего мира. Если мы, европейцы, собираемся играть в будущем мире какую-то роль, сравнительные темпы роста Европы и Азии и даже Европы и Америки являются абсолютно нетерпимыми.

К трем перечисленным страхам, связанным с демографией, безопасностью и экономикой, можно было бы добавить, в зависимости от страны проживания, страх попасть под ярмо внешней силы, пусть даже дружественной, как США, или же анонимной, вроде европейской бюрократии из Брюсселя. Что объединяет все эти страхи воедино, так это ощущение того, что вы больше не контролируете свою территорию, свою безопасность, будь то в физическом или экономическом смысле, свою идентичность. Наличие всех этих многослойных страхов помогает понять, почему во Франции и Голландии, двух странах-основательницах Европейского союза, большинство на конституционном референдуме получило «нет». Оно также

объясняет возрождение сильных национальных и региональных чувств во многих странах Европы — тех самых эмоций, которые ярко проявились во время последнего футбольного чемпионата мира в Германии.

В той или иной степени это ощущение неспособности управлять собственной судьбой весьма присуще и Соединенным Штатам, причем зародилось оно еще до 11 сентября 2001 года. Победа Рейгана в 1980 году была, по крайней мере отчасти, контрреволюционной реакцией на культурные и моральные «эксцессы» безграничной свободы, отличавшей «эпоху Вудстока»*. Разумеется, чтобы сопоставлять эти чувства с европейскими страхами, в них необходимо разобраться более детально. Так, «демографический» страх, живущий в США, заметно сглаживается успешной интеграцией испаноязычного населения, совершенно несопоставимой с трудным вхождением арабского и негритянского сообщества в Европу. А мексиканская граница не слишком напоминает Средиземноморский регион. И все же опасения потерять свой язык, свою культуру, свои ценности в Америке очень живучи. В символическом смысле американские споры об исполнении национального гимна в его «испанской версии» очень похожи на французские дискуссии о ношении хиджаба. Граждане должны подтверждать приверженность религии национализма, пользуясь в Америке английским языком, или — религии «секуляризма», отказываясь от ношения религиозных символов в республиканских школах во Франции. А после наводнения в Новом Орлеане и всех образов обездоленных, в основном чернокожих людей, слишком надолго брошенных на произвол судьбы, возникает соблазн применить к интеграционным моделям Франции и США термин «кон-

* 15–17 августа 1969 г. близ городка Вудсток (штат Нью-Йорк) прошел грандиозный рок-фестиваль, ставший на долгие годы символом полной свободы самовыражения. — Прим. перев.

курентная деградация». Есть, однако, существенное различие. В Соединенных Штатах черная община жила с самого создания республики, пусть даже поначалу в качестве рабов.

Поскольку показатели экономического роста в США существенно выше, чем в большинстве стран Европы, американцы не так боятся экономического упадка, как европейцы. Они могут размышлять о своем обществе как об ускоренной версии описанного Гиббоном «подъема и упадка империй». Сравнение с Венецией не приходит им в голову. И все же, несмотря на их уникальность, гибкость, динамизм, культ успеха, достижения в науке и образовании, они тоже иногда думают о возможном крахе. В их телах признаки разложения обнаруживают себя массовым ожирением, в их бюджетах — огромными долгами, а в их душах — нежеланием их солдат участвовать в зарубежных авантюрах или неверием в систему политического представительства, разделяемым с европейцами. Кроме того, они всегда боятся потерять работу и оказаться в подчинении у китайцев.

После 11 сентября легко понять одержимость Америки проблемой собственной безопасности. До сего момента эти хлопоты были не напрасными: с 2001 года американская земля не подвергалась крупным атакам. Но какой ценой для влияния и имиджа Америки в мире дались эти успехи? Террористам, по крайней мере отчасти, удалось пошатнуть фундаментальные ценности Соединенных Штатов и их вполне законные притязания на статус страны, которая «лучше, чем любая другая». В подтверждение тому можно сослаться и на трудности, с которыми сталкиваются въезжающие на территорию США иностранцы, и на скандал с правами человека в тюрьме Гуантанамо. И как можно мечтать об экспорте демократии в страны, подобные Ираку, если вы не вполне уважаете ее принципы у себя дома?

Нынешняя Америка есть итог трагической комбинации наиболее «идейной» и радикальной за всю американскую историю правящей элиты и исключительных обстоятельств, волей судьбы подкрепивших ее ревизионистский проект. Практикуемое администрацией Джорджа Буша вызывающее отношение ко всему остальному миру было не рождено, но усилено событиями 11 сентября. В то время как европейцы, пытаясь защитить себя от внешнего мира, выбирают сочетание эскапизма и сдерживания, американцы хотят изменить этот пугающий мир. «Предназначение современного мира в том, чтобы совершенствовать себя, и никто не подходит для этого дела более, чем Соединенные Штаты, самая могущественная и самая высокоморальная страна на земле». В этой фразе, пусть и не дословной, отражен общий дух первой речи Кондолизы Райс в Париже после ее вступления в должность государственного секретаря в феврале 2005 года. Но за подобными энергичными и оптимистическими заявлениями скрывается иная реальность, причем такая, которую американская стратегия делает только хуже. То, как американцы реагировали на сентябрьскую трагедию, внесло немалый вклад в создание «напуганного» мира. Американское вторжение в Ирак запустило механизм самореализующегося пророчества. Ибо, помимо вмешательства в гражданскую войну в этой стране, американцы нарушили баланс власти, многие века поддерживавшийся в исламском мире, в пользу наиболее радикальных шиитов. На большей части арабского мира возмущение США и Западом сегодня перевешивает страх перед Ираном, мировым лидером шиитов. Разделенный Запад столкнулся с исламским миром, чьи глубочайшие и давние межевые линии в настоящее время разравниваются культурой унижения. Той культурой, которой цинично и изощренно манипулирует тоталитарная идеология, в глобальную эру исключительно

преуспевшая в искусстве пропаганды и в «войне образов». От Палестины до Ирана, от Ирана до Ливана идеал демократизации ставится с ног на голову, меняя баланс власти в пользу наиболее радикальных, антидемократических и антизападных сил. Ибо американцы своим неуклюжим вмешательством скрепили альянс между религиозным фундаментализмом и национализмом. Именно шииты наиболее близко подошли к реализации идеи, которую сторонники арабского единства не сумели реализовать десятилетия назад — к формированию мощного союза, основанного на сочетании униженности и ненависти.

Культура унижения

Европейцы начали задумываться об упадке собственной цивилизации после Первой мировой войны. «Мы поняли, что смертны», — констатировал французский поэт и философ Поль Валери в 1922 году. Но исламский мир к тому моменту был озабочен проблемой упадка по меньшей мере четыре столетия. Пока Европа переживала Средние века, ислам был на пике своего Ренессанса. А когда Возрождение наступило на Западе, мир ислама уже начал погружаться в длительный период деградации. Начиная с поражения при Лепанто в 1572 году и под стенами Вены в 1683 году и вплоть до полного разгрома в битвах Первой мировой войны Османская империя медленно уходила в небытие. Создание в 1948 году посреди «арабских земель» государства Израиль было расценено мусульманами как окончательное подтверждение исторической неудачи. В глазах евреев легитимность Израиля подкреплялась не только тем, что это было исполнение религиозного обета; в этом событии видели также воздаяние международного сообщества за уникальное преступление — гитлеровский геноцид евреев. Арабы же, напротив,

видели в нем анахронизм — навязывание им западной колониальной логики в том самый момент, когда в мире начались процессы деколонизации. Они не понимали, почему за преступления христианского Запада против евреев должен расплачиваться мусульманский Восток. С течением времени неразрешимый конфликт между Израилем и его соседями превратился в матрицу трудных взаимоотношений между культурой страха, которая есть также и культурой вины, и культурой унижения, обрачивающейся культурой ненависти. Его межэтнический характер был сведен к изначальной религиозной основе — к конфликту между мусульманами и иудеями, а возможно, и к более широкому конфликту между миром ислама и миром Запада. Углубление ближневосточного кризиса в последние годы, совпавшее с процессом глобализации, упростило культуру унижения. Мусульманский Ближний Восток болезненно переживает контраст между фаворитами глобализации в лице Запада и Юго-Восточной Азии и теми, кто не получил от нее ничего.

Разумеется, легче всего винить в этом дурное правление, осуществляемое режимами, чье политическое выживание зависело от западной и прежде всего американской поддержки. Постепенно на Ближнем Востоке обнаруживалась следующая закономерность: чем более прозападными были режимы, находящиеся у власти, тем более антизападными оказывались живущие под их началом общества. Совпадение гражданской войны в Ираке и эскалации насилия в Ливане, а также острое чувство несправедливости, которое эти события вызвали у многих мусульман, лишь усилили культурную напряженность, в полной мере использованную Ираном и его союзниками. В противостоянии образов и символов шиитские экстремисты могут выступать выразителями духа сопротивления вечному унижению

арабов. В их мире отсутствие бесспорного поражения выступает явным признаком победы, а способность уничтожить одного врага в отместку за десять своих кажется свидетельством успешного соревнования с технологически более мощным, но, предположительно, более мягким и, следовательно, слабым противником. Согласно этой дурной, искажаемой религией логике, чем большие муки претерпевают воины ислама, чем больше ударов на глазах всего мира они получают, тем сильнее они становятся. А израильтяне во время ливанской войны поддались на эту провокацию — возможно, в силу некоторой американизации их военного мышления с присущим ему упором на бомбовые удары, а может быть, из-за недопонимания истинной природы врага.

Эмоциональная пропасть, отделяющая культуру страха от культуры унижения, не ограничивается ближневосточным регионом. Фактически, даже если французские бунты осени 2005 года непосредственно были вызваны социально-экономическими причинами, за ними стояла культура унижения, покорившая молодых арабов и чернокожих. Чувство отверженности, выражаемое ими в актах насилия: «я разрушаю, следовательно, я существую», — отражало фундаментальную отчужденность. Не имея возможности найти работу из-за своего цвета кожи, имени, адреса, постоянно — особенно после 11 сентября — находясь под подозрением полиции, пребывая в заточении городских гетто, они чувствовали себя отвергнутыми обществом, которое теоретически предоставляет им равные права, но практически не справляется с этим.

Эмоциональный перепад между культурами страха и унижения является также продуктом несовпадения исторических календарей. По мере того как Европа становится все более секуляризованной, значение религии в повседневной жизни мусульман возрастает. Глядя на

современный ислам, европейцы вспоминают, какими они были в XVI и XVII веках, то есть когда на континенте доминировала религия и он был объят религиозными войнами. Конечно, в Соединенных Штатах эта пропасть менее ощутима: эта страна остается глубоко набожной, а религиозное возрождение посетило ее позже. И все же исламский фундаментализм уникален — в том смысле, что его питает двойная ненависть: шиитского меньшинства в отношении суннитского большинства и, более глобально, всех мусульман в отношении Запада в целом.

В подобном контексте американская идея демократизации Ближнего Востока предстает в лучшем случае благим намерением, а в худшем — самоубийственной ересью.

Культура надежды

Для того чтобы понять факторы благополучия Юго-Восточной Азии, стоящие за экономическими успехами Китая и Индии, не говоря уже о Японии, постичь их уникальность, в основе которой лежит ощущение, что сегодня стало лучше, чем вчера, а завтра будет лучше, чем сегодня, важно сосредоточиться на эволюции такого самовосприятия. Кто-то, опровергая Гегеля, может сказать, что западная идея прогресса просто переместилась с Запада на Восток. Прекрасной фиксацией новой китайской психологии стала художественная выставка «Три императора», состоявшаяся в 2006 году в Королевской академии искусств в Лондоне. Скрытый подтекст экспозиции, спонсируемой китайским правительством, был предельно ясен: «Китай возвращается». Центральным экспонатом стало огромное полотно XVIII века, написанное в европейском стиле и изображавшее западных послов, отдающих дань уважения китайскому императору. После за-

тянувшегося периода упадка, который начался в XIX веке и продолжался двести лет, Китай энергично восстанавливает свой международный статус. Проводимая им политика в духе Гизо, французского министра, занимавшегося вопросами экономики в 1840-х годах, которая выражается лозунгом «Обогащайтесь и не возмущайтесь», сегодня работает повсе-

местно. И действительно, нужно ли стране, успехи которой столь впечатляющи, «раскачивать лодку» мировой политики? Ведь за исключением проблемы Тайваня, Китай — глобально удовлетворенная держава, которую уважают за ее достижения. «Срединное царство» вновь занимает позицию, традиционно закрепленную за ним в большой Лиге Наций, — вторую (пока, по крайней мере) после Соединенных Штатов Америки.

Что касается Индии, то про нее нельзя сказать, что она «возвращается». Впервые за всю свою историю она появилась на международной арене в качестве независимого и ключевого актора. Индия, новый, но тем не менее центральный партнер американской дипломатии, благодаря своим индустриальным гигантам добилась выдающихся успехов в экономической конкуренции — достаточно упомянуть стальную империю Миттала. Гордость и оптимизм обновленной индийской элиты впечатляют даже больше китайской гордости и оптимизма. Крупнейшая демократия мира скоро станет самой населенной страной планеты и, как представляется, не знает пределов роста. Разумеется, какая-нибудь новоявленная Кассандра вполне справедливо укажет нам на уязвимость культуры надежды, которую в любой момент может постичь участь карточного домика. Стратегические, экономические, социальные и политические трудности многочисленны. В

плане отношений между отдельными нациями Азия еще не пережила того процесса примирения, который стал одним из наиболее впечатляющих достижений Западной Европы после Вто-

*Культура унижения не способна
выиграть войну, но Запад может ее
проиграть*

рой мировой войны. Доминирующее в Китае и Южной Корее отношение к былым деяниям Японии очень напоминает ситуацию в Европе в 1950-е годы. Китай вообще задает двойные стандарты применения исторической памяти: если по отношению к японцам доминирует максима «никогда не забывай», то в отношении собственной трагической истории предпочитается «никогда не вспоминай». Власть, находящаяся в руках причудливой секты, превратила Северную Корею в опасного изгоя. Немалое беспокойство доставляет и гонка вооружений, ускоряющаяся в регионе, не говоря уже о риске распространения ядерного оружия по всей Азии.

С политической точки зрения наблюдаемое в Китае несоответствие между экономическим динамизмом и неспособностью или отказом нынешнего руководства проводить наиболее назревшие реформы не способствует мирной эволюции. А огромная пропасть, разделившая богатых и всех прочих, не говоря уже о риске «перегрева» экономики, также не сулит ничего хорошего стране, которая отчаянно нуждается в свободном доступе к ресурсам, ибо для нее неуклонный экономический рост — единственный залог политической стабильности, позволяющей нынешнему режиму выживать. И все же если анализировать ситуацию с точки зрения населения, а не власти, то надежда здесь, бесспорно, живет; имеются также и гомеопатические признаки зарождения

гражданского общества. У Индии, несмотря на устоявшиеся демократические институты и сформировавшуюся демократическую культуру, тоже есть свои проблемы, главными из которых выступают коррупция и чудовищное неравенство. И все же до тех пор, пока в новых гигантах Азии преобладает доверие настоящим и сдержанный оптимизм по отношению к будущему, ежегодно подкрепляемый высокими показателями экономического роста, культура надежды будет оставаться гарантией стабильности или даже реформ.

Что делать?

Картина мира в западной перспективе требует прежде всего распознавания угрозы, с которой столкнулись Европа и Соединенные Штаты. И здесь одинаково опасно отрицать нынешний вызов и неверно трактовать его. Поддаваясь соблазну умиротворения или впадая в иллюзию военных решений, мы подчиняем себя стратегии противника. Если, как мне представляется, Запад имеет дело с культурой унижения, нам нужно делать прямо противоположное тому, чем американцы занимаются в Ираке или израильтяне в Ливане. Столь же опасным заблуждением является и попытка «приструнить» Иран. 1930-е годы в Европе убедительно продемонстрировали, что тоталитарный режим невозможно подкупить. Чем больше вы ему льстите, тем крепче его убеждение в собственной безнаказанности.

Война, разворачивающаяся у нас на глазах, такова, что культура унижения не способна ее выиграть, но вот Запад вполне может ее проиграть, продолжая внутренние распри или предавая наши фундаментальные ценности. Уникальность «мягкой власти» Запада обуслов-

лена тем фактом, что мы, несмотря ни на что, остаемся открытым обществом, уважающим верховенство права и свободу индивида. Если враги заставят нас отказаться от собственной сути, мы утратим всякую самобытность.

Для того чтобы не предать наши ценности, мы должны сохранять верность принципам и прежде всего своей идентичности. И рецепт не в том, чтобы разыграть карту «умеренного» ислама против фундаменталистов. Надо принести в мусульманские общества ощущение надежды и веры в прогресс, которое отвратит народные массы от следования за теми, кто представляется их единственными защитниками и в конечном счете уничтожает их. Конфликт между израильтянами и палестинцами предстает не только матрицей, но и ярким примером того, во что превращается мир.

Израиль — островок Запада, окруженный культурой унижения, мечтающий выбраться из своей региональной преисподней через приобщение, по крайней мере экономическое, к азиатской культуре надежды. Решение палестинской проблемы есть необходимый ответ на углубляющуюся пропасть между культурой страха и культурой унижения.

Наконец, мы не должны смешивать исторические календари. В обозримом будущем Китай наш партнер, а не противник, подобный Ирану и возглавляемым им фундаменталистам. Если наша цель в том, чтобы преодолеть культуру страха, расширяя ареал культуры надежды, то азиатские гиганты выступают вместе с нами, а не против нас. Демократия — абсолют лишь для нас; для наших союзников она не является столь же обязательной.

*Перевод с английского
Дарьи Захаровой*

Осенью 2006 года в Варшаве состоялось пятое ежегодное собрание Международного общественного комитета «Россия в объединенной Европе» (координатор Владимир Рыжков), на котором обсуждались проблемы взаимодействия России и ЕС на постсоветском пространстве. На этом форуме был, в частности, представлен публикуемый ниже документ

Концепция сотрудничества России и ЕС на постсоветском пространстве

Автор: Надежда Арбатова, директор научных программ Комитета «Россия в объединенной Европе». При участии член-корр. РАН А.Г. Арбатова, д.э.н. Е.С. Хесина.

1. Фактор СНГ в отношениях России и ЕС

1. Политика России на постсоветском пространстве остается основным фактором, который будет влиять на развитие отношений России с ЕС и Западом в целом, являясь одним из важнейших критериев в оценке российских процессов демократизации. И наоборот, политика Запада в отношении стран СНГ является для российской политической элиты своеобразной лакмусовой бумажкой для понимания истинных целей посткоммунистических стратегий как ЕС, так и НАТО.

2. Представляется, что и Россия, и ЕС допустили серьезные ошибки в отношении постсоветского пространства. Ни у России, ни у ЕС не было четких стратегий в отношении СНГ.

У России, получившей независимость, эйфория от распада СССР сменилась ощущением потери и поражения, причем не на дальних подступах, а в своем непосредственном окружении. «Собрание» СНГ под своей эгидой и решение конкретных проблем подталкивало российское руководство к установлению «особых отношений» с государствами СНГ, которые в конечном счете сводились к роли РФ в качестве донора постсоветских независимых государств. **Взамен дифференциации отношений в рамках СНГ и выделения приоритетных партнеров, Россия, по сути, приняла модель иждивенческих отношений со стороны своих ближайших соседей, которые перенесли на российское руководство всю ответственность за произвол бывшей советской власти, в частности на том основании, что реальные механизмы управления СССР и РСФСР были слиты воедино.**

Что касается Европейского союза, то Брюссель, как, впрочем, и весь Запад, после решения проблем с ядерным наследием СССР рассматривал центробежные тенденции на территории СНГ как важнейшее условие демократизации этих стран и залог того, что СССР в той или иной форме никогда не возродится на постсоветском пространстве. Это был такой же ошибочный подход как «собрание» Россией СНГ без четко сформулированных интересов и целей в каждом конкретном случае. Европейские страны СНГ не были включены в посткоммунистическую страте-

гию ЕС, в основе которой лежали два направления: стабилизация через региональное сотрудничество с наиболее проблемными странами и регионами Центральной и Юго-Восточной Европы и интеграция наиболее подготовленных стран в ЕС. Сам факт появления СНГ вызвал опасение в Европе относительно возрождения в той или иной форме нового Советского Союза.

3. Одна из главных проблем в отношениях России с ЕС, напрямую связанная с СНГ, в первую очередь его европейской частью, состоит в отсутствии стратегических целей этих отношений. Россия, сыгравшая решающую роль в окончании биполярности, так и не нашла своего места в стратегии расширяющегося Европейского союза, как, впрочем, и НАТО. **Отсутствие стратегических целей в отношениях с Россией при активной политике расширения ЕС на восточном направлении неизбежно усиливало и продолжает усиливать великодержавные настроения российской политической элиты, как и ее опасения относительно западной стратегии «выдавливания» Москвы из зоны ее жизненно важных интересов — СНГ.**

4. Расширение ЕС, первоначально воспринимавшееся как объективный процесс в развитии постбиполярной Европы, сегодня все чаще воспринимается многими в России как источник новых для нее вызовов, уже не только в связи с проблемой Калининграда (территориальная целостность России, пассажирский и грузовой транзит и т.д.), но также соперничеством на постсоветском пространстве.

5. **Кроме того, расширение ЕС и НАТО на восток традиционно преподносилось Брюсселем как взаимодополняемые процессы. И хотя членство в НАТО как обязательное условие для членства в ЕС не записано в Копенгагенских критериях, последнее расширение Евросоюза на посткоммунистические страны Центральной Европы свидетельствует, что де-факто оно стало обязательным условием.** Сначала эти страны становятся частью системы безопасности Запада, и только после этого они могут рассчитывать на членство в ЕС. Применительно к СНГ эта практика создаст серьезные проблемы в отношениях с Россией, усилит конфронтационные тенденции в Европе. Иными словами, провозглашенный принцип взаимодополняемости расширения ЕС и НАТО вступает в явное и опасное противоречие с интересами России на постсоветском пространстве.

6. **Со своей стороны, ЕС обеспокоен перспективой возрождения в той или иной форме «новой российской империи» на территории СНГ.** Напряженность в отношениях России с Украиной и Грузией вокруг поставок российского газа в конце 2005 — начале 2006 года, с Грузией и Молдовой вокруг мятежных автономий, а также усиление военного присутствия России в Белоруссии и Армении подливают масло в огонь подозрений относительно устремлений Кремля на постсоветском пространстве.

II. Предпосылки для взаимодействия России и ЕС на пространстве СНГ

1. Одним из главных вопросов для преодоления соперничества ЕС и России на пространстве СНГ является вопрос о том, существуют ли предпосылки для их сотрудничества в этом регионе. **Представляется, что**

такие предпосылки есть и взаимодействие России и ЕС на этом направлении отвечает интересам обеих Сторон. Постсоветские страны Восточной Европы и Южного Кавказа являются общими соседями России и ЕС.

2. По мнению многих аналитиков и в России, и в странах ЕС, «проект СНГ», выполнив свою главную функцию структуры цивилизованного развода между бывшими республиками СССР, сегодня окончательно изжил себя. Последние пять лет каждая из стран СНГ, даже такая близкая России, как Белоруссия,

Необходим новый договор, который переместил бы сотрудничество на ступень интеграции

развивалась не только по своим законам, но и в соответствии со своей собственной ориентацией на будущее. **Применение Россией экономических рычагов давления на страны СНГ в политических целях представляется контрпродуктивным, поскольку оно вызывает лишь реакцию отталкивания в этих странах и усиливает подозрения относительно неоимперских амбиций России на Западе.**

3. Главная проблема России в отношении со странами СНГ состоит в том, что сегодня Россия, все еще находящаяся в процессе болезненной и противоречивой трансформации, не может служить для этих стран привлекательной моделью социально-экономического и политического развития. Вопреки существующему мнению о том, что только демократические режимы в СНГ — Таджикистан, Узбекистан, Белоруссия — тяготеют к России, а страны, вступившие на путь демократического развития, — Украина, Грузия, Молдавия — ориентированы на Запад, в действительности как для первой группы стран, так и для второй Россия не может быть привлекательной моделью. Для первой группы стран российская модель недостаточно авторитарна и слишком связана с Западом, в то время как для второй она является слишком авторитарной и склонна, с их точки зрения, к неоимперским поползновениям. С экономической точки зрения СНГ, в том виде, как оно было задумано, является бременем для России, а любые попытки изменить сложившуюся практику отношений, перевести их на рыночные основы вызывают недовольство партнеров России.

Несмотря на то, что РФ является более сильной стороной в двусторонних отношениях со странами СНГ, существует опасность появления враждебного России пояса государств по периметру российских границ, что не отвечает интересам Москвы. Вместе с тем СНГ уже не может играть роль структуры, призванной амортизировать противоречия между его участниками. Наиболее проблемными странами для России являются Украина, Молдова и Грузия, в меньшей степени Азербайджан. Будущее же ее связей с менее проблемными странами — Арменией и Белоруссией — зависит от множества внутренних и внешних факторов. **Необходим новый формат для отношений России с этими странами.**

4. Что же касается ЕС, то его стратегия в отношении СНГ, воплощенная в политике соседства, основана на двусторонних отношениях и не преследует цели комплексного подхода к постсоветскому европейскому пространству. Кроме того, Россия находится за рамками этой политики.

5. Сегодня ЕС находится в процессе глубокой внутренней трансформации и в большой степени сконцентрирован на собственной повестке дня. Налицо кризис прежней стратегии ЕС, направленной на одновременное и, как предполагалось, безболезненное претворение в жизнь двух важнейших направлений европейской интеграции: расширения и углубления. Сегодня стало очевидно, что эта стратегия провалилась и что ЕС должен переосмыслить последствия психологической травмы от французского и голландского «нет» Европейской конституции и выработать новую стратегию развития европейской интеграции. Учитывая недовольство общественного мнения в «старых» странах — членах ЕС поспешным расширением Евросоюза на Центральную Европу, очевидно, что акцент в ближайшем будущем будет сделан на углубление европейской интеграции, в то время как политика расширения ЕС на новые страны (за исключением Румынии и Болгарии) будет на время замедлена.

В связи с этим вопрос о восточных рубежах ЕС, будучи нерешенным в принципе, будет отложен на будущее. Вместе с тем стабильность на востоке от границ ЕС является важнейшей предпосылкой для успешного развития интеграционных процессов, в первую очередь — углубления интеграции. С этой точки зрения Россия — ключевая страна для ЕС, который сегодня не может и не хочет взять на себя ответственность даже за те страны СНГ, которые официально провозгласили курс на вступление в евроатлантические структуры. **Выдвижение новой инициативы на восточном направлении ЕС предотвратило бы появление новой разделительной линии и возможную конфронтацию на европейском пространстве СНГ.**

III. Основы сотрудничества России и ЕС на европейском пространстве СНГ

1. Проблема СНГ в отношениях России и ЕС на сегодняшний день тесно связана с двумя другими проблемами: будущей договорно-правовой базой этих отношений по истечении срока действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и ЕС в 2007 году и с энергетической безопасностью. В связи с этим представляется, что в первую очередь жизненно необходим новый договор, который, не ставя нереалистичных в обозримом будущем задач (таких, например, как членство России в ЕС), переместил бы их отношения с самого нижнего уровня, которым на сегодняшний день является сотрудничество, на следующую ступень — интеграции. Конечной целью пост-СПС должно являться построение четырех общих пространств, которое может сделать отношения между двумя партнерами целенаправленными и придать им стратегическую перспективу. Интеграция России в четыре общих с ЕС пространства сняла бы с повестки дня европейских стран СНГ самую дилемму «Россия или ЕС?», как и понятие «яблоко раздора». Иными словами, **первым условием сотрудничества России и ЕС на постсоветском пространстве является повышение уровня договорно-правовой базы их отношений.**

2. Другим важным условием предотвращения конфликтности между Россией и ЕС на постсоветском пространстве являлось бы выдвижение новой инициативы двух Сторон — функционального подхода к сотрудничеству в СНГ.

Таким подходом мог бы стать Пакт Нового Сотрудничества между ЕС, Россией и другими постсоветскими государствами Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии по наиболее важным направлениям в сфере экономики, внутренней и внешней безопасности, науки. Функциональный подход России и ЕС к сотрудничеству на пространстве бывшего СССР позволит преодолеть возникновение новых разделительных линий в этом регионе. Он не противоречит существованию других региональных объединений, в частности Совету Россия-НАТО (хотя его перспективы поблекли), ЕврАзЭСу, ОДКБ, ШОСу, предлагая новый формат сотрудничества для всех заинтересованных государств. В этом, в частности, состоит преимущество предлагаемого подхода, пересекающего разграничения между регионами и многосторонними организациями.

2.1. **Цели.** Целью Пакта является интеграция между ЕС, Россией и другими государствами на пространстве бывшего СССР через поддержку и осуществление проектов по наиболее важным проблемам. **В связи с этим представляется важным переформатировать повестку дня России — ЕС по четырем общим пространствам, выделив пять приоритетных направлений: в сферах энергетики, внутренней безопасности, внешней безопасности, военно-политического и военно-технического сотрудничества, науки.** Отличие данного подхода от существующих подходов к сотрудничеству России, других стран СНГ и евроатлантических институтов состоит в **максимальной конкретизации повестки дня, концентрации ресурсов на главных вопросах и проведении интенсивных переговоров с четко поставленными задачами и сроками.** Несомненно, можно назвать много возможных сфер сотрудничества, но расширение повестки дня Пакта по максимуму свело бы эту инициативу к еще одному соглашению о добрых намерениях, лишив ее всякого практического смысла.

Круг участников в этих проектах должен определяться принципом «гибкой геометрии», то есть не предполагать обязательное автоматическое участие всех государств во всех проектах.

Реализация этих проектов будет способствовать укреплению безопасности, экономического процветания и демократии в регионе и в Европе в целом. Это включает в себя подписание и выполнение участниками многосторонних и двусторонних соглашений и принятие мер внутреннего характера для преодоления существующих конфликтных ситуаций.

Что касается конечных целей интеграции отдельных стран за рамками Пакта, то они должны быть делом выбора каждой отдельной страны региона по согласованию с ЕС.

2.2. **Принципы.** Основой Пакта Нового Сотрудничества являются **двусторонние и многосторонние соглашения о добрососедских отношениях**, заключенные государствами региона, участвующими в Пакте и обязующимися строго соблюдать принципы, закрепленные в Уставе ООН, Хельсинкском Заключительном акте, Парижской хартии, Копенгагенском документе 1990 года и в конвенциях Совета Европы.

— Участники Пакта со стороны СНГ должны принять обязательство работать совместно с Европейским союзом над развитием общей стратегии стабильности и роста региона и сотрудничать друг с другом и ЕС в целях реализации этой стратегии.

— Одним из главных принципов сотрудничества участников Пакта должен быть отказ от практики двойных стандартов в любой сфере взаимодействия.

— Учитывая многонациональное и многоэтническое разнообразие стран в регионе, особую важность приобретает обязательство участников Пакта защищать права всех национальных меньшинств.

— В основе энергетических проектов должны лежать соображения взаимовыгодного экономического сотрудничества, а не политические интересы отдельных государств.

2.3. Механизмы. Для реализации проектов было бы целесообразно создать специальный орган — **Совет нового сотрудничества**, в который войдут Представители стран-участниц Пакта. Статус Представителей согласуется всеми участниками. **Совет сотрудничества мог бы, например, состоять из пяти комиссий** в соответствии с тематикой проектов и обеспечивать координацию деятельности комиссий. Комиссии в свою очередь обязаны инициировать и координировать сотрудничество по конкретным проектам в регионах и между регионами и ЕС.

Комиссия по общему энергетическому сотрудничеству призвана осуществлять, в первую очередь, проекты, направленные на прекращение, образно говоря, «гонки вооружений трубопроводами», на выработку модели долевого участия в распределительных энергосистемах друг друга и освоении новых месторождений в труднодоступных районах материка и на шельфе.

Комиссия по общему сотрудничеству в сфере внутренней безопасности и вопросам правосудия могла бы заниматься в первую очередь проблемами миграции и диаспор, координацией миграционной политики, визовыми вопросами.

Комиссия по общему сотрудничеству в области внешней безопасности должна осуществлять выработку позиций по проблемам нераспространения оружия массового поражения и ракетных технологий.

Комиссия военно-политического и военно-технического сотрудничества призвана осуществлять совместные миротворческие функции (для чего необходимо создать корпус быстрого реагирования), а также инициировать совместные проекты в развитии новых систем вооружений и военной техники, в частности в сфере стратегической мобильности, космических систем управления и информационного обеспечения.

Комиссия по сотрудничеству в области научных исследований должна отвечать за реализацию программ в отраслях фундаментальной и прикладной науки на основе совместно создаваемых общественно-государственных фондов.

Комиссии могут подразделяться на подкомиссии или рабочие группы в соответствии с тематикой конкретных проектов. Необходимо установить сроки и график реализации каждого проекта.

2.4. В финансировании проектов в рамках Пакта Нового Сотрудничества могут принимать участие как национальные, так и международные финансовые институты. Кроме того, положения о финансовом механизме должны учитывать финансовый инструмент политики соседства ЕС.

О погоде и этике*

Я не говорю по-английски, но, когда выступал господин посол Джастин Харман, специально не надел наушники, просто считал, сколько раз он упомянет имя Владимира Путина — пять раз. И ни одного раза имени ирландского премьер-министра. Почему? Да потому что мы в России. Это первое. И второе: у нас с Джастином было ровно 17 секунд до начала семинара. О чем могут поговорить журналист и посол Ирландии в России за 17 секунд? Где был отравлен Гайдар? В Ирландии. Вот об этом и говорили. Сколько времени вам, журналистам, дает жизнь на получение информации, столько и надо использовать.

Итак, я взялся за тему этики журналиста в России, прекрасно понимая, что мы будем говорить о том, чего не существует. Понятно, что этика человека базируется на том, как его воспитали родители, его окружение, религиозен он или не религиозен. Этика заложена в религии, если он исповедует какую-то религию. Поэтому вопрос о профессиональной этике журналиста всегда болезнен, потому что любая редакция исповедует свою редакционную политику, и внутри нее принимаются решения, что можно говорить и писать и чего нельзя. Я думаю, если бы сейчас вам была предоставлена возможность на каком-то временном отрезке подготовить материал об одном и том же событии, то мы получили бы 50 разных материалов. Самый простой и самый яркий пример, который я люблю по этому поводу приводить, это когда «Эхо Москвы» в 1996 году получило доступ к медицинской карте президента Бориса Ельцина, готовящегося к операции. И не только к медицинской карте президента, но и к медицинским картам членов его семьи. В редакции собралась в этой связи компания ведущих журналистов, и мы обсуждали, что давать в эфир, что не давать. Так вот, несмотря на то что мы работали вместе к этому времени уже 5 лет, наши мнения диаметрально разошлись. Вы понимаете, что такое медицинская карта, понимаете, что там все

*Алексей Венедиктов,
главный редактор
радиостанции
«Эхо Москвы»*

*Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 13 декабря 2006 года.

Барри Флэнеган. Большое отражение. 1992

анализы, вы понимаете, что это не просто «президент здоров» или «президент болен», а конкретно, чем болен, какой прогноз и так далее. Сейчас уже об этом можно говорить. Одновременно с операцией Бориса Николаевича его жена Наина Иосифовна проходила реабилитацию после тяжелой операции, мы это тоже знали. И вот мы оказались перед двойным выбором: какую информацию давать и про кого? В результате мы приняли решение давать полностью, подчеркиваю — полностью, без всяких изменений все медицинские показатели президента, который готовился к операции, и рассказывали каждый день по многу раз, сколько у него железа в крови, что у него в моче обнаружен полоний, ну и так далее. Однако большинством голосов решили вообще молчать об операции Наины Иосифовны. Это спорное было решение, у меня до сих пор нет ответа, правильно ли мы тогда поступали, но такое решение мы приняли. Вот, собственно говоря, этот наш подход напрямую можно назвать этикой. Добавлю, что в то же самое время «Экспресс газета» опубликовала диагноз Наины Иосифовны. Но поскольку «Экспресс газета» это не «Эхо Москвы», никто на это не обратил внимания, все решили, что это чепуха. Теперь могу сказать, диагноз был абсолютно точный и они опубликовали его по их этическим соображениям. Так как же можно говорить об общей профессиональной этике?

Или история, скажем, с Бесланом — с количеством заложников и история о том, как Кремль «давил» на «Эхо Москвы», давил в кавычках. Когда случился захват заложников в школе в Беслане, это было 1 сентября, как вы помните, в первый учебный день. Естественно, у нас на радио сумасшедший дом, новости идут нон-стоп. Мне звонит пресс-секретарь президента Громов. Я понимаю, что у него психоз,

я понимаю, что и у меня тоже. Он звонит мне с криком: «Я тебя убью! Прекрати это немедленно!». «Прекратить что?» — кричу я. Он говорит: «Прекрати немедленно давать национальность террористов». «Какая еще национальность террористов?». И тут я соображаю, что действительно мы получили информацию, что большинство террористов ингуши и что через 2 часа после захвата нас слышат в Осетии, в Беслане. Должен вам сказать, что в этой истории Громов был абсолютно прав. Я говорю: «Леша, пардон, сейчас всем оторву все, что могу». В общем, остановили мы эту информацию. Можно ли сказать, что это было давление? Нет, конечно: он был прав, а я не прав с точки зрения журналистской этики, учитывая, что это не имело тогда, когда захвачены дети, общественно важного смысла, учитывая, что там отцы схватились за ружья и возможны были антиингушские погромы. В этом случае Громов поступил не как пресс-секретарь президента, а как друг.

Но вот другая история — количество заложников, когда целые сутки официально держалась цифра 334 человека, хотя уже через 3 часа было понятно, что это ложь. И понятно это было не только тем, кто был в Беслане и в Осетии, это было понятно тем, кто немножко занимается информацией. Потому что все знают, что каждая школа сдает так называемую наполняемость на 1 августа в Министерство образования России, и, естественно, мы позвонили туда, и нам сказали, что на 1 августа количество учеников в бесланской школе 857 человек. Дальше идет подсчет: 100 человек, допустим, не пришли на линейку, заболели, не приехали, 100 человек убежали, мы-то уже знали об этом, значит — минус 200; 100 человек преподавателей — это плюс 100. И еще родители, младшие братья и сестры, то есть примерно 1500 человек всего. Звоню Громову в середине дня, когда мы уже

все это подсчитали, и говорю: «Леша, их там больше 1000, может быть, 1500». Он мне говорит: «Это ты врешь, потому что у нас официальная шифротелеграмма, и, кроме того, журналисты, которые работают там, это не подтверждают».

*Настаиваю,
что этика журналиста — это стартовая
и базовая категория*

Вы слышите, что он мне говорит? Он ссылается на наших коллег, которые передают официальную версию. Я ему говорю: «В общем, иди доложи президенту, что вот есть другая цифра». Он пошел доложить, потом мы с ним говорили, он сказал: «Спасибо». Потому что, если помните, количество заложников было 1390, я лично помню. Значит, что произошло? Журналисты, которые там работали, которые видели митинг матерей, которые знали эту цифру — примерно 1500 человек, просто не передавали это в Москву с позиции, что все равно не покажут. Я с ними потом разговаривал. Я разговаривал и с Добродеевым, и с Эрнстом. Разговаривал с журналистами, которые были там, телевизионными и агентскими: «Что ж вы не передали правду? Ну хорошо, вас не покажут, но вы своим-то начальникам передайте правду, которую вы видели. Вы работаете в поле, а я сижу в Москве, я же не вижу ничего. Я вижу вашими глазами, я слышу вашими ушами, я читаю ваши сообщения. Как я могу здесь выстраивать информационную политику и говорить людям правду, если вы, работая там, в Беслане, не передаете правды?». На что получаю стандартный ответ: «Все равно бы это наши начальники не показали, а я бы пострадал». Это была общая позиция. То есть в истории с бесланскими заложниками мы имели дело с фактом массовой —

внимание! — *самоцензурой*. Причем не с самоцензурой начальников и главных редакторов, не с цензурой со стороны Кремля, очень легко все сваливать на Кремль или на начальника, а с цензурой таких, кто почему-то решил, что его карьера будет находиться под угрозой, если он передаст — заметьте, не в эфир, а своему начальнику в редакцию — правду.

И как с этим бороться?

Конечно, опять можно

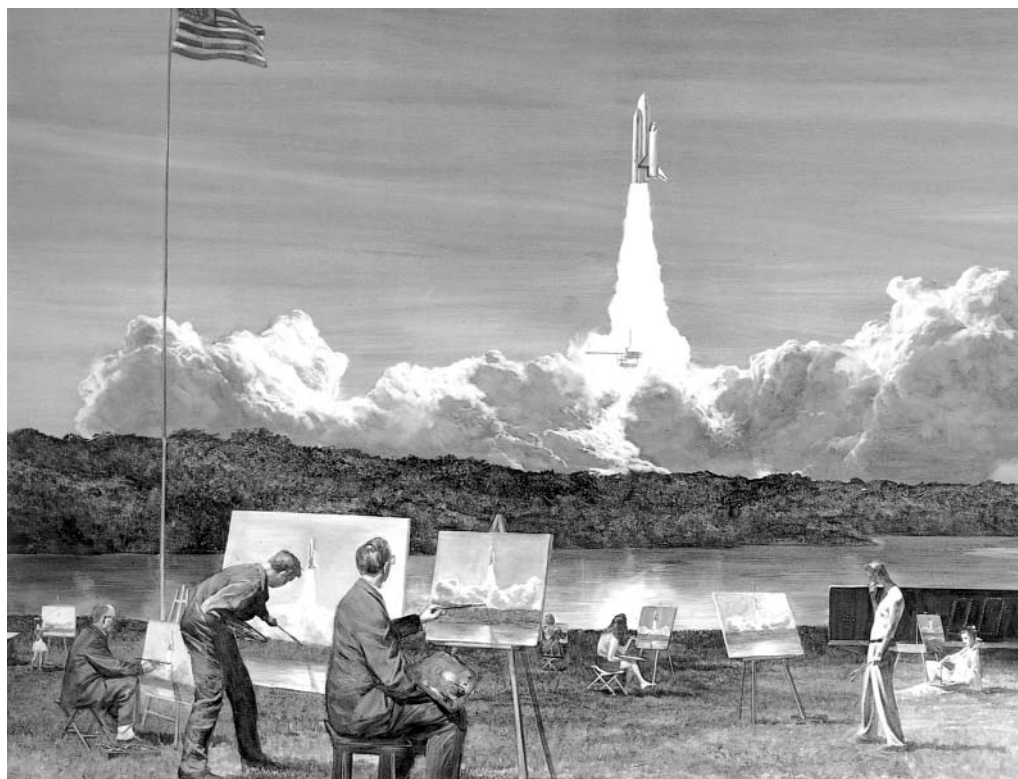
сказать, что в стране такая обстановка, начальники трусливы. Ну да, в стране такая обстановка, ну да, мы, главные редакторы, трусливы и осторожны, мы, главные редакторы, не журналисты, мы менеджеры и политики, но вам-то какое до этого дело? Задача тех, кто работает в поле, передавать то, что они видят, писать, показывать, передавать. Эта бесланская история стала предметом чрезвычайно тяжелого разговора у меня с моими корреспондентами. У меня работает 117 журналистов, но корреспондентов человек 20 всего. Они все молодые, в возрасте до 25 лет. В 25 лет делай карьеру и иди вверх. Очень тяжелый разговор был с ними, потому что «Эхо Москвы» отнюдь не белое и пушистое и работают там такие же журналисты, как и в газетах, на телеканалах и так далее. И вбить им в голову, что они свободны в передаче информации с места событий, очень трудно. Да, обстановка такая, главные редакторы дураки, все понятно, но у вас есть капитал — это ваше имя. И недаром в законе «О средствах массовой информации» записано, что никто не может представить вас подписаться под искаженным материалом. Вы можете, конечно, снять свое имя, но это ваш капитал, его надо сохранять! Капитализация вашего имени в дальнейшей жизни, в Карьере с большой буквы — это прежде всего честная работа. Да, конечно, страшно,

вдруг премии лишат, понимаю, вдруг переместят на месяц на менее оплачиваемую работу, понимаю, и семью действительно надо кормить. Ну уж извините, тут надо выбирать. Журналистика не только вторая древнейшая профессия, но она еще и вторая по опасности в России. Количество убитых и погибших при исполнении служебных обязанностей журналистов у нас, да и во всем мире сравнимо с количеством погибших шахтеров, между прочим. Это официальная статистика. Поэтому выбор профессии это не только написание статей о том, как Алла Пугачева заехала в лоб Филиппу Киркорову, хотя это тоже может быть опасно, как мы знаем.

Возвращаясь к своей основной мысли, настаиваю, что этика журналиста это стартовая и базовая категория, она в вас самих, как вас мама воспитала. Нам всем говорили одинаково: «Не надо врать». Вот не надо врать, и всё! Можно ли там чего-то умалчивать — это не ваш вопрос, это пусть главный редактор решает, это его грех, он возьмет его на себя. Потому что у него не только ваша информация, у него информация, которая идет по линии агентств, по линии личных контактов, он видит шире картину. Так вот, если вы изначально по каким-то причинам, из страха прежде всего за свою будущую карьеру, из-за корысти, потому что вас будут пытаться коррумпировать, не обязательно деньгами, начинаете искажать картину еще на старте, то в конце цепи получится все наоборот. А затем ваша бабушка, ваша жена, ваша мама читают или слушают и говорят: «Это ты сказал, ты написал? Но ты же знаешь, что это не так». И вот начинается эрозия. Мне кажется, что для российской журналистики это очень серьезная проблема, потому что в России не сложилась еще корпорация, которая выработала бы корпоративную этику. У нас есть 2 корпоративных документа за все время су-

ществования современной российской журналистики, с 1987 года. Один документ — Московская хартия журналистов и второй, который соблюдается неукоснительно, это декларация, подписанная руководителями средств массовой информации после захвата заложников на «Норд-Осте». В общем 2 документа, которые я подписал лично, и мне за них не стыдно. Они возникли снизу, опираясь на практику, которую мы выработали. Но тем не менее эти правила распространяются только на тех, кто их подписал.

Буквально на днях я встречался с одним из советников президента, и мы говорили с ним о свободе прессы, в частности о том, как английская и вообще западная пресса освещает дело Литвиненко. Так вот, у советников президента есть полное понимание того, что западная пресса выполняет заказ неизвестно чей, русофобствует неизвестно почему и так далее. В общем, это их трудности, пусть они с ними справляются сами. И советник говорит: «Вот смотри, я на «Восьмерке» в свое время видел, как сэр Алек Кемпбелл (это бывший пресс-секретарь Тони Блэра) орал на журналистов, говорил, что он их сгноит, что он их газеты засунет в одно место, которое всем вам, конечно, известно. И это — пресс-секретарь премьер-министра. Что же ты хочешь от нас?» На что я ему ответил: «А где сейчас сэр Алек Кемпбелл? Уволен с позором. А где сейчас те журналисты, на которых он орал? Работают на своем месте. И засунут в это самое место, о котором говорил сэр Кемпбелл, он сам, и засунут с головой и ногами». Понятно, что государственный чиновник, ньюсмейкеры хотят, чтобы вы их все время обслуживали. Пресса должна *обслуживать*, я подчеркну это слово. Но кого? Своих читателей, зрителей и слушателей — вот кого. Да, в известной степени мы средство услуги, мы сфера обслуживания. Но вопрос в том, ко-

Марк Тэнси. Активная живопись. 1984

го мы обслуживаем в первую очередь и чем. Потому что у нас есть 3 объекта для обслуживания: наша аудитория — раз, наши владельцы — два, наши власти — три. И вот дальше уже редакция выбирает, где приоритеты. На мой взгляд, в этом главная проблема российской журналистики, потому что понятно, что во всем мире есть отношения прессы с властями, есть отношения отдельных средств массовой информации с владельцами и уж точно есть отношения средств массовой информации с читателями, зрителями, слушателями. И вот когда мы в редакции это поняли, стало очень трудно себя считать сферой обслуживания, что мы вам прачки, что ли, официанты? Мы же строим миры, развенчиваем великих, а оказывается, мы сфера обслуживания. Да, утверждаю я, мы сфера обслуживания. И вот когда мы это по-

няли, мы успокоились. И поняли, что главное, что мы должны делать, — это обслуживать нашу аудиторию. Поэтому я говорю всегда молодым журналистам, которые приходят на «Эхо Москвы», что мы официанты и прачки в известной степени.

Что касается отношений с великими мира сего, надо очень точно понимать, что любой ньюсмейкер, который дает вам интервью или дает вам информацию, делает это для того, чтобы вас использовать одноразово или многократно, как ему хочется. Ему совершенно все равно, что у вас имя, красивые глаза, длинные ноги или хорошая студия. Он приходит не к вам, он приходит к вашим читателям, зрителям, слушателям, потому что это его избиратели, или, если мы говорим о спортсмене, его фанаты и болельщики, или, если говорим о деятелях культуры, то это его

зрители. Вы ему не нужны. Желательно, чтобы вы были прямой кишкой для него. Он хочет, чтобы он сказал и это улетело в эфир. Это надо сознавать всегда, а не думать, что великий Шойгу пришел дать интервью газете «МК-Заполярье» потому, что он безумно любит эту газету и журналистов. Забудьте... Такowo их отношение к вам во всем мире. Как минимизировать потери? Это нужно для повышения тиража, для привлечения рекламодателей. Надо любой ценой вытаскивать из них правду, сопоставлять их версии. Давайте посмотрим, как идет расследование дела Литвиненко. Мы смотрим, что называется, детектив в прямом эфире. Каждый день английские газеты, опираясь на информацию, которую им дают в Скотленд-Ярде и независимые источники, публикуют новые факты и новые версии, проверяют их на прочность. Мы в России не знаем, как идет расследование убийства Анны Политковской, не знаем, в каком направлении движется следствие, мы не можем ничего проверить экспертно, задавая вопросы: почему здесь у вас нестыковка, почему здесь, почему по датам нестыковка? Английские газеты это делают каждый день, потому что в Англии существует независимая от правительства, заметьте — от правительства, пресса и оппозиция, которая, конечно же, использует дело для давления на власть. И уже министр внутренних дел дважды в парламенте отчитывался отдельно по делу Литвиненко, и газеты полностью публикуют его отчет со своими комментариями: вот здесь он не соврал, вот здесь соврал, вот здесь что-то не состыковывается, а вот тут Скотленд-Ярд говорит не так. К чему это приводит? Это заставляет полицейских работать эффективнее. Не просто за звездочки, потому что они знают, что за ними следят.

Задача прессы — задавать вопросы. Пресса имеет право выдвигать безумные версии, собственно, версию самоубийства Литвиненко выдвинула пресса. Безумная версия, но тогда она каза-

*Мы строим миры,
развенчиваем великих, а оказывается,
мы сфера обслуживания*

лась одной из версий. И это нормально, потому что все версии убийства человека были проверены. Что мы с вами делаем по этому поводу? Пусть работают, не надо им мешать, говорим мы, то есть не выполняем нашу работу, в этом беда. Потому что убийство Политковской имеет резонансное значение, и общество все равно будет ждать радостно, если ее убил Березовский, и безрадостно — если ее убили по приказу Кремля. Наше с вами дело — задавать вопросы. Культура постановки вопросов в российской журналистике потеряна вообще. Доказательство простое. Академия российского телевидения в этом году изъяла из конкурса номинацию «интервьюер». Как будто нет такого способа получения информации, как интервью. Все боятся задавать нормальные вопросы, все работают теперь в плане гламура. Приходит министр иностранных дел — гламур. Посмотрите вопросы, которые на пресс-конференции задают президенту Путину...

На самом деле потеряно умение правильно и точно задать вопрос, чтобы интервьюируемый не ушел от ответа. Это не потому что теперь не умеют это делать, это не хотят делать, потому что возникнут проблемы. Это к тому, какой единственный вопрос я мог задать послу Ирландии за 17 секунд. Вы слышали, кто-то сказал слово «погода». Вот такая погода в нашей журналистике. Как говорит Владимир Владимирович Познер: вот такие настали времена.

*Артём Марченков,
кандидат философских наук,
эксперт Пермской
гражданской палаты
«Будущее прав человека
в России»*

Молодежь: и роскошь, и средство передвижения

Правозащитному движению в России больше сорока лет. За плечами — путь от неформальных гражданских инициатив, деятельности разрозненных и подвижнических диссидентских групп к стабильно работающим, открытым неправительственным организациям, коалициям, сетям, ассамблеям. Среда активистов изменилась и количественно, и качественно. Неудивительно, что перед ней встают новые, ранее не испытанные проблемы. В том числе — приток новичков, их адаптация, обучение, повышение квалификации молодых сотрудников, смена и преемственность поколений. Большинство НПО решает эти вопросы на свой страх и риск, с учетом региона, профиля, стиля работы. Естественно, что лидеры наиболее продвинутых, специализированных массовых организаций заинтересованы в каких-то типовых, стратегических, мультиплицируемых решениях. Их точка обзора позволяет увидеть, как «поколенческий разлом» усиливает растущий объем противоречий между идеологами, менеджерами, экспертами, техническим персоналом, активистами, сторонниками, между командами, партнерами и местными сообществами. В этом нет ничего катастрофического: правозащитное движение по меркам истории слишком молодой общественный институт (и в России, и в мире). Относительно него нет сквозь сито времени процеженных «рецептов». Однако, как бы мы ни беспокоились за его будущее, уже сейчас ясно, что благодаря или вопреки обстоятельствам, он все равно будет существовать, развиваться, менять себя и свой социальный контекст. Залог его «непотопляемости» — самоотверженность людей, накопленный авторитет, корневое значение выполняемых функций. Этими короткими, вполне тривиальными замечаниями я, как камертоном, настраивал сам себя на интонацию темы — «Права человека и молодежь». Подобные ремарки необходимы, так как пресловутый «контекст» — политический, экономический, социокультурный, к сожалению, дает поводы для нарастающей

тревоги и перехода гражданского общества из режима стратегического развития на «автопилот» выживания, оперативного «затыкания дыр», «охраны периметра». Достаточно сослаться на предвыборное стремление правящей элиты вывести себя в «слепую зону» гражданской критики и контроля, непрекращающиеся попытки «нейтрализации» правозащитных НПО как одного из потенциальных «источников», «медиаторов» и «авангардов» демократической оппозиции. Параллельно с охранительным давлени-

Чтобы понимать реальную остроту проблематики прав человека, нужно обладать способностью к состраданию

нием власти увеличиваются издержки от «социального трения» (ксенофобии, антизападных, имперских, изоляционистских настроений, милитаризма, радикализации «классовых» противоречий), трещат по швам партнерские связи со СМИ, скудеют донорские программы отечественных и иностранных фондов. Словом, скучной, размеренной жизни явно не предвидится: в списке потенциальных вызовов и угроз придется загодя оставить пустые графы*.

И все же очень не хочется ставить «молодежную проблему» исключительно в «контексте». Хотя бы потому, что в этом случае спектр ее толкований резко сужается и сводится к ряду известных, исхоженных троп. Примерно таких.

Сегодняшний день для российских неправительственных и некоммерческих институтов своего рода «точка Лагранжа». Есть, если не ошибаюсь, такой концепт в астрономии. Используется для описания ситуации, когда малые небесные тела как бы застревают, останавливаются в движении, попадая в точку равновесия гравитационных сил более крупных объектов. Чтобы «выпрыгнуть» из нее, нужно либо дождаться смещения гравитационных полей, либо спешно нарастить физическую массу. По аналогии — или мы дождемся развилки, когда закончится удручающий «парад планет» вокруг Кремля и будут пересмотрены закулисные контракты крупных игроков (властных кланов, бизнес-групп, международных элит), или мобилизуем сторонников, раскачиваемся и выходим на самостоятельную орбиту. Самая подходящая среда на роль «массы» — космический мусор, то есть, прошу прощения, молодежь**. Ее относительная

* См.: Джибладзе Ю. Сила и слабость правозащитного движения // <http://www.prpc.ru/reshr/lib/08.shtml>

** Один из примеров «мусорной» логики: «В критической ситуации проявляется третий фактор — фактор улицы, неформальных объединений, неправительственных организаций и фондов, в которых на самом деле и идет настоящая жизнь и которые при необходимости способны создать реальное революционное настроение, критическое мнение, спонтанный протест. Они не управляемы и не контролируемы властью просто потому, что не интересуют ее в силу их малой покупательной способности и нулевого административного ресурса. Они нужны только в периоды революций. Молодежь — это мотор и энергия таких движений» — Дугин А. В 2008-м энергией молодежи займутся враги: оранжевые, атлантисы и глобалисты // <http://www.kreml.org/interview/83364942>

Энтони Каро. Цикламен. 1990–1991

социальная открепленность, невесомость, пластичность — в плюс. То, что из всех движений предпочитает броуновское, — в минус. Пакет подобных рассуждений обычно выдается с примесью морализаторской риторики: «молодежь — воплощенное будущее»; от того, акционером каких социальных институтов она станет, какие организационные формы будет носить в период социализации, в какие проекты инвестирует свою активность и воображение, зависит актуальный социально-политический тренд РФ, судьба «демократического транзита» и т.д. Мол, «отцы и деды» из последних сил, скрипя зубами и напрягая сфинктер, держат системное равновесие, и потому решающий голос — за «мальчишами».

Расчет окончен. Дальше — дело техники. Точнее, пиар-технологий. Лиса Алиса и кот Базилио (власть и придворная оппозиция) какую-то часть «буратинов» уже уломали закопать в стране свои кровные сольдо. Теперь очередь за гражданскими организациями: пусть вылавливают, охмуряют и строят остальных — «заигравшихся», экстремальных, недоверчивых... Благо аналитики уверяют: улов неполитическими сетями больше.

Полемизировать внутри этой циничной логики значит косвенно соглашаться на отсутствие автономии «третьего сектора», ставить его в полную зависимость от процессов, происходящих «за границей»: в рамках электорального цикла-2007–2008, в свете «цветных» переворотов на постсоветском пространстве, в горизонте топливно-энергетической макроэкономики и т.д.*. Если же смотреть и думать изнутри веера актуальных возможностей, в котором пребывают (не всегда по своей милости) сами гражданские организации, то темы «смены поколений», «кадрового омоложения», «развития связей с молодежными кругами, субкультурами, инициативными группами, организациями», «продвижения привлекательного имиджа гражданского активиста в молодежной среде», «инвестиций в профессиональную подготовку молодых специалистов» выглядят, увы, непозволительной роскошью. Чтобы выжить, продержаться, укрепиться, нужны «не мальчишки, но мужи». То есть крепкие, стойкие, уравновешенные люди, имеющие хоть какие-то подручные «рычаги» (авторитет, знания, связи, ресурсы) для продвижения миссии. А молодежь — это что-то по части долгосрочных вложений социального капитала, балласта, долговых обязательств. Что ей предложить, кроме эпизодических ролей в массовых акционистских спектаклях и почетного права быть одной из целевых аудиторий просветительских проектов?

Аргументов в пользу исключения молодежи из списка приоритетных сред для поиска коллег, союзников, симпатизантов и впрямь доста-

* «Чтобы состояться, обрести самодостаточность, новой российской общественности необходимо духовно освободиться от мотивационных импульсов, исходящих от государства, традиционной политики, науки и прочих мощных детерминант, относиться к ним исключительно как к инструментам, а не как к цели. «Гражданская идентичность» не равна государственной, политической или научной, даже не равна их сумме» — Аверкиев И. *Российская общественность: тихий кризис идентичности* // <http://www.prpc.ru/averkiev/040326.shtml>

точно. Самый очевидный — отсутствие каких-либо профессиональных компетенций. Менее очевидный, но столь же весомый — недостаток гражданской и духовной зрелости. Чтобы понимать реальную остроту проблематики прав человека, видеть разрушительность последствий от их нарушения, нужно иметь либо личный негативный опыт столкновения с «машинами власти», либо обладать высокоразвитой способностью к состраданию, солидарности, предвидению. Подобные качества если и появляются, то, как правило, после начала «автономного плавания» — самостоятельной, отдельной от опеки родителей жизни. Это значит — после того, как человек становится ответственным за самого себя, взрослым. Ну, «молодым взрослым», если угодно. А молодежь в «чистом виде» — инфантильна, эгоистична, мировоззренчески аморфна (кое-какие мнения и знания есть, но нет убеждений), ориентирована на вечную жизнь в сослагательном наклонении («все еще впереди»).

Помимо того, известно, что молодежь склонна придавать особое значение лично-непосредственным, эмоционально окрашенным, спонтанным поступкам и отношениям (тусовке). Однако современное правозащитное сообщество, сохраняя родовую память о своих «кудрявых» истоках (самиздат, андеграундная культура, авторская песня, «дикий туризм», гуманитарные кружки, вольная атмосфера наукоградов, кухонное душевное братство, клубы и т.п.) и воспроизводя «нон-иерархический» стиль общения, в значительной мере формализовало свои связи, обросло тиной абстрактных, офисных, урочных работ... Ни лидеры, ни координаторы программ, ни техперсонал не в состоянии постоянно откликаться на ожидания тусовки без потери качества в своей повседневной деятельности. Это касается как крупных организаций, так и относительно небольших, региональных. Состыковать же внутри одной структуры несколько «организационных стилей» — формальный и неформальный, целерациональный и фиксированный на «кайфе от процесса» — довольно сложная, редко где решаемая задача. Работники резонно будут бунтовать из-за хаоса, бессмысленной траты времени, «неэффективности»; тусовка станет роптать на засилье «гражданской бюрократии» и «утрату демократического духа». «Массовое прибытие молодежи» усилит позиции тусовки и... Скандал неминуем. А то и «развод».

Наконец, нельзя не отметить еще одно, моральное (в духе «Маленького принца» Сент-Экзюпери) противопоказание для опоры на молодежь: в условиях soft-авторитаризма и hard-корпоративизма правозащитная репутация может закрыть или затруднить для нее некоторые варианты престижной карьеры (в системе госслужбы, в судебных органах, учреждениях образования, бизнесе), осложнит отношения с родственниками и друзьями. Ожесточенная диффамационная кампания против независимых правозащитников, до сих пор углями тлеющая в СМИ, действовала «дулетом»: поддержанная репликами высших должностных лиц государства, она, с одной стороны, давала сигнал «вертикали власти» (задавала модельное отношение), с другой — облучала общественное мнение, дискредитировала правозащитников сначала как «циничных грантоедов» («болтуны-лентяи», «лишние лю-

ди», «компрадорская шайка-лейка»), а затем — как «враждебных чужих» (шпионы, агенты Запада, носители «оранжевых» настроений, адвокаты террористов и политических радикалов).

Пожалуй, все. Будем иметь в виду аргументы «против омоложения» и рассмотрим аргументы «за». Исходная гипотеза возможных размышлений: «молодежное направление» как точка прорыва правозащитного движения в новое качество и один из компонентов эликсира, лечащего или как мини-

*Молодежь склонна придавать
особое значение спонтанным поступкам
и отношениям*

мум снижающего боли от кризиса идентичности, «повышенного давления», «растяжения связей». На стадии предварительных подступов к проблеме, я не мог отвязаться от подозрения, что «смена поколений» — это эвфемизм, уводящий с минного поля вопросов об идеологическом переформатировании, перезагрузке и реорганизации правозащитного сообщества. Обзор литературы, частный опыт гражданского активиста и разговоры с друзьями это подозрение только усиливали.

Дело автора — текст. Рамки интерпретации, техника чтения, области применения — вне его эфемерной власти. Тем не менее хочется предупредить: я не ставил цели сверстать путеводитель по зазеркалью социальных, гражданских, политических, политизированных молодежных объединений или сборник рецептов успешного волонтеринга. Тем более у меня не было амбиций «завалить на психоаналитическую кушетку» современную молодежь, дабы сканировать и устроить чистку ее коллективного бессознательного. Речь о другом: о правозащитной реформации, об инакомыслии «третьего поколения в третьем секторе» и тех задачах, которое оно может решить, расширяя территорию достигнутого своими легендарными предшественниками.

Разговор этот долгий. В нем нелепы претензии на правоту и велик риск попадания на «тупиковые ветки». Остается надеяться, что ошибки, излишняя горячность, парализующие сомнения в итоге все же дадут результат. Не беда, если это случится в голове пристрастного и критически настроенного читателя.

Молодежный активизм: от гражданского неучастия к политическому протесту

*Ирина Костерина, Юлия Андреева,
ведущие специалисты научно-исследовательского центра «Регион» (Ульяновск)*

В сложной ситуации политической и социальной неопределенности, в которой пребывает российское общество, постоянно идет поиск социальных групп, которые должны стать движущей силой возможных (и долгожданных) прогрессивных перемен.

В этой связи участники многочисленных дискуссий в научных кругах и в массмедиа обсуждают вопросы статуса сегодняшней молодежи, ее места на политической и общественной сцене*.

Все чаще в дискурсе общественных работников и политических деятелей звучат мнения об апатичности и бесцельности существования современной молодежи. Периодически предпринимаются попытки возродить организованные формы молодежной активности: многочисленные проекты типа римейков комсомольской и пионерской организации, скаутские лагеря, кружки, спортивные секции и т.д. Это один из парадоксов создания российского гражданского общества, заключающийся в том, что отдельные общественные гражданские инициативы возникают сегодня с подачи государства. Например, так произошло со многими молодежными организациями, ассоциациями, группами как на федеральном, так и региональном уровне с целью реализации ключевых программ молодежной политики. Но молодежь предпочитает уклоняться от навязываемых сверху инициатив и канализирует свою энергию в досуг и общение со сверстниками, вкусив возможность самостоятельно распоряжаться своим свободным временем и решать, что ей нужно**. Кроме того, молодые видят в подобных

* Следует оговориться, мы понимаем молодежь не как гомогенную группу или недифференцированную массу невзрослых. Использовать это понятие вынуждает нас отсутствие адекватного терминологического аппарата. В то же время мы отдаем себе отчет в том, что молодежь из разной социальной среды обладает различным социокультурным, политическим и экономическим капиталом и, соответственно, имеет разные ценностные ориентации, мотивационные основания и по-разному выстраивает свои жизненные планы. Поскольку обсуждение терминологии в исследованиях молодежи — задача отдельной статьи, дальше мы будем употреблять слово «молодежь» как в обыденном значении, так и в качестве аналитического конструкта.

** В статье мы будем опираться на опыт многолетних исследований НИЦ «Регион», посвященных различным аспектам молодежной культуры. В частности, на данные следующих исследований: «Молодежь и гражданское общество» (2004), «Некоммерческие и правозащитные организации в России: активность, структура, направления деятельности» (2004), «Молодежный активизм в контексте российских социокультурных трансформаций» (грант РГНФ, 2005), «Молодежь Ульяновской области: проблемы и перспективы» (по заказу КДМ Ульяновской области, 2005),

инициативах очередную попытку взрослых структурировать и организовать молодежную активность, облачая ее в привлекательные формы с пустым содержанием. [Шаталова, 2001]

Ответственность за перевоспитание молодежи и привлечение ее к «активной жизни» возложили на местные департаменты по делам молодежи, а те в свою очередь частично делегировали эти полномочия местным НКО, поручив им организовывать городские мероприятия, летний отдых, социально значимые проекты. Но, как правило, такие надуманные и вынужденно инициируемые проекты носят формализованный и немолодежный характер (типа концертов «Рок против наркотиков», создание молодежных клубов или акции по уборке города).

Основной проблемой незаинтересованности молодежи в гражданских инициативах является разность трактовок пассивности и активности в «молодежном» и «взрослом» контекстах. «Взрослый» контекст молодежной гражданской активности предполагает прежде всего участие в значимых общественных и политических проектах, то есть тех инициативах, которые предлагают **сами «взрослые»**.*

Не меньшее значение при оценке уровня гражданственности имеют и патриотические настроения молодежи, в восприятии «взрослых» связываемым обычно с ориентацией на российскую (а не западную) культуру (в первую очередь музыку и кино), с отношением к службе в армии, с укорененностью в местной культуре (знание традиций, истории). Для большинства «взрослых» характерен при этом консервативный патриотизм, который выражается в воспроизводстве доперестроечных государственных и национальных ценностей, преклонении перед силовой политикой, а нередко и в умеренном национализме. Молодежный же либерализм и индивидуализм кажутся им результатом неправильной патриотической социализации, вступающей в конфликт с собственной ностальгией по советской системе ценностей.

В среде работников *общественных организаций и правозащитников* гражданская активность — это осознание себя равноправной частью общества, стремление изменить окружающий мир и общество к лучшему. Или, другими словами, это осознанная необходимость создавать общества, ассоциации для отстаивания и защиты своих прав или прав отдельных групп граждан, пропаганды каких-либо ценностей и свобод. Эти критерии и легли в основу рассуждений

«Молодежный активизм: между политикой и гражданским участием» (в рамках гранта фонда МакАртуров, 2005). Методологию этих исследований составили глубинные интервью с молодежью, работниками молодежных НКО и правозащитных центров, массовые опросы молодежи, анализ документов молодежной политики федерального и регионального уровня. Отдельные результаты этих исследований представлены на сайте www.region.ulsu.ru

* Традиционно под активизмом понимают «активное членство в политической партии, группе влияния или родственной политической организации» (Большой толковый социологический словарь. Пер. с англ. Т. 1. — М.: Вече, АСТ, 1999. Мы будем понимать под активизмом активную жизненную позицию, стремление к какой-либо общественно полезной цели, в том числе и к принятию общественно значимых решений, а также публичное выражение своих взглядов, позиций, установок, ценностей.

энкаошников о гражданской активности молодежи (а точнее, ее отсутствии).

Проблема, которую озвучивают представители таких организаций, связана с общим кризисом правозащитного движения в России [Аверкиев, 2004], а также со стабилизацией общественной и политической жизни, когда нет острой необходимости каждый день отстаивать свои интересы, гораздо проще приспособливаться к существующим реалиям. Именно поэтому, как отмечают специалисты, у молодежи пока низкий уровень гражданского самосознания, отсутствует устойчивый интерес к деятельности НКО и защите собственных прав. В связи с этим некоммерческие организации ощущают острую нехватку молодых кадров. Молодые не видят особого смысла в такой работе, потому что распространено мнение, что повлиять на общественно-политический процесс в России вообще невозможно. *В частности, по данным опроса молодежи г. Ульяновска, более 57 процентов считают, что молодежь не в состоянии влиять на политику и молодежные инициативы не будут услышаны государством. Около 54 процентов молодежи чувствуют себя крайне уязвимой и незащищенной категорией, находящейся под постоянным давлением государства, не являющейся объектом государственной молодежной политики.* При этом специалисты выделяют ведущий фактор молодежной активности — уверенность молодых в том, что своими усилиями они действительно смогут что-то изменить [Шаталова, 2004].

Работники НКО и правозащитных центров считают, что бездействие и пассивность — отличительная черта современной российской молодежи. Инертность, нежелание участвовать в любых видах деятельности, отсутствие интереса к политике, к общественной жизни в целом отмечается ими как общероссийская тенденция. В этом смысле «взрослое» поколение правозащитников и энкаошников разделяет точку зрения представителей власти, считающих современную молодежь наиболее аполитичной и наименее активной группой.

Интересно, что такие характеристики, как выяснилось, приписываются исключительно *современным* молодым. Более раннее поколение молодых проявляло больше энтузиазма и инициативы в общественной жизни. Уровень активности по сравнению даже с 1990-ми годами значительно снизился, убавилось также желание и готовность участвовать в каких-либо акциях. Причем уровень активности изменился не в лучшую сторону и у такой традиционно активной группы молодежи, как студенчество: *«Те люди, которые приходили к нам в 1998 году, и те, кто приходит сейчас, — это небо и земля. ... Те люди приходили, им хотелось изменить мир. Этим — просто хочется поколбаситься. Никто сейчас не выйдет, никому не интересно. Не заставить сейчас без денег скандировать 800 молодых людей просто так «Сникерс — параша, Россия будет наша!» Это невозможно, а тогда это происходило само собой»* (один из лидеров МПД, Воронеж).

Причины такой пассивности остаются не вполне ясными. Одним из оснований спада активности можно считать, как уже отмечалось, не-

которую стабилизацию социально-экономической и политической обстановки в стране. В годы перестройки, в переломный момент, когда сформировалось нынешнее поколение «взрослых» правозащитников, была реальная возможность что-то изменить, повлиять своими действиями на ход общественно-политических процессов в стране.

Сегодня в условиях большей стабильности закономерно снижается и активность населения, в том числе уменьшается приток молодых сил в правозащитную деятельность.

*Уровень активности молодежи
по сравнению даже с 1990-ми годами
значительно снизился*

На первый план выходит решение собственных бытовых проблем, а общественная деятельность воспринимается как пустая трата времени, никак не связанная с «реальной жизнью». Не менее значима для молодежи, по словам лидеров молодежных НКО, раскрученность организации, ее бренд, да и имидж общественной и правозащитной деятельности в целом. Многим молодым некоммерческий сектор представляется сборищем диссидентов, которые все еще воюют с властью по инерции и чьи действия совершенно не актуальны и бесполезны сегодня. Поэтому трудно говорить, о том, насколько оправданы претензии работников некоммерческого сектора к молодежи, можно лишь констатировать, что пока подобная деятельность привлекает юношей и девушек либо с высоким уровнем гражданственности (который часто отсутствует и у «взрослых»), либо рассчитывающих приобрести в этих организациях необходимый социальный капитал.

Для *политиков* критерием молодежной гражданской активности является готовность принимать участие в различных проектах социально-политического характера. И часто молодежная гражданская активность признается достойной внимания исключительно в контексте активности политической. Это прежде всего поддержка государственных политических проектов, членство в политических партиях и объединениях, проведение акций и митингов, участие в выборах. Но молодежное участие в подобных инициативах, по мнению политиков, должно строго контролироваться.

Что касается дискурсов и контекстов активности самой молодежи, то они чрезвычайно разнообразны, и иногда противоречивы*.

Несмотря на то, что молодежные нарративы гражданской активности формируются под влиянием общественного дискурса, все же опреде-

* Мы рассматриваем молодежные нарративы, используя описательно-интерпретационный анализ более чем 40 молодежных глубинных интервью. Следует оговориться, что, акцентируя внимание на фактах и причинности существующих молодежных нарративов, мы не предлагаем решений по их изменению или корректировке. Наша принципиальная позиция — не рассматривать молодежь как некий объект воздействия.

Сиах Армажани. Улица № 40. 1993

ляющей остается личная включенность/невключенность молодых в различные практики.

Опираясь на результаты глубинных молодежных интервью, молодежные контексты гражданской активности, на наш взгляд, нужно рассматривать в двух плоскостях.

Первая — идеальные или декларируемые представления молодежи. Этот фокус позволяет понять что, собственно, сами молодые понимают под гражданской активностью.

Вторая — реальная или практическая включенность молодых в различные сферы активности.

*Часто молодежная гражданская
активность признается достойной
внимания исключительно в контексте
активности политической*

В идеале гражданская активность для молодежи — это прежде всего занятие *общественно полезной деятельностью*, причем не важно, членство ли это в какой-нибудь организации, принадлежность к общественному движению, приверженность к определенному молодежному стилю. Главный критерий здесь — это так называемая социальная полезность молодежной активности: *«Я не знаю о всяких там митингах или еще что-то... Активность — это элементарно, выйти там на субботник возле дома, мусор пожесть, двор подмести»* (юноша, 23 года).

Следующее понимание: активность как определенное состояние, **жизненно-стилевая позиция**, направленная на деятельное преобразование себя и окружающего мира. Именно в этом контексте употребляется понятие «активный образ жизни» (занятие спортом, различные досуговые формы активности и пр.). Особенностью, отличающей данный нарратив, является то, что для молодых это часто выход из повседневной, обычной жизни, когда активность противопоставляется не пассивности, а скуке.

Кроме того, часто молодыми гражданская активность трактуется в контексте **патриотических настроений**. Такое понимание основано на молодежном правовом сознании, поддержании идеи государственности и основных нации- и государствообразующих принципов. Но несмотря на то, что в плане практического наполнения смыслов гражданское приравнивается к патриотическому, в молодежном контексте это несколько искаженное проявление своих гражданских чувств, подчас схожее с бытовым национализмом.

Таким образом, активность в представлении молодежи разная: кто-то уверен, что быть «граждански активным» — это просто выполнять свою работу (особенно, если она связана с социальной сферой), а кто-то считает, что необходимо более очевидное участие, в том числе и в деятельности общественных организаций, митингах и т.д.

Конкретные характеристики предлагаемых форм «легитимного» активизма создают хотя и ограниченное, но достаточное пространство для выбора «своей активности». Можно выделить в этой связи несколько

сфер, в которых молодежь проявляет свою активность; критериями для их выделения выступают опыт молодых и заявленные ими причины выбора:

1. Активность вокруг (внутри) социальных институтов: деятельность студенческого или школьного актива, профсоюзные организации и т.д. Если говорить о профсоюзных организациях, например, на промышленных предприятиях т.д., то эта активность понимается чаще всего в контексте личных интересов (карьера, зарплата, авторитет). Как только находятся более существенные пути удовлетворения личных амбиций, возможности для самореализации, эта включенность исчезает. Здесь активность объясняется, скорее, давно существующими традициями предприятия (организации). В учебных заведениях молодежные объединения тоже достаточно неустойчивы, кроме того, существующий феномен «поставленных лидеров» обычно отторгает часть учащейся молодежи, так как предлагает некую модель «искусственной» активности.

2. Различные формы общественной активности (молодежные общественные организации, клубы, объединения волонтеров, экологов и т.д.). Работа в молодежных организациях держится на инициативе участников, направленной на изменение общества. Внутри таких молодежных сообществ существует неоднозначная оценка собственной деятельности: наряду с безоговорочным пониманием ее значимости и гуманистической направленности, многие молодые говорят о кратковременности и низкой эффективности такой работы, о ее психологической сложности и отсутствии достаточной мотивации для полноценного включения. Особенно сложно решается вопрос рекрутирования молодежи в работу региональных организаций. В то время как включение в международные или общенациональные проекты воспринимается как присоединение к значимому, престижному делу, деятельность местных НКО воспринимается как бесполезная, незаметная, ненужная. Кроме того, в представлении молодежи существует особый рейтинг «полезности» гражданских инициатив: большую поддержку получают те организации, которые занимаются вопросами экологии или помощи социально уязвимым группам населения.

3. Политическая активность реализуется главным образом через включение молодых в конкретные политические объединения (часто это молодежные ветви существующих «взрослых» партий — ЕР, ЛДПР, «Яблоко», КПРФ, СПС и другие), а также в деятельность военно-патриотических клубов, дружин по охране общественного порядка. Свою активность в этой сфере молодые объясняют патриотическими мотивами по типу «если не мы, то кто же?», а также желанием достигнуть определенного статуса, властной позиции. Многие молодые, занятые в подобных организациях и партиях, убеждены в том, что интересам молодежи отвечает политика жесткого контроля и порядка. Такая позиция отражает стремление решить проблемы силовыми методами, которые представляются им наиболее эффективными.

4. Творческо-досуговые формы активности (реализация молодежных медиапроектов, молодежных праздников, различных перфомансов). В этом случае уровень гражданской активности напрямую связан с творческой активностью, которая конвертируется в социальный успех, известность (неважно, в широких или узких кругах), статус «производителя культуры». Включение в публичное пространство служит дополнительным стимулирующим фактором. Этот канал активности часто выступает

Инициативы административных учреждений вызывают отторжение и скепсис у молодежи

как своего рода компенсаторный и актуален в случае, когда молодые демонстрируют апатию к политическим процессам и деятельности общественных организаций.

При этом молодежь из разных социальных сред по-разному реагирует на предоставленный выбор (или, наоборот, его отсутствие) возможностей проявить себя, продемонстрировав свою активность. Основным препятствием, при наличии потенциального желания активности, является очень **низкий уровень информированности** молодых о способах такой активности. Это отчасти объясняется неотлаженными каналами внешней коммуникации, недостаточным количеством молодежных СМИ. В столицах молодежь обладает большим количеством информации, ресурсов и возможностей, нежели молодежь в провинции. Это проявляется в их способности консолидироваться, создавать небольшие проекты — группы по интересам. Поэтому высокий нерастроченный потенциал реализуется лишь на уровне межличностного общения: *«Пойти у нас некуда, ничего не происходит — болото. Поэтому так... собираемся с ребятами просто, чего-нибудь там придумываем, то концерт какой «для своих», то еще чего-нибудь. А так... глухо»* (юноша, 21 год). Часто экономическая ситуация не позволяет молодежи из глубинки посвящать свое свободное время общественно полезной деятельности, так как существует необходимость зарабатывать деньги хотя бы на карманные расходы.

В еще более невыгодной ситуации оказывается сельская молодежь, которая просто не имеет возможностей для самореализации (при высоком альтруистическом потенциале) и довольствуется ничтожно малым выбором досуговых практик, которые предлагает им сельская «индустрия развлечений». Например, лишь треть городской молодежи в Ульяновской области знает о существовании общественных организаций и возможностях участия в них; можно предположить, что в сельской местности уровень информированности о гражданских инициативах близок к нулю.

Поэтому самой активной и информационно обеспеченной группой оказываются студенты вузов, что объясняется целенаправленным пиаром общественных организаций, рассчитывающих на эту аудиторию. Именно студенты рекрутируются в волонтеры, в политические пар-

тии, участвуют в российских и международных обменных программах, общественных и политических проектах.

Важно отметить поколенческие и гендерные особенности молодежного активизма: апатичность и разочарование в гражданском обществе 26- и 27-летних (которые социализировались в эпоху перестроечных перемен) сосуществует с экстремистскими и эпатажными акциями 20-летних и новыми более персонализированными формами активности 16-летних. Что касается гендерной специфики, то можно утверждать, что девушки чаще ориентируются на гуманистические социальные проекты, волонтерскую деятельность, в то время как юношей привлекает возможность сделать политическую карьеру, занять лидерскую или статусную позицию.

Отдельного внимания заслуживают вопросы рекрутирования молодежи в общественную активность. Один из парадоксов создания российского гражданского общества заключается в том, что нередко гражданские инициативы возникают с подачи государства. Так произошло со многими молодежными организациями, ассоциациями, группами и т.д. Такие случаи редко вызывают интерес и понимание со стороны молодежи, которая видит в них очередную попытку взрослых структурировать и организовать молодежную активность, облекая ее в привлекательные формы с пустым содержанием.

Вообще негативный имидж государственной власти в целом приводит к тому, что любые инициативы департаментов по молодежной политике или других административных учреждений вызывают отторжение и скепсис у молодежи. Подтверждение тому — движение «Наши», которые, пользуясь мощным административным и финансовым ресурсом, регулярно пополняют свои ряды и проводят громкие акции, но пользуются дурной славой у обычной молодежи, которая тут же придумала им прозвище «нашисты», подчеркивающее некорректный характер их действий.

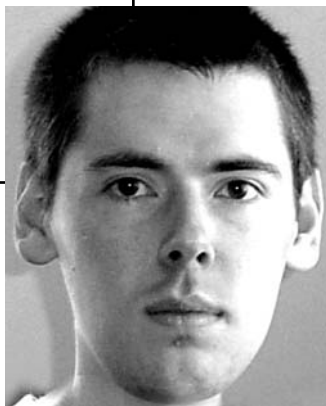
Сейчас для молодых актуализируется не просто желание что-то сделать. С учетом собственных интересов и представляемых целей молодыми озвучиваются вполне конкретные пути реализации собственной активности. Прежде всего это создание общественных организаций, объединений массового характера, которые направлены на изменение ситуации в рамках гражданского общества. В них молодые видят реальную силу, способную повлиять на окружающую действительность. Хотя при этом тут же высказывают сомнение, что это получится, из-за давления извне «взрослых граждан», бюрократических проволочек и чужих денежных интересов.

Вариант изменения ситуации может рассматриваться в качестве открытого протеста. Это революционный путь (митинги, демонстрации, пикеты), где особенность потенциала молодежной гражданской активности заключается в способности к быстрой мобилизации этого ресурса. И все это может проявляться в агрессивных, экстремистских формах, как наиболее быстрых. Для молодежи это эффективный рычаг воздействия на давление извне. Неслучайно в интервью часто упо-

минались так называемые оранжевые революции и события во Франции, как пример того, что смогла сделать молодежь этими методами. Поэтому следует говорить не об апатии и пассивности молодежи, а об особой позиции и особом молодежном понимании активизма. Современные юноши и девушки ищут и находят новые ресурсы мобилизации и используют новые виды гражданских практик, которые кажутся «взрослым» непонятными, пустыми, незначительными, а подчас и опасными. Так «взрослые» проявляют двойной стандарт, с одной стороны, требуя от молодежи, чтобы она участвовала в предлагаемых ей акциях, инициировала собственные проекты, включалась в политическую и социальную сферы. С другой же стороны, активность рассматривается в контексте легитимности, «нормальности» и традиционности, а такое понимание подразумевает контроль и управление молодежным активизмом, что воспринимается молодежью как попытка вернуть ее свободное время и свободную волю в рамки патерналистской советской системы.

Список литературы

1. *Аверкиев И.* Российская общественность: тихий кризис идентичности // <http://www.prpc.ru/averkiev/040326.shtml> 22 марта 2004 года.
2. *Омельченко Е.* Культурные молодежные сцены в России: между пассивностью и активностью // Правозащитное движение в России: Коллективный портрет: Сборник. — М.: ОГИ, 2004.
3. *Омельченко Е.* Молодежь: Открытый вопрос. — Ульяновск, Изд-во «Симбирская книга», 2004.
4. *Шаталова Е.* Выступление на Гражданском форуме — 2001 // www.greenlab.ru/civilforum.php
5. *Шаталова Е.* Сообщение на круглом столе «Гражданская активность молодежи», по данным Агентства социальной информации 09.07.2004 // <http://asi.org.ru/asi3/main.nsf/0/ED660A5E7F945853C3256ECC004FCD42>
6. Сайт Министерства образования и науки Российской Федерации - Департамента по государственной молодежной политике, воспитанию и социальной защите детей // <http://dmp.mgopu.ru/searchTopics.php?t1=8&t2=1>
7. *Андреева Ю.В., Костерина И.В.* «Нам нужны права, а не обязанности»: гражданская активность российской молодежи // Журнал исследований социальной политики, том 4, № 3, 2006.

*Илья Максимов,
независимый журналист*

Власть выберет себя сама

Во время своих штудий в Ленинградском государственном университете студент Владимир Путин, тогда еще не гарант Конституции, хорошо усвоил одну известную всем юристам истину — источником права является государство. Нет государства — нет и права. Безусловно, верно и обратное утверждение — без законов не может существовать государственная власть. Однако это уже диалектика, а философия, видимо, не числилась среди любимых предметов тогдашнего студента.

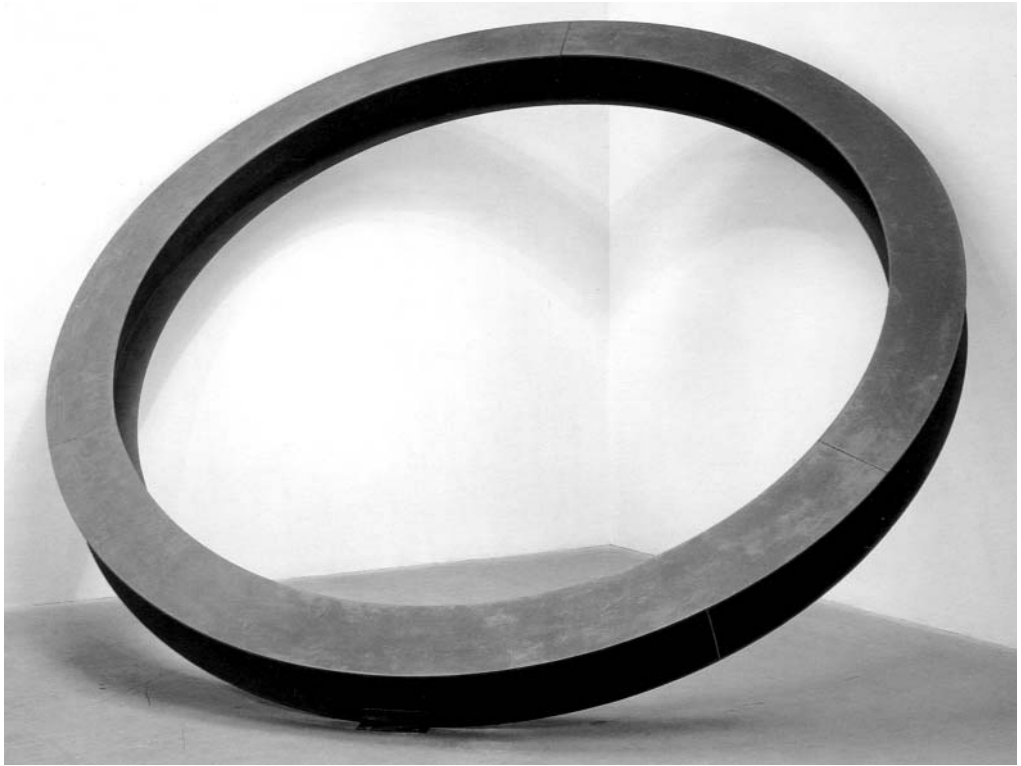
Ползучая избирательная реформа, происходящая в России, не просто утверждает превосходство государства над правом. Она исходит из крайне примитивной логики, которая выражается тезисом: «Слабые подчиняются законам, сильные законы творят». Фридрих Ницше давно поживает вечным сном, но мы можем во всей красе видеть триумф воспетой им воли к власти.

Именно для того, чтобы сохранить власть, наша современная политическая элита непрерывно, как модно нынче говорить, *в режиме реального времени* редактирует базовые законы и в первую очередь Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Оказывается, он вопиюще несовершенен, и буквально каждый год в нем обнаруживаются все новые и новые изъяны.

Озабоченность «Единой России» несовершенством отечественной избирательной системы вполне объяснима: выборы 2007–2008 годов неумолимо приближаются, а страх перемен нарастает. Есть такой чудный юридический штамп — «правовое поле». Так вот, это поле нужно как можно скорее перепахать и засеять таким образом, чтобы на нем вырос «правильный» урожай. Избирательную систему необходимо настроить на несменяемость элиты и застраховать ее от различных неадекватных действий избирателей.

Как этого добиться?

Во-первых, можно устранить из политики всех непартийных маргиналов, объявив мажоритарную избирательную систему рудиментом, вредным хотя бы потому, что он позволяет попадать в парламент «случай-

Роберт Моррис. Окружность. 1991

ным» людям. А они, согласитесь, могут случайно сказать там что-то не то, нарушив гармоничное единообразие работы главной партии и ее сателлитов.

Во-вторых, необходимо повысить требования к партиям, поднять им планку для попадания во властные органы, чтобы отсесть от участия в политической жизни те организации, за которыми стоят не интегрированные с государством финансово-промышленные группы, а просто (страшно подумать!) граждане. Сами понимаете, какое-либо народное представительство в формате небольшой партии — это опять же анахронизм, не соответствующий спартакскому духу современной России. Кроме того, закрытая ведомственная проверка списочной численности партий и их финансовой отчетности Министерством юстиции и Центральной избирательной комиссией — замечательное бюрократическое решето, поз-

волившее не только отделить овец от козлищ, но и вытрясти из голов «выживших» овец излишние чудеса.

И наконец, в-третьих, нужно запретить гражданам голосовать «против всех». Ведь протестное голосование — тоже постыдное наследие несознательной ельцинской эпохи, которое вдобавок представляет собой механизм обратной связи с обществом, индикатор его доверия к институту выборов как к таковому и к власти вообще. Однако, если ты Нарцисс, убедивший себя в собственном совершенстве, тебе не нужны зеркала, не говоря уже о каких-то мигающих индикаторах, которые мешают в тиши кабинета рисовать идеал политической системы.

Но, поверьте, все вышеперечисленное — это лишь полумеры. Эффективнее всего просто-напросто *исключить* главного субъекта голосования — избирателя — из процесса выборов.

Естественно, здесь нужна известная осторожность. Нельзя же вот так взять и запретить народу ходить на выборы на глазах у всего мирового сообщества. Соседи и партнеры могут неправильно понять такой «суверенно-демократический» маневр, да и сам уволенный электорат может огорчиться, особенно если он более-менее активен. Однако в нашем случае он дремлет и будить его нет никакого резона. Пусть себе отдыхает: смотрит фигурное катание, ток-шоу вместо дискуссий, реалити-шоу «птенцов гнезда Петрова» (с участием дочери многоуважаемого г-на Собчака), пьет народную водку, умножает ВВП и интегрируется в ВТО, наконец.

Нужно быть глухим, чтобы не услышать негромкий, но настойчивый лейтмотив официальной властной риторики последних двух лет, так похожий на установку телевизионного гипнотизера, — народ устал от политики. Поэтому, чтобы выполнить поставленную задачу, достаточно просто разрешить ему не ходить на выборы. Ведь чиновники и сами могут посетить избирательные участки и выбрать... самих себя. В этом контексте очень символично звучит название принятого в минувшем году программного манифеста «Единой России» — «Россия, которую мы выбираем». Страна и ее народ позиционируются как объект действия, а власть как субъект. Видимо, следующим шагом должно стать отождествление субъекта с объектом, выражающееся в абсолютистской формуле короля Людовика XIV: «Государство — это я».

При этом в государственной прессе (а другой у нас практически нет) отмена минимального порога явки избирателей презентуется как гигантский рывок в развитии российской демократии. Эта реформа, как и переход на пропорциональную избирательную систему, призвана вывести нас из пещер и научить жить, как «в лучших домах». То, что этот прогресс осуществляется как-

то суетливо и впопыхах, мало кого заботит. То, что коррекция фундаментальных нормативно-правовых актов носит откровенно предвыборный характер и выглядит как подстилание соломки чуть отяжелевшим от пива и кабинетной работы трюкачам — все это даже неразлично на фоне ударных темпов реализации национальных проектов, не говоря уже о стахановских подвигах вице-премьеров в рамках их телевизионной карьеры. Клерки от законотворчества со скоростью света переписывают нормы права, радея о нашем с вами благе и приближая «национализированное» кремлевскими копирайтерами будущее.

Да, действительно, в США и ряде европейских государств минимального порога явки нет. Но там нет и такого политического неологизма как «партия власти», которая представляет собой «фан-клуб» президента. Там есть неизменные на протяжении десятков, а порой и сотен лет демократические процедуры. Там конгрессменам не приходится в голову искать варианты, как ловчее обойти конституционную норму, чтобы сохранить у власти действующего президента и соблюсти при этом приличия. Там уважаемые партии конкурируют между собой в рамках давным-давно размеченного правового поля, а не роют на нем окопы и рвы, чтобы укрыться от соперников.

Мы же, уважаемые сограждане, оказываемся в положении даже не участников, а лишь свидетелей игры, в которой одна из команд постоянно корректирует правила, чтобы выиграть. Причем этим игрокам наша помощь в определении результата уже не нужна — постепенно мы оказываемся вне политики ради торжества народовластия. Чувствуете глубину мысли? Поистине советское образование — одно из лучших в мире, хотя, полагаю, профессора ЛГУ даже в годы застоя не учили бороться с демократией во имя ее развития.

Мы продолжаем знакомить читателя с нашими изданиями, публикуя короткие аннотации и характерные отрывки, дающие представление о выходящей в свет книге, а также сведения об авторах.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Энн Эпплбаум. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. Пер. с англ. Леонида Мотылева.

Энн Эпплбаум — колумнист американской газеты «Вашингтон пост». Ее книга, отмеченная Пулицеровской премией, — самое документированное исследование эволюции советской репрессивной системы Главного управления лагерей — от ее создания вскоре после 1917 г. до демонстрации в 1986 году. Неотделимый от истории страны ГУЛАГ был не только инструментом наказания за уголовные преступления и массового террора в отношении подлинных и мнимых противников режима, но и существенным фактором экономического роста СССР. Только в пору его расцвета — в 1929–1959 гг. — через тысячи лагерей прошли 18 миллионов заключенных. В собранных автором письменных и устных мемуарах погибших и выживших жертв концлагерей, в документах архивов — уникальные свидетельства о быте и нравах зоны: лагерная иерархия, национальные и социальные особенности взаимоотношений заключенных; кошмар рабского труда, голода, унижений; цена жизни и смерти, достоинство и низость, отчаяние и надежда, вражда и любовь...

Эта подлинная история паутины Большого террора — одна из самых трагических страниц летописи XX века, к сожалению, не ставшая, по мнению автора, частью общественного сознания.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ

Вопреки многим трудностям российское исследование советского прошлого продолжается и сегодня. Да, первое десятилетие XXI века очень сильно отличается от последних десятилетий XX века, и история уже не является в России главным предметом внимания и обсуждения; к тому же она утратила былую сенсационность. Большая часть исторической работы, которую ведут российские и иностранные исследователи, — это кропотливая рутина, просеивание тысяч документов, долгие часы на сквозняках в холодных архивах, дни, потраченные на уточнение фактов и цифр. Но эта работа начинает приносить плоды. Неспешно и терпеливо «Мемориал» не только составил первый

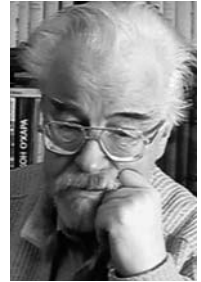
справочник названий и местоположения всех известных лагерей, но и выпустил ряд новаторских исторических книг и собрал громадный архив устных и письменных рассказов бывших заключенных. Наряду с другими организациями — Институтом Сахарова и издательством «Возвращение», «Мемориал» сделал некоторые из этих воспоминаний достоянием общественности. Российские академические журналы и издательства отдельных организаций тоже начали печатать монографии, основанные на новых документах, и сборники документов как таковых. Подобная работа ведется и в других странах — в первую очередь Центром КАРТА в Польше, но также историческими музеями в Литве, Латвии, Эстонии, Румынии, Венгрии и некоторыми американскими и западноевропейскими учеными, решившими посвятить время и силы работе в советских архивах.

Работая над этой книгой, я опиралась на результаты их труда, а также на два других типа источников, с которыми еще десять лет назад нельзя было познакомиться. Во-первых, это поток новых мемуаров, которые в 80-е годы начали издаваться в России, Америке, Израиле, Восточной Европе и других местах. В этой книге я широко их использовала. В прошлом некоторые исследователи советской истории не слишком склонны были опираться на воспоминания о ГУЛАГе, указывая на то, что советские мемуаристы переиначивали свои воспоминания по политическим причинам, что большая часть мемуаров писалась через много лет после освобождения их авторов, что многие, когда их подводила память, заимствовали сведения друг у друга. Однако, прочитав несколько сотен воспоминаний о лагерях и взяв интервью у двух десятков старых лагерников, я почувствовала, что могу отбраковать недостоверное, заимствованное и политизированное. Я почувствовала также, что хотя на воспоминания и нельзя вполне положиться в отношении имен, дат и цифр, они тем не менее служат бесценным источником данных другого рода, в особенности сведений о важнейших сторонах лагерной жизни: об отношениях заключенных друг с другом, о вражде между группами, о поведении охраны и администрации, о роли коррупции и даже о любви в лагерях... Помимо мемуаров, я старалась как можно шире использовать архивы... Я не утверждаю, что они содержат абсолютно достоверные сведения, — у бюрократов были свои резоны исказить даже самые обыденные факты, — но, если подходить к архивным документам критически, они порой сообщают нам о лагерях то, чего нельзя найти в мемуарах. Самое главное — они помогают понять, зачем создавались лагеря, чего сталинский режим рассчитывал добиться подобными средствами...

В то же время я старалась дать читателю представление о жизни в ГУЛАГе, и поэтому книга рассказывает о лагерях двумя способами. Первая и третья ее части построены хронологически. Они последовательно описывают эволюцию лагерей и их управления. Вторая часть посвящена лагерной жизни и построена по тематическому принципу. Большинство примеров и цитат в этой части относятся к 40-м годам, когда лагеря достигли высшей степени развития, однако нередко, нарушая хронологию, я обращалась и к временам более поздним и более ранним. Некоторые стороны лагерной жизни менялись с годами, и я сочла нужным объяснить, как это происходило.

Наш поезд прессы сошел с рельс

Александр Волков,
доктор исторических наук

Совсем еще недавно, казалось бы, газеты и журналы едва влезали в наши почтовые ящики. Теперь они почти пусты, дверцы их распахнуты настежь, сыплются на пол листочки рекламы... Что-то произошло в отношениях прессы и граждан. Что?

Конечно, многое лежит на поверхности. Очевидно, что подписка на несколько изданий стала недоступной для большинства населения, в первую очередь как раз для самой читающей публики, для большей части интеллигенции. А для некоторых и одна газета уже не по карману. Вместе с тем телевидение стало работать на более широком поле и, скажем, с его информацией «в реальном времени» прессе стало трудно конкурировать. Значительную часть «продвинутой» публики привлек к себе Интернет. Да и вообще люди стали меньше читать, поскольку возникло много других соблазнов в смысле времяпрепровождения, особенно у молодежи. Но сказывается и то, что газеты пишут, радио и телевидение шумят по какому-то поводу, а власти на это не реагируют и в жизни ничего не меняется.

Западные исследователи часто говорят, что СМИ «творят реальность», формируют государственную политику, влияют на нее даже чрезмерно. «Четвертая власть» оказывается порой могущественнее других ветвей власти. Но так ли у нас? Поставил бы это под сомнение: сегодня власть на всех уровнях, опираясь на административный и финансовый ресурсы, использует СМИ для управления основными общественными процессами и «творит реальность», которая прежде всего выгодна ей.

Представляется интересным и важным проследить, когда и почему в прессе начались перемены и как это связано с переменами в обществе? Как взаимодействовала пресса с общественным сознанием и влияла на окружающий нас социальный мир? Как развивались отношения СМИ с властью? Чем были и чем стали они в результате?

Создавая несколько лет назад книгу «Пресса в обществе (1959–2000)»*, наш небольшой авторский коллектив избрал именно эту точку отсчета — конец 50-х. Основание для такого выбора в том, что после критики культа личности Сталина, во времена оттепели, впервые в истории советского государства в широких слоях общества возникло сомнение относительно его устройства. Пробудилась и потребность поиска путей в лучшее будущее. С этим были связаны тогда и перемены в печати как социального института, развитие которого интересно прежде всего содержательной стороной. Это в какой-то части, причем очень важной, — история идей, история общественной мысли, которая не только находила отражение в печати, но и стимулировалась ею.

А вместе с тем важны и *перемены в функциях прессы*. Основные ее функции хорошо известны. Прежде всего это информация, коммуникации, необходимые для жизни современного социума как, скажем, кислородный обмен для любого организма. Пресса непосредственно причастна к тому, что социологи называют социальным действием. Она формирует образы социального мира и вольно или невольно внедряет эти образы в сознание своей аудитории, превращая их, согласно известной «теореме Томаса», одного из видных американских социологов 1930-х годов, в реальные социальные конструкции.

В моменты крупных социальных потрясений социологи, социальные психологи, обществоведы фиксируют в обществе растерянность и фрустрацию, утрату ориентиров и разрывы в социальных контактах, все то, что можно охарактеризовать емкой шекспировской фразой: «Распалась связь времен». Суть в том, что если рушатся представления о прошлом, как следствие становятся смутными и представления о будущем. Возникает потребность в *новом самоопределении*. А вместе с тем — потребность в образовании *новых солидарностей* ради совместного активного действия, чтобы устроить мир вокруг себя, весь социальный мир, в максимально возможном соответствии со своими интересами и представлениями. В такие времена пресса, аккумулируя информацию и выявляя главные векторы развития событий, играет особо значительную роль, выступая в качестве общественного организатора.

В эпоху социализма твердо знали, что «печать — самое острое оружие нашей партии». Это было усвоено как рекламный слоган, который не подвергался анализу. В условиях тоталитарного режима вообще печать не может быть чем-то иным, нежели инструментом, обеспечивающим господство той силы, которая стоит у власти.

Очевидно, что сегодня стали принципиально иными и общество, и пресса. Однако свершилось ли ее превращение из «оружия партии» в самостоятельный институт гражданского общества? Это обсуждается у

* *Пресса в обществе (1959–2000)*. — М.: Московская школа политических исследований, 2000. — 616 с.

Билл Вудроу. На заводе. 1984

нас уже долгое время, но ответ на вопрос остается неоднозначным, меняется ситуация, меняется и оценка. Как бы параллельно идет спор о старой, дореформенной, и новой журналистике с точки зрения преемственности. Одни в ней уверены, несмотря на очевидные различия. Другие убеждены, что современная журналистика — это чуть ли не иная профессия в сравнении с прежней, явившаяся ответом на возникшие в обществе новые потребности.

Стремление начать с нуля в какой-то мере естественно. То, что старшему поколению видится как результат, достигнутый на финише, служит лишь стартовой позицией для молодых. Новое, пореформенное поколение журналистов многое открывало для себя самостоятельно. Его представители подчеркивают, что учились журналистике более на западных образцах, чем на российских, на опыте стран, где уже существовал рынок. И все же: действительно ли новая, современная пресса родилась только из новых потребностей, как бы на пустом месте?

Если говорить о *потребности* в свободной прессе, то она проявилась в обществе давно. Я имею в виду не субъективное представление о том, что было бы хорошо или необходимо, и даже не логику исторического процесса, а те реальные сигналы из глубин общества, которые можно было наблюдать уже в начале рассматриваемого периода. Обновление прессы было связано с феноменом шестидесятников. Они стали выразителями потребности в свободной печати, отнюдь не обольщаясь ни программными документами КПСС, ни реальны-

ми достижениями того времени (в космосе, в ядерной энергетике). Их активность, напротив, проистекала из неудовлетворенности действительностью. Они понимали, что система не работает. Другое дело, что верили тем не менее в возможности совершенствования социализма, как верили в это и их коллеги в других странах социалистического содружества.

Уже в шестидесятые годы (1964–1968) наблюдается дифференциация печати на идейной, мировоззренческой основе. Нет, различия не выходят, по крайней мере явно, за рамки официальной доктрины марксизма-ленинизма, но то же совершенствование социализма по-разному понимается даже в цеховских газетах — «Правде» и «Сельской жизни», тем более в «Новом мире» и «Октябре». Между этими изданиями идет дискуссия, в которую постоянно вмешивается партийное руководство. Разумеется, на стороне ретроградов. Возникают редакционные коллективы единомышленников, такие как редакция «Нового мира», которая проводит свою определенную линию не только в понимании проблем литературы, а в отношении к жизни вообще, к нормам общественного поведения, в трактовке общественных идеалов. Это еще не самостоятельность, не независимость, тем более не оппозиционность, однако стремление к независимости суждений и публичное обозначение газетами и журналами собственной позиции, формирование редакционных коллективов единомышленников были важной стадией самоутверждения прессы как самостоятельного социального института.

Поражение Пражской весны углубило дифференциацию прессы на идеологической основе. 1968 год, конечно, веха в истории страны. От этого года некоторые исследователи отсчитывают время «семидесятников», противопоставляя их «шестидесятникам». На мой взгляд, все не так просто. Да, ввод войск в Чехословакию нанес удар по иллюзиям о возможности совершенствования социализма. Но он же породил в общественном сознании и четкое представление, что *при таком, как есть, социализме жить нельзя*. Различные формы инакомыслия резко усиливаются — от молчаливого несогласия с решением высших властей до активного протеста, от осознания насущной необходимости пересмотреть некоторые основы этого социализма до его полного отрицания.

Власти не сразу выработали новые правила игры по отношению к прессе, а журналисты не сразу с ними смирились. В эти трудные годы не угасает, если не усиливается, практика распространения прогрессивных научных идей экономического и общественного характера именно через периодическую печать, потому что она доносит эти идеи до широких слоев населения. Многие ученые сотрудничают с газетами и журналами. Журналисты в свою очередь идут в науку, защищают диссертации, стремясь придать своим публицистическим выступлениям большую основательность. Многое из того, что сказать хотелось, сказать прямо было невозможно. Часто главное говорилось «между строк». Но ведь это имеет смысл только тогда, когда и читать между строк умеют. Поэтому обретение газетой или журналом своего посто-

янного читателя, настроенного на определенную волну, имело, да и сейчас имеет, большой смысл.

«Вы призываете говорить с читателем эзоповым языком, но ведь Эзоп был раб!» — сказал как-то мне максималистски настроенный оппонент. Но разве возможна была тогда, да разве возможна и теперь журналистика без хитростей и без компромиссов? Да, это было, есть и будет в журналистике: выбор между тем, что ставили на первое место диссиденты, —

Ввод войск в Чехословакию нанес удар по иллюзиям о возможности совершенствования социализма

быть самому порядочным, и тем, на что шли и идут журналисты, сотрудничающие в изданиях, с позициями которых не во всем согласны, или выполняющие определенные условия властей при издании собственных газет и журналов в обстоятельствах далеких от подлинной свободы печати. Здесь, как всегда, вопрос — в цене компромисса или мере отступничества. Но ведь ставка-то тоже бывает немалой, была немалой и тогда: расширение круга сторонников той точки зрения, которую ты считаешь жизненно важной для страны. (Я имею в виду, например, позицию тех же «рыночников» — «звание», которое в мое время почти приравнивалось к «врагу народа»).

Послужили ли все старания и ухищрения, о которых шла выше речь, — все это изощренное приспособление журналистов к реальности — подготовке граждан к перестройке и последующим реформам? То есть способствовала ли пресса конструированию в сознании людей образа лучшего общественного устройства и превращению этого образа, согласно теореме Томаса, в новую реальность?

Наиболее убедительный ответ на этот вопрос дал перестроечный период, который еще не принес и, по-моему, не мог принести значительных перемен в экономической жизни, в благосостоянии людей, но стал временем расчистки властных структур от наиболее ортодоксальных приверженцев провалившейся социальной системы и вместе с тем — периодом гласности, цену которой мы теперь, по-моему, как-то сильно занизили. Первые же сигналы о наступающих переменах, назревших во всех слоях общества, но инициированных «сверху», были восприняты прежде всего прессой. Она мгновенно сорвалась с партийной узды. ЦК КПСС, обкомы партии еще пытались ее осаживать, но это скоро стало невозможным. Печать начинает исполнять роль *духовного лидера* в обществе.

Никогда в нашей стране так жадно не читали газет и журналов, никогда каждый номер ведущих изданий так широко не обсуждался. Но очень скоро довольно дружные ликования по поводу перестройки сменяются различными ее оценками, разными трактовками целей. Осмысливаются не только реальности дня, но и переосмысливается история, строятся прогнозы на будущее. Проявляется стремление восстановить ту самую распавшуюся связь времен. Приоритет анализа над информацией, который мы наблюдали в то время, — это редкий

период в истории журналистики, но то, что мы его пережили, — несомненный и, несомненно, позитивный факт. «Кто мы, откуда и куда идем?» — вот главный вопрос, которым задается большинство изданий. В печати смыкается поиск ответов на эти вопросы журналистами, учеными, читателями, откликающимися на публикации множеством писем и вместе с тем инициирующими постановку актуальных проблем. Мне хочется уже в этом месте сказать: не слишком ли многое и ценное мы впоследствии потеряли?

Перестройка начинается на основе возрождения надежды на совершенствование социализма. Однако быстро формируется убеждение, что если и может идти речь о социализме, то это должен быть «другой социализм», понимаемый так, как его понимают европейские социал-демократы, всего скорее — лишь как система ценностных ориентиров. Но главное — социализм уже не рассматривается в обществе и прессе как единственно возможный путь, единственный идеал. Сильное влияние обретают иные течения общественной мысли, в особенности либерализм и консерватизм. Происходит новый идейный разлом информационного пространства, печать в идейном смысле становится плюралистичной.

К концу перестроечного периода произошло формальное, можно сказать, юридическое отделение прессы от государства, и это самое существенное изменение в ее статусе. Закон о печати гарантирует ей значительные права. Начинается процесс приватизации прессы. В этом отношении выделяются решающие годы — 1990—1992, когда возникают тысячи новых изданий. Это начало жизни нашей печати по новым законам — рыночным.

Проходит совсем немного времени, и общество имеет дело уже с совершенно иной, чем прежде, прессой.

Появились основания определенно ответить на вопрос, которым мы задавались вначале: стала ли пресса самостоятельным институтом гражданского общества? Можно, конечно, спорить, сформировалось ли у нас само гражданское общество. Можно дискутировать о степени продвинутости или завершенности этого процесса, но едва ли — о векторе движения. По крайней мере, так виделась ситуация до недавнего времени.

Прежде пресса была главным образом или даже только идеологическим инструментом, теперь же она стала сферой и частью бизнеса, а следовательно, вынуждена подчиняться законам рынка. Если прежде она служила сохранению и упрочению государственной мобилизационной модели, то теперь различные издания, обретая новых хозяев, стали выражать многообразные частные интересы, конкурирующие, противоречивые, и общественный интерес может выявляться и формироваться только в столкновении этих частных интересов, а общая государственная политика — в столкновении различных идеологий, концепций, политических взглядов и устремлений. Это-то и превращает прессу из инструмента государства в институт гражданского общества, способствующий самому его становлению и развитию.

Кажется, я нарисовал почти идеальную картину становления СМИ и функционирования их как института гражданского общества. К этому ведь дело и шло в действительности. Но как случилось, что *наш поезд сошел с рельс*? Повинны в этом, прежде всего, власти предержавшие, включившие красный семафор на правильной колее. Не надо, наверное, развертывать доказательства этого, широко известно множество примеров, а главное — значительное число имен, с которыми были связаны представления о демократической прессе и равно — демократичном телевидении. Людей, которые были выброшены из СМИ. Можно назвать и сами органы печати, телевизионные компании, которые были разгромлены под разными предложениями не менее успешно, чем в прежнее время «Новый мир». Наряду с расчисткой политического пространства от оппонентов правящих сил и структур, свертыванием

Крис Бунт. *Восхваление скалы*. 1993

натуральной политической игры, предпринимается откровенная попытка подчинить средства массовой информации одной политической силе, по сути — одной партии.

Однако есть ли веские основания считать журналистов и СМИ только жертвами действий власти? Рыночные отношения, борьба за рейтинг способствовали тому, что идейные, нравственные начала уступили напору денег. Количество заказных статей, равно и телевизионных акций, особенно убедительно говорит об этом. Если мы не осознаем это или просто не согласимся признать, не стоит и мечтать о том, чтобы власти серьезно считались со СМИ. Если говорить о другой черте журналисти-

ки — оппозиционности, то она присутствует у некоторого числа СМИ, поскольку власть не решается пока идти на открытую конфронтацию с ними, опасаясь негативной реакции главным образом западных оппонентов. С другой стороны, эти СМИ сохраняют черты оппозиционности, рассчитывая на поддержку своей аудитории, которая не простила бы

*Рыночные отношения, борьба
за рейтинг способствовали тому,
что идейные, нравственные начала
уступили напору денег*

им конформизма по отношению к властям. Но большинство СМИ, особенно телевидение, предпочитает угодить самым примитивным, низменным, если хотите, интересам читателей и зрителей.

Борьба идет прежде всего

за количество потребителей, а не за их качество. Предпочтение отдается отнюдь не более образованной, интеллигентной и зрелой в гражданском смысле публике. Отсюда падение нравов в журналистике: вранье, цинизм, бесцеремонное вмешательство в частную жизнь людей, а также оскорбительность самого языка, неразборчивость в выражениях, которые становятся нормой, признаком «нового профессионализма», чуть ли не доблестью. Вам скажут, что дело в спросе, доказано же, что спрос определяет предложение. Да нет, в экономике доказано совсем иное: предложение рождает спрос. Думаю, что и в журналистике действует тот же закон. Не это ли, в числе прочего, имеют в виду западные исследователи, когда говорят, что СМИ «творяют реальность»?

Можно, конечно, увидеть в современном положении вещей и действие объективных факторов. Можно даже сослаться при этом на авторитетных исследователей, наблюдателей. Например, сэр Бернард Ингам, бывший пресс-секретарь Маргарет Тэтчер, говорит: «Вы пытаетесь в России построить свободную прессу — это замечательно. Но не обольщайтесь и знайте: вы не достигнете совершенства ни-ког-да! Совершенство — как горизонт... восемь веков мы ищем способы и методы, как сдерживать государственную власть. Однако надо признать: эти поиски чуть более успешны, чем поиски идеальной любви.

...Ваша пресса под контролем государства или олигархов, которые стремятся вас использовать в своих целях. Признаваться самим себе в этом горько, но это лучше, чем самообольщение»*.

Однако мне больше по душе другое высказывание, которое приводит тот же автор: «Не забывайте: нельзя иметь свободное общество без свободной прессы», — говорила Маргарет Тэтчер, стиснув зубы».

А закончить свои рассуждения хочу предостережением сэра Ингама, из того же источника: «Вот и я говорю и британским, и вашим, российским, политикам: скрипите зубами, но терпите свободную прессу. Иначе вам будет очень плохо, совсем худо, хуже не бывает...».

* Зоя Ерошок. Школа. О смыслах и чувствах. — М.: Московская школа политических исследований, 2005. — С. 214.

Об «имидже России»

Я возглавляю в настоящее время Российское информационное агентство «Новости» и одновременно преподаю в МГУ на факультете журналистики такой предмет, как «Имидж России». Поэтому постараюсь рассказать о том, чем я живу, чем занимаюсь, и про структуру, в которой работаю.

Я окончила школу в 1985 году, когда началась «перестройка». То есть можно сказать, что при советской власти жила только в свои школьные годы, и ощущения и воспоминания от той поры остались достаточно смутные. Затем поступила в МГУ и училась на кафедре страноведения географического факультета, так что страноведческий подход, чем я занимаюсь сейчас, мне не совсем чужд. Однако, когда меня назначили в 2003 году возглавлять РИА «Новости», честно говоря, я к этому не очень была готова и по своим собственным ощущениям доросла до занимаемой должности лишь спустя года полтора. И тогда по-настоящему осознала, что организация, которую я возглавляю, хотя де-юре и называется «Информационное агентство», фактически таким агентством не является. Из 1000 человек, которые работают сегодня в РИА «Новости», лишь около 150 человек это журналисты, а остальные — дизайнеры, аналитики, менеджеры, переводчики, то есть «Новости» — это организм, который в мире информационных технологий называют словом «пиар». Между тем эта пиаровская машина, которая называлась когда-то пропагандистской, появилась еще в 1942 году в виде Совинформбюро. В ее задачу входило в то время сообщать на разных языках всему миру о победах Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Не буду углубляться в историю, повторю лишь, что такая организация существовала и ее «пропагандистский маховик», выражаясь журналистским штампом, работал.

*Светлана Миронюк,
генеральный директор
РИА «Новости»*

Поэтому недавно я решила создать музей РИА «Новости» для того, чтобы молодые люди, которые сегодня работают в этой организации, знали, что ей уже исполнилось 65 лет. В музее выставлены, естественно, и некогда секретные документы, включая постановление ЦК ВКП (б) о создании Совинформбюро и о тех задачах, которые ставил перед этой организацией Сталин. После войны оно было преобразовано в Агентство печати «Новости» (АПН), а человек, создавший Совинформбюро, Семен Абрамович Лозовский, был расстрелян в 1952 году, в том числе и за не полную реализацию поставленных перед Совинформбюро задач.

АПН в советское время работало на 80 языках, его представительства были в 140 странах. И я сделала карту представительств АПН. Самый большой расцвет, скажем так, коммунистической пропаганды, которой занималось Агентство, приходился на 1975–1977 годы, расцвет нефтяного советского благополучия. Это по сути карта геополитических интересов Советского Союза. Что делало АПН в советское время? Издавало журналы на 45 языках, в каждой стране работали представители, которые распространяли информацию в зарубежных СМИ. И это был не один человек, как сегодня (он и корреспондент, и представитель), который пытается донести до зарубежной аудитории объективную информацию о России. За границей тогда работали свыше 600 человек, а в центральном офисе АПН — 3500 человек. Это был огромный штат людей, которые занимались целенаправленно и профессионально в тех условиях, в которых они находились, где-то донесением объективной информации о жизни в СССР, а где-то лакировкой советской действительности.

После распада СССР эта пропагандистская машина перестала, как известно, быть нужной нашему государству. Поэтому многие направления ее деятельности были закрыты, представительств осталось всего 30 вместо 140, а их сотрудникам сказали: мы вас направили, можете присылать материалы раз в месяц, чаще нам все равно не нужно, а на жизнь зарабатывайте себе сами. Поскольку в собственности АПН была недвижимость: офисы, а в некоторых странах целые особняки, то, оказавшись в такой ситуации, сотрудники многих заграничных представительств, естественно, стали сдавать их в аренду. И к 2000 году появился вполне налаженный механизм сдачи в аренду заграничной собственности Агентства. Вот, собственно говоря, что из себя представляла его зарубежная сеть и что мне досталось в 2003 году.

Во что трансформировалась эта пропагандистская машина сегодня? Мой жизненный опыт пиар-технолога, поскольку я не журналист, а специалист по технологиям донесения информации до той или иной аудитории, и к тому же мне посчастливилось учиться в Будапештском университете (а это уже была Европа), подсказал следующее. Я должна постараться перенести накопившиеся знания и свои принципы в ту пропагандистскую машину, которую получила в наследство, и попытаться создать некий симбиоз.

Мое твердое убеждение состоит в том, что в сегодняшнем мире, когда существует Интернет, заниматься лакировкой действительности не просто невозможно, а контрпродуктивно. Иначе в глазах коллег, как за рубежом, так и у себя в стране, ты будешь выглядеть нечестным человеком, учитывая, что все мы взрослые образованные люди и прекрасно знаем, где живем. Поэтому

для себя, как руководителя, я постаралась сформулировать задачу таким образом. Я хочу донести информацию о моей стране до зарубежной аудитории во всем ее многообразии и сложности существующих проблем, приглашая для их обсуждения наших политиков, чиновников и просто интересных людей культуры, науки и т. д.

И одновременно — зарубежных журналистов, аккредитованных в Москве, фактически из всех стран мира.

Преподавая студентам курс странового брендинга, я пришла за 4 года работы в РИА «Новости» к четкому пониманию: невозможно навязать восприятие искусственного образа России. Ибо невозможно отделить восприятие страны людьми, которые в ней живут, от образа, который мы хотим создать за ее пределами. Если внутри страны нет понимания, кто мы и чего хотим, значит, у нас отсутствует национальная самоидентификация. В советское время такое понимание было, так как существовал вполне определенный вектор движения. Сегодня этот вектор размыт и поэтому трудно понять, что такое моя страна, в которой я живу, в которой живут мои дети, куда мы движемся. На мой взгляд, без ясного консолидированного осознания внутри- и внешнеполитических задач и целей невозможно сформулировать имидж страны, который можно транслировать западной и восточной аудитории, трудно выбирать партнеров и обозначать врагов, выстраивать программы сотрудничества или союзы.

Сегодня РИА «Новости» как государственная структура сосредоточено в первую очередь на реализации информационных задач государства.

Понятно, что только информируя зарубежную общественность о том, что происходит в нашей стране, можно создать тот или иной ее образ. Для этого в принципе есть соответствующие

Имидж России за рубежом невозможно сконструировать, манипулируя сознанием

щие технологии и средства. Но этих инструментов и понимания стоящих перед нами задач еще недостаточно, потому что сейчас страна подобна дому, фундамент которого заложили, а архитектурного проекта еще нет, и мы даже не знаем, что строим на этом фундаменте: блочную многоэтажку или особняк с колоннами в стиле ампира?

Есть и другие обстоятельства, с которыми мне пришлось столкнуться за прошедшие годы, и должна сказать, что они отнюдь не способствуют удовлетворенности результатами своей работы.

Речь идет, например, о наших государственных чиновниках и политиках, среди которых с каждым годом все меньше людей, умеющих ясно и убедительно формулировать личное мнение, а не читать по бумажке произнесенные кем-то слова о стратегии развития страны.

Другая тяжелая проблема касается работы с иностранными журналистами: у нас единицы в элитном сословии говорят на иностранном языке. Из министров таких вообще два — С. Лавров и Л. Рейман. Поэтому сведена к нулю возможность прямого общения чиновника высокого ранга с журналистами во время зарубежной поездки, его прихода на телеканал, я уже не говорю о таком формате, как свободная дискуссия в

эфире. Если сегодня кто-то включается в свободную дискуссию или участвует в круглых столах, то только российские журналисты. Картина, с одной стороны, грустная сама по себе, а с другой — характеризует ситуацию, в которой мы работаем. Имидж России за рубежом невозможно сконструировать, манипулируя сознанием; его можно формировать, когда в стране есть ясное понимание, как я уже сказала, целей и средств их достижения, во-первых, и есть люди, способные внятно их формулировать, во-вторых.

Тем не менее от внешней функции информационного сопровождения взаимодействия России с другими странами нас никто не освобождал. Понимая, что Россия сегодня скорее держава региональная, я попыталась выстроить информационную инфраструктуру в сопредельных странах СНГ и Балтии на их национальных языках. Я часто слышу как заклинание разговор про русский язык как язык объединяющий постсоветское пространство. Согласна с этим лишь отчасти, потому что считаю, что со старшим и средним поколениями, которые еще используют русский язык как язык общения в этих странах, с годами мы все же разошлись. За 15 лет пришло поколение, для которого русский язык уже не является языком образования и бытового общения. Хотя в Украине, например, это не так: там в быту говорят еще по-русски, а на улицах по-украински. А вот в Грузии, например, люди среднего и молодого возраста, то есть те, кто сегодня определяет ее политику, нередко говорят по-английски. Русский язык им, конечно, знаком, но уже не является доминантным, а зна-

чит читать и говорить они будут на своем языке. Поэтому я постаралась создать, и считаю это сейчас самым интересным проектом, нашу инфраструктуру на национальных языках в странах СНГ и Балтии. В частности, решила набрать студентов и научить их эстонскому языку, чтобы их можно было отправить в Таллинн работать корреспондентами РИА «Новости», потому что жить в стране и полагать, что поймешь ее реалии, не владея местным языком, абсурдно. Мы также стараемся найти в Москве или в регионах молодых людей, говорящих на других языках стран Балтии. Оказалось, что найти в России людей, говорящих на национальных языках не просто на бытовом уровне, а умеющих писать, читать, работать на клавиатуре, скажем, на грузинском языке, и при этом являющихся нашими гражданами, практически невозможно. Так что эта ниша для журналистов существует. Поэтому обращаюсь к читателям журнала: если вам это интересно, мы ждем вас в «Новостях».

Интересна наша система журналистских обменов с коллегами из Европы и Азии. Хотя при этом понимаем, что они приезжают к нам скорее на экскурсию или встретиться с интересными людьми, скажем, с теми же политиками и т. д. С коллегами из стран СНГ и Балтии создали так называемый ПЕН-клуб РИА «Новости», где вместе с ними занимаемся совершенствованием журналистского мастерства, языковой практикой, чтобы лучше понимать друг друга, учимся быть партнерами. В этом смысле мы в чем-то похожи на Московскую школу политических исследований.

Революция

Ирина Бусыгина, Андрей Захаров

I. Революция как тип политических изменений

В современной политической науке понятие «революция» используют для описания природы качественных политических изменений. Каждая политическая система подчиняется собственной логике развития, реагируя на совокупность внутренних и внешних импульсов. Поэтому политический процесс можно трактовать двояко: либо как совокупность перемен в каком-то данном состоянии политической системы, либо как замену одной системы другой. Реакция системы на внутренние и внешние импульсы может быть различна: в одних случаях система проявляет устойчивость и приспосабливается к новым условиям, в других происходит ее крах, вызванный неспособностью к обновлению. Второй вариант ведет к возникновению новой системы, которая, в свою очередь, тоже может оказаться неустойчивой. О революции речь идет в тех случаях, когда за *обрушением* существующей системы власти наступает более или менее длительный период *реконструкции* политического, социального и экономического порядка.

В эпоху модерна термин «революция» стал крайне популярным. Его применяют там, где имеет место быстрый и существенный сдвиг, или когда необходимо эмоционально подчеркнуть глубину, темп и мощь изменений, коренным образом преобразующих какую-либо сферу или отрасль. Как и многие другие понятия современной политологии, термин «революция» появился благодаря Великой французской революции 1789 года. Само слово восходит к позднелатинскому существительному *revolutio* — «поворот, переворот», который отражает сопутствующую революциям смену правящих групп, политических и социально-экономических отношений в обществе.

Как правило, революцию вписывают в триаду основных типов политических изменений, противопоставляя ее *политической реформе* и *го-*

сударственному перевороту (путчу). Понятие «реформа» отражает, прежде всего, ненасильственный и поступательный характер политического развития, такое изменение институтов, которое не посягает на основы политической системы. Переворотом называется внезапный и незаконный захват власти, в процессе которого социально-экономические преобразования носят ограниченный или поверхностный характер. Может показаться, что революция и государственный переворот есть явления одного порядка, но это неверно. Действительно, их роднит обращение к насилию, однако если революция подразумевает тотальные преобразования, то переворот осуществляется в результате заговора, с целью привести к власти иную элитную группировку, чем и исчерпывается, обычно, задача.

Универсального определения революции нет, однако, предельно обобщая, можно констатировать, что это «коллективный, насильственный и осозанный захват власти какой-либо общественной группой»*. Известнейший исследователь революционного процесса Шмуэль Эйзенштадт (р. 1923) выделяет три отличительные черты революции как типа политического изменения: а) применение насилия; б) новизна; в) всеобъемлющий характер преобразований. По его мнению, революции как протестные движения являются одним из проявлений глобального процесса модернизации, а ведущую роль в них играет независимая интеллигенция. При этом исключительная важность придается духовному измерению революционных сдвигов. По Эйзенштадту, в феномене революции воплотилась попытка человечества практически реализовать утопический образ будущего. Современная культурная и политическая повестка дня сформировалась, безусловно, под влиянием идей Ренессанса, Реформации и Просвещения, но главным образом — под воздействием феномена революции, который особо отмечен пафосом возвеличивания человека и его своеволия, всем этим вехам присущий. Французский историк Франсуа Фюре (1927—1997) определил эту связь как «утверждение волевого начала в истории и образа человека как деятельной и автономной демократической личности»**.

В самом революционном процессе различают последовательность трех основных стадий: а) надлома существующей системы; б) борьбы за власть; в) реконструкции государства***. Касаясь специфики революции, французский политолог Жан-Луи Кермонн указывает на то, что революция приводит в движение толпу, которая отождествляет себя со всем народом, а в тех случаях, когда ее делает очевидное меньшинство, революционеры декларируют, что действуют от лица всего

* Категории политической науки. Под ред. А.Ю. Мельвиля. М: РОССПЭН, 2002, с. 382.

** Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М: Ad Marginem, 1995, с. 83.

*** См.: Goldstone J. (ed.). *Revolutions of the Late Twentieth Century*. Boulder & Oxford: Westview Press, p. 37.

общества, либо от лица угнетенного, но прогрессивного класса — такого, например, как «пролетариат»*.

II. Типология революций

Специалисты не раз подчеркивали, что в основном современные концепции революции берут свое начало в предложенной Карлом Марксом (1818–1883) трактовке революционных событий 1789 года во Франции. Для науки, работающей в традиции модерна, заданная марксизмом парадигма по-прежнему остается определяющей: как правило, появляющиеся в этом русле новые теоретические построения либо развивают ее, либо опровергают. «Со времени Маркса революции понимаются как коренное изменение общества в ключевых аспектах, ведущих к изменению характера этого общества. Сегодня подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что революции ведут к фундаментальным, всеобъемлющим, многомерным изменениям, затрагивающим саму основу социального порядка»**.

Исходя именно из такого подхода, современная политология выстраивает классификацию революций в зависимости от их результатов. Здесь выделяются следующие типы:

- Революции, затрагивающие *только* систему государственной власти и ведущие к *смене политического режима* и реорганизации политических институтов;
- Революции, связанные с *преобразованием всего общества*; толчком для них, как правило, служит военное поражение государства;
- Революции, начинающиеся в ходе развала прежнего государства, например империи, и формирующие новую государственность на относительно «пустом» месте***.

Так, к революциям первого типа принадлежит французская революция 1848 года, которая подтолкнула революционные катаклизмы во всех основных государствах Европы, кроме Англии и России. Свержение короля Луи Филиппа (1753–1850) во Франции стало сигналом для революционных возмущений в Германии, Италии, Австро-Венгрии.

Пример революции второго типа демонстрирует, в частности, судьба Германской империи. После ее поражения в 1-й мировой войне осенью 1918 года революционное восстание быстро победило на большей части страны, почти не встретив сопротивления сил старого порядка.

* См.: Кермонн Ж.-Л. Западные политические режимы // ПОЛИС (Политические исследования), 1991, № 2.

** Кирдина С.Г. Социальные изменения // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2003, с. 482.

*** Категории политической науки, с. 386.

Немецкая революция поддерживалась тремя источниками: стремлением к либерализации и демократизации, антивоенным возмущением, подъемом социал-демократического движения.

Революции, сопровождающиеся возникновением новых форм государственности, образно выражаясь, с чистого листа, можно изучать

Далеко не все современные мыслители отождествляют революционное обновление с позитивными изменениями

на примере развала социалистического лагеря. Кризис коммунизма в конце 1980-х — начале 1990-х годов вызвал подъем революционных движений в странах со-

циалистического блока, в результате чего в Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Болгарии произошли демократические, «бархатные», революции. В восточноевропейских странах были отстранены от руководства коммунистические партии, утвердилась многопартийность, проведены реформы, направленные на создание рыночной экономики. Все эти революции, за исключением трагического румынского варианта, носили мирный характер.

Всем упомянутым типам революций присущ и определенный общий набор результатов. Каждая из них ведет к трансформации политического режима, мощным сдвигам среди элит, преобразованиям в важнейших сферах общественной жизни. В парадигме модернизма революция всегда есть разрыв с прошлым. Помимо прочего, революционеры полагают, и это отражает изначальную утопичность их построений, что в революцию рождается «новый человек», обладающий более «правильным» сознанием. Впрочем, далеко не все современные мыслители отождествляют революционное обновление с позитивными изменениями.

В последние годы в российский общественно-политический дискурс вошел термин «цветные революции», подразумевающий недавние события на постсоветском пространстве: «революцию роз» 2003 года в Грузии, «оранжевую» революцию 2004 года на Украине, «революцию тюльпанов» 2005 года в Киргизии. Надо сказать, что механическое объединение этих процессов одним определением представляется искусственным; в сущности, они имеют между собой мало общего, помимо того, что во всех перечисленных случаях прежний политический класс оказался неспособным управлять общественными процессами.

Более того, использование в данном случае термина «революция» носит скорее метафорический характер; эти катаклизмы никак не могут быть поставлены в один ряд с революциями классическими. Как указывает политолог Борис Межуев, «термин «революция» используется в данном случае для описания совокупности событий, включавших в себя недовольство значительной части граждан результатами выборов; способность проигравшей стороны мобилизовать в свою поддержку

Ансельм Кифер. 20 лет одиночества. 1971–1991

неудовлетворенных характером и итогом выборов избирателей; одобрение претензий оппозиции руководителями и общественным мнением западных стран; и, наконец, приход оппозиции к власти после серии уличных акций»*. Ситуация на постсоветском пространстве дает основание некоторым политикам и экспертам говорить о начале «глобальной демократической революции», однако, учитывая непредсказуемый исход формирования новых политических режимов (которое может не состояться вообще или произойти на недемократических началах), такая позиция кажется недостаточно обоснованной.

III. Революция и террор

Исследователи не раз обращали внимание на взаимосвязь революции и насилия. Любое волюнтаристское действие (а революционное преобразование общества всегда сопряжено с волевым началом) несет в

* Межуев Б.В. «Оранжевая революция»: восстановление контекста // ПОЛИС (Политические исследования), № 5, 2006, с. 75.

себе потенциальную опасность террора — насилия, которое ставит целью сломить сопротивление людей и обстоятельств*. Политическая роль террора в революции, концептуально трансформированная в этическую проблему соотношения *целей и средств*, занимала умы многих революционеров, которые в основном склонялись к оправданию террористических методов.

Следует учитывать разницу в подходах к применению террора до революции и после нее. Если говорить о России, то интерес к террору как одному из средств захвата власти обострился со второй половины XIX века в связи со становлением революционного движения и появлением так называемых профессиональных революционеров. Причем отношение русских недругов самодержавия к террору не было однозначным. Если, например, Михаил Бакунин (1814—1876) и его сторонники относились к революционному насилию довольно осторожно, отдавая приоритет агитации и пропаганде, то представители радикальных революционных групп считали террор неизбежным и даже необходимым элементом революции**. В конечном счете именно последняя точка зрения стала преобладающей, что обеспечило России репутацию одной из вотчин современного терроризма.

В плане систематического применения террора против врагов уже победившей революции выделяются две «классические» революции — французская и русская. В период якобинской диктатуры во Франции в 1793—1794 годах были уничтожены десятки тысяч человек. Это был первый опыт систематического и бескомпромиссного уничтожения противников на основании различий в политических взглядах. Как правило, революционный террор, эволюционируя, ведет от истребления «врагов революции» к уничтожению самих революционеров в ходе раскалывающих революционное движение внутренних распрей. Это одна из общих закономерностей революционного процесса в любой стране и в любую эпоху.

Еще большей жестокостью отличалась большевистская революция в России; по мере ее развертывания число уничтоженных «контрреволюционеров» превысило количество погибших на фронтах Гражданской войны, причем точные цифры не известны до сих пор. Следуя якобинской логике, ленинская политика террора исходила из того, что «враги революции» многочисленны и могущественны, и поэтому новая власть не должна быть разборчивой в средствах борьбы с ними. Интересно, что, обосновывая репрессии, большевики постоянно ссылались на опыт Великой французской революции: по словам Франсуа Фюре, «русская революция не заняла бы такого места в умах людей

* См.: Генифе П. *Французская революция и Террор // Французский ежегодник 2000. 200 лет Французской революции 1789-1799: итоги юбилея. М.: УРСС, 2000, с. 74.*

** Подробнее об этом см. статью «Терроризм» в книге: Бусыгина И., Захаров А. *Sum ergo cogito: политический мини-лексикон. М.: Московская школа политических исследований, 2006.*

своего времени, если бы она не выглядела как продолжение — поверх временного разрыва — революции французской»*.

IV. «Классические» революции

В разряд классических («великих») революций принято зачислять французскую революцию 1789–1799 годов, русскую революцию 1917–1921 го-

дов, китайскую революцию 1911–1949 годов. Кратко остановимся на каждой из них.

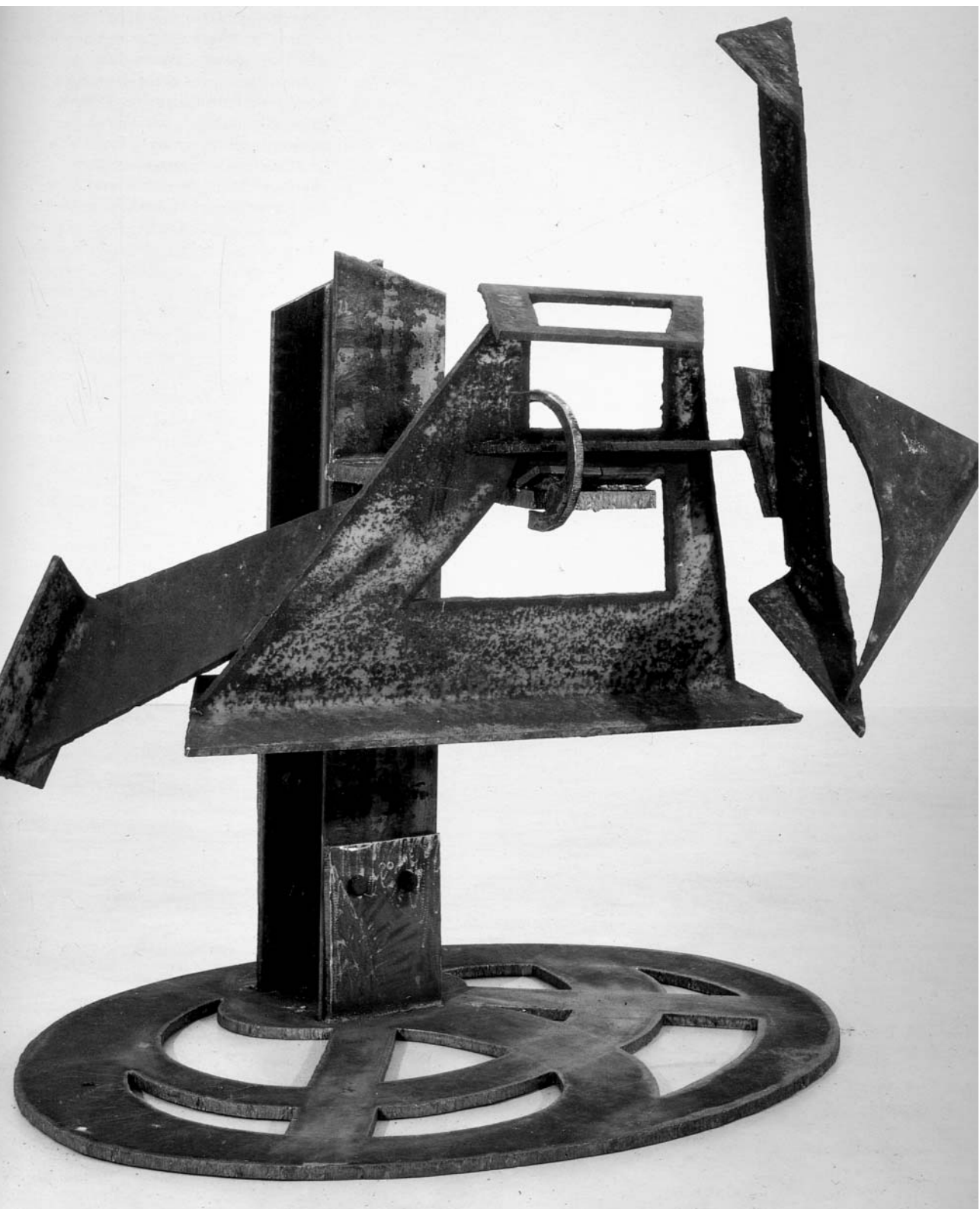
Французская революция вошла в историю как первая европейская революция, имевшая всемирное значение: именно она впервые поставила вопрос о *законности* и *приемлемости* политических перемен. Эта революция радикально пересмотрела прежние представления о движущих силах истории и предложила новую трактовку *суверенитета*, превращавшую народ в главного политического актора. Несмотря на то что с политической точки зрения французские революционеры потерпели поражение, им удалось разрушить прежнюю феодально-абсолютистскую политическую и экономическую систему Франции. Неудивительно, что процесс такого масштаба и глубины всегда вызывал у историков самые противоречивые, но неизменно глубокие эмоции. Так, английский историк, философ и публицист Томас Карлейль (1795–1881) видел в этой революции самое ужасное из того, что когда-либо порождала история, а для французского историка Жюль Мишле (1798–1874) она, напротив, была попыткой воскресить законность и утвердить справедливость**. Бесспорно, однако, то, что для Франции (как и для всей Европы) эта революция открыла эпоху Нового времени.

По мере развития Великой французской революции градус ее радикализма неуклонно повышался. Она началась по существу в мае 1789 года, когда после ста пятидесяти лет перерыва король решил созвать Генеральные штаты (представительное собрание) и тем самым невольно помог политической консолидации так называемого третьего сословия, представленного буржуазией, купцами, ремесленниками, крестьянами, рабочими. В течение первых трех лет после штурма Бастилии 14 июля 1789 года события развивались относительно эволюционно; большинство сформированного революционерами Учредительного собрания, намереваясь завершить период трансформации в обозримом будущем, вынашивало проект перехода к конституционной мо-

*Революционный террор ведет
от истребления «врагов революции»
к уничтожению самих революционеров*

* Фюре, с. 84.

** См.: Дэвис, с. 498. Оба упомянутых автора прославились своими исследованиями, посвященными французской революции.

Мак ди Суэро. Следующие два

нархии. Вместе с тем была упразднена система дворянских привилегий, принята Декларация прав человека, отделена церковь от государства. Однако по мере углубления преобразований умеренные лидеры революции из числа республиканцев-жирондистов были вытеснены с ключевых политических позиций. Свержение монархии и провозглашение республики в сентябре 1792 года укрепило позиции радикалов-якобинцев, которые ранее уже захватили муниципальные органы Парижа.

*Великая французская революция
обозначила контуры демократического
порядка эпохи модерна*

Вслед за казнью короля страна вступила в полосу якобинского террора, продолжавшегося с сентября 1793 по июль 1794 года. Созданные по инициативе Максимилиена Робеспьера (1758–1794) «комитеты общественной безопасности» удерживали власть по всей стране, став инструментами революционной диктатуры и запугивания «врагов революции».

После отстранения якобинцев от власти в результате термидорианского переворота в июле 1794 года революционная волна пошла на спад. Франция пережила сначала авторитарное правление Наполеона, продолжавшееся с 1799 по 1814 год, а потом вступила в пору относительной стабилизации — прерывавшуюся, впрочем, революциями 1830 и 1848 годов. Один из уроков французской революции, подмеченный почти сразу, состоял в том, что политический спад и последующее наступление реакции являются закономерным итогом бурного периода коренных трансформаций. Но, подчеркивая это, важно помнить и о другой особенности: полный откат назад невозможен — революция, если ее не сумели предотвратить, всегда делает свое дело. Правда, степень разрыва с прошлым может быть разной; в то время как революция во Франции далеко не во всем порвала со старым порядком, революционные перемены в России и в Китае оказались беспрецедентными по своей глубине и размаху.

Революционные события до сих пор остаются темой острейших интеллектуальных дебатов, а рожденное революцией противостояние революционеров и консерваторов по-прежнему актуально для общественно-политической жизни нынешней Франции. Что касается общеевропейского и даже всемирного значения Великой французской революции, то оно было обусловлено тем, что именно она обозначила контуры демократического порядка эпохи модерна, среди которых *народный суверенитет, профессиональная бюрократия, рыночная экономика и либеральная идеология.*

Иную роль в истории человечества сыграла русская революция, ставшая первой в мире коммунистической революцией. Карл Маркс, учение которого в XIX веке получило широкое распространение в

России, опираясь на материалистическое понимание прогресса как производной перманентного конфликта между производительными силами и производственными отношениями. Глубоко проанализировав положение пролетариата в капиталистической экономике, он

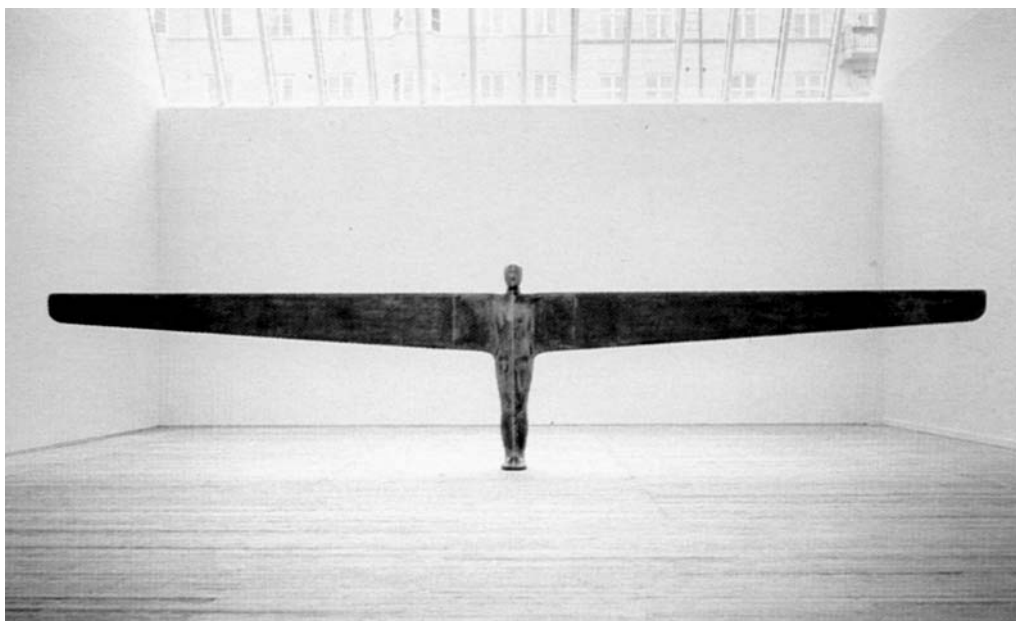
сделал вывод — ошибочный, как оказалось впоследствии, — о неизбежности пролетарской революции, призванной заложить основы идеального общества. Преувеличивая роль эконо-

*Политический спад и наступление
реакции являются закономерным итогом
бурного периода коренных трансформаций*

мических факторов, марксисты приписывали истории якобы присущий ей естественный автоматизм, с железной необходимостью обуславливающий грядущий революционный переворот. Но Владимир Ленин (1870—1924) и его сторонники, которым пришлось добиваться революции в довольно отсталой крестьянской стране, творчески переработали доктрину Маркса. Они не могли ждать революционного переворота, сложа руки, и потому решающее значение приписали субъективному фактору — сплоченной, дисциплинированной, фанатичной секте *профессиональных революционеров*, подготавливающей и, в конце концов, осуществляющей революцию, а затем берущей на себя ответственность за преобразование страны.

Русская революция состояла, по сути, из двух последовательных процессов, двух политических восстаний — Февральской революции, которая покончила с самодержавием, и Октябрьской революции, установившей диктатуру большевиков. В условиях глубочайшего экономического и политического кризиса, вызванного непосильной для российского государства мировой войной, большевики, широко использовавшие политическую демагогию и манипуляцию массовым сознанием, сначала активно способствовали созданию параллельных структур власти (так называемое двоевластие Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов), добились доминирования в Советах, а затем насильственным путем устранили законную власть. В результате была установлена диктатура коммунистической партии, радикально и с огромными человеческими издержками модернизовавшая страну и продержавшаяся семь десятилетий.

Как справедливо отмечает английский историк Эрик Хобсбаум (р. 1928), «хотя идеи французской революции пережили большевизм, практические последствия Октября 1917 года оказались гораздо более значительными и долгосрочными, чем последствия событий 1789 года. Октябрьская революция создала самое грозное организованное революционное движение в современной истории. Его мировая экспансия не имела себе равных со времен завоеваний исла-

Энтони Горбли. Футляр для ангела. 1990

ма в первый век его существования»*. Одним из этапов этого победоносного шествия стала китайская революция, возглавляемая Мао Цзэдуном (1893–1976). Она представляла собой еще более творческую интерпретацию марксистской концепции революции, нежели та, что была реализована Лениным и его соратниками. Китайский руководитель приспособил марксизм к обществу, в котором вовсе не было пролетариата; в отличие от Маркса, он считал крестьянство не реакционным, но наиболее передовым классом общества. Другой новацией стало превознесение национализма, рассматриваемого как важнейшее орудие революционной борьбы. В ходе многолетней гражданской войны, предшествующей состоявшемуся в 1949 году захвату власти, китайские коммунисты успешно опробовали партизанскую тактику завоевания страны, многократно, хотя и не столь успешно, использованную затем в странах третьего мира.

V. Психологические, структурные, политические теории революции

Опираясь на богатый опыт XX столетия, политическая наука попыталась предложить универсальную трактовку революций, выходящую за рамки классового подхода Карла Маркса. Как правило, в

* Хобсбаум Э. *Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914-1991)*. — М.: Независимая газета, 2004, с. 67.

указанной области выделяют три подхода: *социально-психологический*, *структурный* и *политический**. В основе первого лежит поиск *индивидуальных мотивов* революционной деятельности. Исследуя Великую французскую революцию, Алексис де Токвиль (1805–1859)

отмечал, что тяготы, молча сносимые прежде, становятся нестерпимыми в тот момент, когда перед человеком открывается перспектива более светлого будущего. Один из наиболее

*Духовному измерению
революционных сдвигов придается
исключительная важность*

видных сторонников этого подхода, американский профессор Тед Гурр (р. 1936) полагает, что ключом к пониманию революции оказывается понятие «относительного неблагополучия» (англ. *relative deprivation*). По его мнению, неблагополучие в сочетании с уверенностью в том, что условия человеческого существования хуже, чем они должны быть, выступает главным источником политической нестабильности. Как только люди начинают ощущать, что они имеют меньше, чем должны были бы иметь, происходит революция. Причем неблагополучие должно быть именно относительным, а не абсолютным: абсолютная неустроенность означает непрекращающуюся борьбу за выживание и, следовательно, политическую пассивность**.

Таким образом, социально-психологический подход опирается на убеждение в том, что восприятие людьми собственного положения гораздо важнее, чем само это положение. Вместе с тем, объясняя многое, психология далеко не полно раскрывает институциональные аспекты революции. Поэтому сторонники второго подхода видят причины революций не столько в мотивах их участников, сколько в *структурных факторах*. «Напрямую следуя Марксу, эти теории условием революции полагают кризис экономики и политики, который рассматривается ими преимущественно в контексте классовых и групповых отношений»***. Как полагает американский политолог Тэда Скокпол (р. 1947), перу которой принадлежит известное сравнительное исследование трех «великих» революций, первостепенная важность здесь принадлежит отношениям макроструктурного уровня — как внутри государства, так и между государствами. Причем с захватом власти революция не заканчивается, как считают социаль-

* См., например: Штомпка П. *Социология социальных изменений*. — М.: Аспект Пресс, 1996.

** Более подробно см.: Gurr T. *Why Men Rebel*. — Princeton: Princeton University Press, 1970.

*** Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge & New York: Cambridge University Press, 1979.

Роберт Гобер. Утрированный детский манеж. 1987

ные психологи, а только начинается: самое важное для новых правителей — навязать свое видение будущего обществу, включая оппозиционные группы*.

Наконец, представители третьей точки зрения, наиболее видным из которых считается американский социолог Чарльз Тили (р. 1929), объясняют революции исключительно динамикой политических сил и нарушением балансов власти, определяющих характер взаимоотношений группировок, которые конкурируют в борьбе за управление государством. Этот подход наиболее технологичен и с концептуальной точки зрения, на наш взгляд, наименее интересен**.

Рассматривая совокупность современных воззрений на революцию, нельзя обойти и еще одну концепцию, стоящую отдельно от трех упомянутых. В ее рамках революцию рассматривают *эволюционно*, а содержание революционных трансформаций сводят к обеспечению *преемственности* и *восстановлению* институтов, исторически сложившихся в той или иной стране. У истоков этого воззрения стоял Алексис де Токвиль, отказывавшийся видеть в Великой французской революции *радикальный* и *бесповоротный* разрыв с прошлым. Странники этой позиции есть и среди современных российских ученых; так, по словам

* Курдина. *Социальные изменения*, с. 482.

** Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. New York: Random House, 1978.

одного из них, «революция является моментом эволюционного процесса, она представляет собой спонтанное возвращение общественных структур к исходной институциональной матрице, деформированной в результате неосознанных действий социальных субъектов внутри государства или под влиянием внешних воздействий. Через революцию... происходит возвращение общества «к самому себе», к своему собственному пути»*. Очевидно, что такая трактовка создает основательные предпосылки для интеграции революционной идеи в консервативную идеологию, исходящую из необходимости постоянного воспроизведения одних и тех же социальных установлений и институтов.

Литература

- Дэвис Н. *История Европы*. — М: Транзиткнига, 2005.
- Категории политической науки*. — Под ред. А.Ю. Мельвиля. — М: РОССПЭН, 2002.
- Кирдина С.Г. *Социальные изменения // Социологическая энциклопедия*. — Т. 2. — М., 2003, с. 480–483.
- Кирдина С.Г. *Институциональные матрицы и развитие России*. — 2-е изд. — Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001.
- Межуев Б.В. «Оранжевая революция»: восстановление контекста // ПОЛИС (Политические исследования), № 5, 2006, с.75–91.
- Токвиль А. де. *Старый порядок и революция*. — М.: Московский философский фонд, 1997.
- Фюре Ф. *Прошлое одной иллюзии*. — М: Ad Marginem, 1995.
- Хобсбаум Э. *Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991)*. — М.: Независимая газета, 2004, с. 67.
- Штомпка П. *Социология социальных изменений*. — М.: Аспект Пресс, 1996.
- Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. — М: Аспект Пресс, 1999.
- Goldstone J. (ed.). *Revolutions of the Late Twentieth Century*. — Boulder & Oxford: Westview press, 2001.
- Gurr T. *Why Men Rebel*. — Princeton: Princeton University Press, 1980.
- Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. — Cambridge & New York: Cambridge University Press, 1979.
- Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. New York: Random House, 1978.

* Кирдина С.Г. *Институциональные матрицы и развитие России*. — 2-е изд. — Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001.

Революция на медиарынке: осознать, чтобы не опоздать

Экспансия интернет-технологий на медиарынке разрушила сложившуюся в последние десятилетия информационную цепочку. До недавнего времени мы имели довольно спокойную, прямолинейную систему информации. Утром потребитель получал некий информационный импульс — как правило, из утренних теленовостей, утренней газеты, утреннего радио, в том числе автомобильного. Следующий контакт потребителя с информацией происходил вечером — с теми же источниками информации, чаще с вечерними теленовостями. Аудитория дневных новостей была минимальна. Что происходит сейчас? По-прежнему утренний лидер доставки новостей для активной части населения — телевидение и автомобильное радио и в меньшей степени печатные СМИ, которые и формируют информационный импульс. Например, нам сообщают, что в Балтийском море тонут трое моряков, идет спасательная операция. Однако, приехав на работу, большинство людей заходят в Интернет, чтобы узнать очередные новости, и эта аудитория сегодня настолько велика, что становится системообразующей, потому что у пользователей четко сформирован запрос на определенную тему или темы. Отвечая на запрос, интернет-СМИ в свою очередь становятся главным агентом информационного влияния, так как от характера интерпретации той или иной новости, иерархии их важности зависит спрос, с которым потребитель обратится к вечернему носителю информации. Таким образом, в цепочке оборота информации все более существенную, решающую роль выполняет Интернет. Сейчас идет естественный и довольно интенсивный процесс смены формата предпочтений и отток аудитории из газет, в том числе региональных и муниципальных. Поэтому вопрос о присутствии в Интернете для каждого средства массовой информации, независимо от того, газета это или телевидение, федеральное издание или муниципальное, становится стратегическим.

Существует три ключевых стандартных подхода к этому присутствию. Первый, самый простой, — это

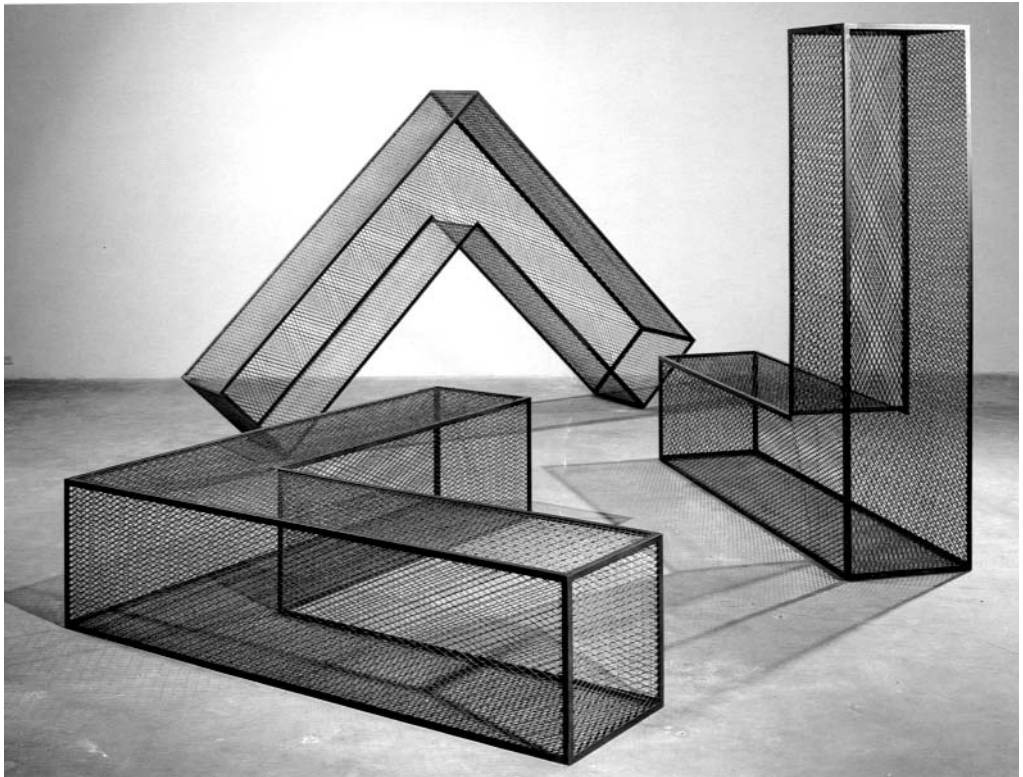

*Наталья Лосова,
директор
интернет-проектов
РИА «Новости»*

корпоративная страничка, где вы сообщаете: мы издание такое-то, принципиально выходим на бумаге, потому что наш читатель живет рядом с почтовым ящиком. Чтобы вы знали, как нам позвонить и разместить рекламу, — вот наш сайт. Второй вариант, наиболее популярный для федеральных или для государственных СМИ до недавнего времени, — это сайт-калька. Когда СМИ используют Интернет как постновостное хранилище информации. Выходит газета, например, и мы размещаем опубликованные в ней материалы в Интернете и предлагаем читателю почему-то их там почитать. В чем главная ошибка такого подхода? В том, что читатель, который выбирает другой формат, ожидает другую скорость, другой стиль подачи и организации информации. Наконец, самая эффективная для любого традиционного СМИ тактика — самостоятельное издание своей интернет-версии. Причем делается это по законам интернет-медиа и ориентировано на интернет-потребителя. Бумажное СМИ превращается в самостоятельное издание, что приводит часто к конфликту между традиционной редакцией и интернетовской не только у нас, но и в других странах. В течение последних пяти лет международные съезды главных редакторов печатных изданий обсуждают проблему падения тиражей, объясняя это экспансией Интернета. На мой взгляд, не Интернет отбирает тиражи, а идет естественный процесс модернизации информационного пространства.

Следующая тенденция в этом пространстве — это появление в Интернете так называемой народной журналистики. В России она заявила себя более или менее серьезно буквально в какие-то последние месяцы, ну, может быть год; в англоязычном сегменте Интернета как самом крупном — в последние два года. Я имею в виду, в первую очередь, развитие блогосферы, то есть системы живых журналов, дневников, сервисов, которые позволяют человеку, не имея никаких технических знаний и большой практики, вести свои странички, общаться с другими пользователями и организовываться в некие сообщества — тематические, географические, какие угодно. В России самый распространенный, наверное, *live journal* и *live internet*. *Live journal* это русская версия американского сервиса, а *live internet* — наше российское изобретение, которое уже сравнивалось по аудитории с *live journal*. Сейчас около 8 процентов жителей России имеют свои дневники, то есть процентов 25–30 взрослого населения так или иначе присутствует в блогосфере.

О том, как может блогосфера повлиять на офлайн-медиа-рынок, говорит, например, прошлогодняя драматическая история в Тверской области, когда погиб священник и его семья. Трагедия произошла в ночь с пятницы на субботу — в глухое время для федеральных СМИ. В субботу и воскресенье днем ни в одном федеральном СМИ, включая наши крупные агентства «Интерфакс» и «ИТАР-ТАСС», ни в зарубежных агентствах ни строчки не появилось о том, что произошло. И тогда священник Григорий Белодуров из одной из деревень Тверской области и его жена Татьяна, которые являются довольно активными пользователями *live journal*, имеют большое количество подписчиков, вывешивают эту историю в своем журнале, потому что им казалось,

Пристройки. 1965–1988

что ее замалчивают специально. На самом деле никто ее не замалчивал специально, просто все так сложилось. Они просят своих френдов, то есть подписчиков их журнала, распространять эту информацию. Я ее видела вечером, когда пришла домой и просмотрела популярные блоги. И сразу продиктовала информацию на выпуск в РИА «Новости», которое первым ее обнародовало. На всякий случай я попросила, чтобы мне прислали стенограмму обращения от епархии, записанного на диктофон в одном из тверских храмов. Мы рискнули, но тогда мы интуитивно понимали, что на 99,9 процента это правда, что потом и подтвердилось. Наверное, эта история стала бы известна еще через 2 или 3 дня, не раньше, потому что местные власти были заинтересованы, чтобы ее приглушить, не вынести сор из избы.

Это была поучительная история, во-первых, проявления гражданской позиции людей, которые реально повлияли на событие. А во-вторых, это свидетельство того как блогосфера, народная журналистика, может воздействовать на формирование офлайн-поля. Более того, народная журналистика становится для федеральных и региональных СМИ не только источником информации, но и ориентиром для осмысленного удовлетворения запросов аудитории. В этом плане Интернет идеальное средство, потому что никакой Гэллуп для телевидения, никакие местные или общероссийские исследования рынка бумажных СМИ не дают такого моментального и достоверного результа-

та в исследовании потребительского интереса, реакции на опубликованные материалы. Тот же механизм действует в отношении интернет-версии печатного издания. Мы, например, практикуем у себя очень незатейливую программку рамблеровской статистики, которая позволяет нам в течение 5–10 минут понять отклик на каждый новый опубликованный материал.

В свое время, когда я работала в газете «Известия», мы вместе с Михаилом Кожокиным, выпускником 1-го года Московской школы политических исследований, ставили эксперименты. Это был, наверное, самый большой эксперимент в то время с крупной газетой, которая пришла в Интернет и стала играть по его законам. Мы показали журналистам, что они могут точно знать, нужна их сегодняшняя заметка кому-то или нет, популярна она или нет. Мы показали им блестящие возможности обратной связи с потребителями. Поэтому если хотите работать не вслепую, общаться не с зеркалом, а со своим реальным потребителем, то Интернет дает очень интересную возможность прямого контакта с вашей аудиторией.

Тот же процесс идет в мировом медиаинтернете, первые его ростки появляются и в нашем. Крупные традиционные издания, имеющие свои интернет-версии, стали интегрировать блоги в свои редакционные сайты. Первой это сделала «Вашингтон пост», по-моему. В России сейчас вся первая десятка традиционных СМИ так или иначе пытается тоже выводить своих журналистов на прямое общение с читателем. Это может быть так называемый *feed back*, то есть какое-то особое мнение автора после его же заметки. Это может быть блог в прямом смысле этого слова, как, например, у Максима Соколова в «Известиях», который напрямую включается в обсуждение своей публикации, что требует мужества, потому что надо быть готовым к тому, что любой читатель, сумасшедший в том числе, может рассказать все, что он думает, не только о вашей публикации, но и о вас самом. Причем рассказать публично, и еще сотня людей в вашем блоге увидит, как вас, по Шукшину, кто-то «срезал». Этот живой контакт с пользователем — очень важное изменение всей сути нашей профессии. Появляется лекарство от самолюбования, от ощущения значимости, от непререкаемой правоты. Поэтому блогосфера — это не только технологическое влияние на информационную среду, это еще в каком-то смысле философское влияние.

Если вы приходите в Интернет после многих лет работы в газете или на телевидении, вам приходится осваивать массу навыков. Если вы пишете для интернет-издания или интернет-версии, то ваша работа не заканчивается тем, что вы поставили под своим материалом подпись. Это только начало, потому что к вашей заметке, если хотите конкурировать, вы должны сделать хороший бэкграунд. И только Интернет не просто позволяет, но требует от вас гипертекста, то есть если вы пишете про чиновника, значит должны дать ссылку на его биографию, рассказать историю каких-то его ошибок или достижений. Если пишете про заваленные снегом дороги, то просто обязаны дать читателю возможность предложить какой-то вариант решения этой проблемы, организовать голосование, сообщить его точку зрения мэру. То есть,

приходя в Интернет как журналист, вы должны создать вокруг себя пространство интерактивности, быть в центре события, влиять на его развитие.

Тренды в медиaprостранстве в ближайшие 5–10 лет — это самая интересная и важная дискуссия, которая сейчас происходит и на встречах медиаменеджеров, которые работают в Интернете, и на больших профессиональных форумах. Какое-то время была иллюзия, что Интернет должен заменить

Вопрос о присутствии в Интернете для каждого средства массовой информации становится стратегическим

собой все. Сейчас нет экономических и технологических препятствий к тому, чтобы стать активным, повседневным, ежеминутным пользователем Интернета. Тем более что в Москве и в других городах создается система беспроводного подключения к Интернету в любой точке, подобно сотовой связи. Например, в моем родном Новосибирске, который, может быть, более продвинут по интернетизации, чем Москва, есть уже целые кварталы с беспроводным доступом в Интернет. То есть Интернет становится все более повседневным, как кредитная карточка, по которой выдают зарплату. Это не значит, что он своей доступностью, своими возможностями отменит телевидение, радио, газету, у которых всегда будет своя аудитория. Скорее всего, мы станем свидетелями конвергенции СМИ, то есть совмещения, взаимодействия свойств всех средств массовой информации. Когда вы заходите на сайт той же «Вашингтон пост», то видите не просто опубликованную в газете информацию, но и фото или видеоряд, так называемые подкасты, можете прослушать фрагменты какого-то выступления, которое сегодня вызвало реакцию, написать в блогах ваше мнение о публикации или об авторе. Вы тут же можете дать объявление о продаже автомобиля, собрать материал для курсовой работы, заказать пиццу. То есть вы придете на некое совмещенное из множества сервисов, услуг и форматов пространство. При этом будет издаваться сама газета «Вашингтон пост» и не закроется CNN; просто смотреть CNN можно не по телевизору, а в Интернете. Такая эволюция вовсе не удел только крупных российских или зарубежных игроков на медиарынке. Уже сегодня в Новосибирске, в Екатеринбурге посещаемость местных интернет-ресурсов выше, чем федеральных. До 60 процентов пользующихся Интернетом жителей этих городов предпочитают приходить за информацией на свой региональный ресурс и размещают в нем рекламу гораздо чаще, чем в федеральных СМИ. Мне кажется, что людям, имеющим отношение к СМИ, надо осознать их потрясающую эволюцию за последнее время не просто как некий глобальный, неизбежный, но достаточно абстрактный феномен, но как реальный ресурс собственного профессионального успеха уже сейчас, а тем более через 2–3 года.

Юрий Гуренко,
заместитель
главного редактора журнала
«Общая тетрадь»

Суверенная демократия: путь или перепутье?

Политический процесс в современной России разделен на три почти не перекрещивающихся потока. Все, что касается осуществления власти, принятия и выполнения властных решений, борьбы реальных интересов, выведено из публичной области и сосредоточено в аппаратной сфере. Публичная политика сведена к конкуренции (или взаимодействию) технологических проектов. Она зависит от аппаратной, но отделена от нее. А политика как борьба идей отсечена как от публичной, так и от аппаратной сферы. Тем не менее идеологическая борьба существует. Сегодня можно выявить три более-менее внятных артикулированных проекта развития страны. Самый проработанный и разветвленный из них — либеральный. Есть либеральные концепции экономической стратегии, государственного устройства, внешней политики. При этом реализуется только либеральная экономическая политика (и та в ограниченных масштабах), а в публичной сфере либеральные идеи присутствуют лишь на самом краю политического поля.

Менее разветвлен, но более консолидирован проект, с легкой руки М.З. Юрьева получивший название «Крепость Россия». «Крепостные» идеи прослеживаются во многих действиях российских силовых ведомств, но, как и либеральные, в публичной сфере остаются достоянием маргиналов вроде А.Г. Дугина и его евразийцев. Единственный идеологический проект, официально принятый крупной политической партией, — это концепция суверенной демократии. Самый громкий, самый неопределенный и самый критикуемый из существующих идеологических проектов. В критике суверенной демократии едины эксперты и политики самых разных воззрений — от либерала В.П. Лукина до государственника Е.М. Примакова. Критика, надо отметить, весьма жесткая: само понятие «суверенной демократии» объявляется не просто негодным, но и неграмотным. Теоретики (особенно юристы) утверждают, что оно не соответствует каноническому пониманию терминов «суверенитет» и «демократия».

В.А. Рыжков, выступая с критикой идеи суверенной демократии на семинаре Школы в Голицыно в июле

2005 года, обратился к классической концепции суверенитета, сформулированной Жаном Боденом. Исходя из боденовского понимания, «суверенная демократия» это тавтология, поскольку демократия — это система, в которой народ обладает суверенитетом, то есть является источником власти. В этом Рыжков совершенно прав, однако у суверенитета есть и другой смысл, международно-правовой, — самостоятельность государства по отношению к другим субъектам международного права. Впрочем, ряд специалистов считает, что и в этом смысле эпитет «суверенная» по отношению к демократии избыточен. Демократия — это государственная система, а государство по определению суверенно, иначе это не государство. Исходя именно из такого понимания, академик Примаков, выступая на II Форуме национального бизнеса России, сердито вопрошал: «А что, бывает не суверенная демократия»? В традиционной, XIX века, трактовке — не бывает. Однако за последние десятилетия традиционная трактовка несколько устарела. Уже в начале XX века существовали государства, обладавшие всеми внешними атрибутами независимости, но фактически находившиеся под внешним управлением (правда, среди них не было демократических). В 1931 году возникло Британское Содружество — объединение *демократических* государств под эгидой британской короны. Канада, Австралия и Новая Зеландия были демократиями, но не вполне суверенными. Самую же важную новацию внесло формирование Европейского союза: несколько прочных, состоявшихся демократий добровольно отказались от части своего суверенитета (прежде всего в экономической и финансовой областях) в пользу наднациональных институтов. Строго говоря, сегодня из демократических государств в полном объеме суверенитетом обладают только США и, пожалуй, Индия. Суверенитет остальных ог-

раничен либо рамками ЕС, либо структурой Британского Содружества, либо частичным протекторатом США (случай Японии). Так что идея построения в России суверенной демократии, то есть демократического национального государства, обладающего полным суверенитетом, выглядит вполне корректной. Вопрос в том, нужна ли она России?

В российской либеральной мысли в 80–90-х годах прошлого века укрепилось представление о том, что глобализация лишает суверенитет принципиального значения. Мобильность людей, информации, товаров и денежных потоков стирает границы государств, и само понятие «нация-государство» скоро окончательно устареет: как и многие другие постулаты либерального фундаментализма, это представление не выдерживает столкновения с реальностью. Мы видим, что глобализация ничуть не поколебала позиции ведущих суверенных государств — она жестко разделила страны мира на ведущих и ведомых, на субъекты и объекты. Нации не спешат сходить со сцены: не только экономика, но и культура имеет значение, а культуре нужна национальная идентичность. Даже самый успешный интеграционный проект — Евросоюз — испытывает большие трудности, связанные с нежеланием европейских наций растворяться в наднациональном объединении.

Что же говорить о России, которая не может стать частью европейского интеграционного проекта уже хотя бы из-за своих размеров. По образному выражению В.А. Никонова, для вхождения в такой проект «мы слишком большие и слишком русские». Единственная реальная возможность обменять часть суверенитета на какие-то блага для России — превращение ее в протекторат (скорее неформальный, чем формализованный) Соединенных Штатов. Но стоит ли игра свеч? Наивно было бы надеяться, что «внешние управляющие» будут руководствоваться российскими, а не собствен-

ными интересами. Мировая история таких примеров не знает.

Соответственно, если понимать суверенную демократию как государство, для которого равно важны и национальный суверенитет, и демократическое устройство, то идея имеет право на существование. Более того, лично мне она представляется обоснованной и плодотворной. Но здесь возникает другой вопрос: действительно ли имеется в виду то, что говорится?

По мнению многих политиков, экспертов и журналистов, суверенная демократия — эвфемизм для авторитарного режима, наподобие советских терминов «народная демократия» или «социалистическая демократия». Утверждается, что «суверенная» означает «не такая, как у других», либо же «имеющая суверена». Многочисленные аргументы апологетов суверенной демократии (А.В. Чадаев и Н.В. Гараджа даже выпустили солидный сборник под названием «Суверенитет») в расчет не принимаются. Сколько бы ни повторяли Г.О. Павловский, В.А. Никонов, А.А. Мигранян, С.А. Марков и даже сам автор термина В.Ю. Сурков, что суверенная демократия — это все же демократия, и что суверенитет не означает изоляции, им не верят. А некоторые авторы (например, М.Ю. Соколов и В.А. Фадеев), поддерживая идею по существу, считают, что название не слишком удачно из-за негативных коннотаций и терминологической неопределенности.

Дело тут, думается, не в ангажированности критиков (во всяком случае, не только в ней). Концепция суверенной демократии, в отличие от других идеологических проектов, имеет официальный статус: она придумана в Кремле и взята на вооружение официальной партией «Единая Россия». Естественно, теоретические построения ее апологетов соотносятся с властной практикой Российского государства, которая далека от демократизма. Даже если не

связывать суверенную демократию и авторитарные тенденции нынешнего режима (в конце концов, авторитаристы в российских верхах скорее тяготеют к идеологии «Крепости Россия»), то проблема остается. Авторы идеологии суверенной демократии — кремлевские технологи, специализирующиеся на подмене публичной политики технологическими манипуляциями. Какими бы соображениями они при этом ни руководствовались, их политический технократизм для становления гражданского общества и демократического государства скорее вреден, чем полезен. От негативных коннотаций можно было бы уйти, скорректировав название. Лично мне представляется, что более оправданно и корректно было бы говорить о суверенной гражданской нации. Но от реальной практики не уйдешь, как ее ни называй.

В связи с этим чего стоит ожидать от проекта суверенной демократии? В краткосрочной перспективе — ничего. Скорее всего, он будет сведен до уровня громкого, но пустого лозунга, который можно использовать в политической кампании. Собственно, включение понятия суверенной демократии в принятое в октябре 2006 года программное заявление «Единой России» уже означает такое использование.

Будет ли продолжаться идеологическая разработка проекта с прицелом на следующее «царство»? Вероятно, будет. После неминуемой смены политического режима в процессе федеральных выборов 2007–2008 годов проблема расщепленности политического процесса наверняка обострится и потребуются свежие идеи. Проект суверенной демократии (под этим или видоизмененным именем) в принципе может оказаться одной из них. Вот только кем и как он может быть востребован и с какими издержками это будет сопряжено — лично я прогнозировать не берусь.

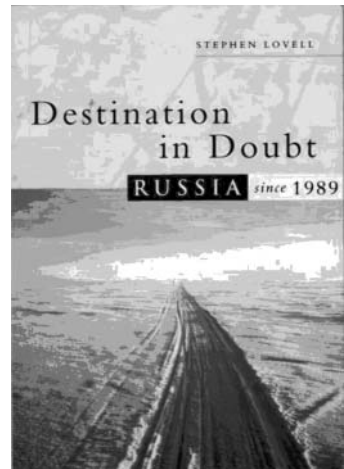
Странствие без конца

Stephen Lovell. *Destination in Doubt: Russia since 1989*. — London & New York: Zed Books, 2006. — 186 p.

Автор этой небольшой, но симпатичной книжки прославился тем, что несколько лет назад написал работу о любопытнейшем, но не слишком жалюемом исследователями феномене русской жизни — о даче и дачной культуре. Тема, согласитесь, такая, что душа радуется, и надо обладать немалой храбростью, чтобы, будучи англичанином, за нее взяться. Но тогда Стивен Лоуэлл со своей задачей справился; книга «Летний народец: история дачи с 1710 по 2000»* не только была увенчана литературной премией, но и получила весьма благожелательные отзывы русских рецензентов. Новая его работа — это, если угодно, краткий курс русской истории после краха коммунизма, причем претендующий на некоторое предвидение будущего.

Как правило, сегодня о нашей Родине либо пишут с огоньком и предвзятостью, либо не пишут вовсе. Сторонников и той, и другой позиции объединяет одно — они сообща считают, что с Россией, преобразившейся под тяжелой рукой Владимира Путина, *все ясно*. А это значит — либо без усталости и рьяно хулить и обличать ее неискоренимые патологии, либо, опустив руки, задвинуть русскую тему куда-нибудь с глаз долой, мрачно объявив миру об очередном приступе Russia's fatigue — «усталости от России». Лоуэлл же, надо отдать ему должное, не впадает ни в одну из этих крайностей. Он не плачет и не смеется, но пытается понять. Именно поэтому оглавление его новой книги — из сплошных вопросов: «Демократизация?», «Рождение нации?», «Свободный рынок?» Главное же заключается в том, что, по мнению автора, итог нашего недолгого и не слишком гладкого демократического и рыночного эксперимента отнюдь не предрешен. По крайней мере, пока.

Главным героем рецензируемого произведения выступает российское государство, ибо именно оно неизменно оставалось в центре всех

* См.: Stephen Lovell. *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

трансформаций новейшего времени. По мнению Лоуэлла, пусть даже далеко не бесспорному, «падение коммунизма стало завершением не просто семидесяти лет государственного социализма, но и пяти веков, в ходе которых всемерное укрепление государства было задачей первостепенной важности» (с. 7). Учитывая обширность и открытость Евразии, сильная и централизованная государственная власть всегда выступала для русских императивом выживания. Но вот эффективна ли эта модель в условиях постмодерна?

В поисках ответа на этот вопрос автор исследует самые разные сферы жизни современного российского общества. Разумеется, у него нет иллюзий относительно природы российской демократии, но, по его мнению, западный наблюдатель должен быть снисходителен к русским: государство у них традиционно было странноватым и неуклюжим, и то, что нынешний президент пытается реконструировать его, вполне объяснимо. Эти усилия, однако, пока не дают желаемых плодов: «Путин не столько создает новую и действенную модель управления, сколько вновь воспроизводит традиционную матрицу, в которой доминирует вездесущий и всемогущий центр» (с. 38). Государство слишком сильно даже там, где ему следовало бы быть слабее, его слишком много, и это, как ни странно, не укрепляет, но ослабляет президентскую власть, а вместе с ней и все шаткое здание российской демократии.

Лично мне исключительно близок вывод Лоуэлла о том, что истоки нынешних перекосов нужно искать в Конституции 1993 года, в кровавых событиях, предшествовавших ее принятию. «Деморализующее влияние, которое эта трагедия оказала на русскую политическую культуру, будут изучать еще очень и очень долго» (с. 28). Это родовая травма российской демократии, постоянно напоминающая о себе. Она в очередной раз, вопреки ожиданиям многих, подчеркнула роль насилия в русской политике. Если же договор и диалог, выяснение и учет иного мнения систематически игнорируются, то нет ни малейшей надобности в институтах, традиционно поддерживающих демократию. Отсюда — плачевное состояние нашей партийной системы и нашего гражданского общества. «В России 1990-х годов слишком многие люди были заинтересованы в том, чтобы демократия оставалась слабой» (с. 59). Но, согласно автору, упадок демократических институтов не стоит списывать, как это порой делают, на генетическую предрасположенность русских к авторитаризму, ибо он «напрямую вытекает из соотношения власти и ресурсов в тот критический момент, когда происходило становление новой России и начиналась ее политическая жизнь» (с. 64).

Понятно, что верховенство права — основа основ западных демократий — в подобных условиях недостижимо. Российская законность остается крайне «избирательной» и слишком зависимой от власти. «Как убедительно продемонстрировало дело компании ЮКОС, — пишет

Лоуэлл, — Путин отнюдь не отказывается от использования закона в той самой инструментальной манере, которая была характерна для его предшественников советской поры» (с. 112). В таких условиях предельно трудно найти основу для урегулирования важнейшего политического конфликта посткоммунистической России — войны в Чечне. Как полагает автор, методы умиротворения, применяемые государством на этой беспокойной территории, в нынешнее президентство доказали свою несостоятельность. Если десять лет назад воинственность чеченцев противопоставляла их буквально всем кавказским соседям, то «к 2005 году столь же радикальные настроения захватили молодежь ранее спокойных республик — Дагестана, Ингушетии и Кабардино-Балкарии» (с. 149). Мир на Кавказе, исключительно важный для России, по-прежнему недостижим, а пути к нему не ясны. Соответственно, столь же туманно и будущее самой российской государственности.

Лоуэлл выделяет два потенциальных источника нестабильности: во-первых, это непредсказуемая ситуация на нефтяных рынках, а во-вторых, приближающиеся президентские выборы 2008 года. Для него, впрочем, «бесспорно то, что в 1990-е годы Россия претерпела изменения, которые с полным основанием можно назвать революционными» (с. 160). Но одновременно стало ясно и другое: к применению здесь западных стандартов либеральной демократии надо относиться с осторожностью. Россия — *другая*; таков главный вывод книги, который, полагаю, с восторгом поддержали бы и кремлевские обитатели, и их недруги. «Главный вопрос состоит не в том, сделаются ли русские похожими на нас, но, скорее, кем вообще они станут?» (с. 161).

Завершает книгу следующая лаконичная формула: «Российский путь — не провал и не успех. Россия едва ли сделается фашистской диктатурой или геополитическим агрессором, но столь же невысоки ее шансы превратиться в гуманную и процветающую демократию. Упразднение советской партии-государства было большим благом, но режим, утвердившийся здесь в начале XXI века, по-прежнему остается в основном неподотчетным обществу — и в силу этого более коррумпированным и закрытым, чем режимы европейских государств, расположенных к западу от Минска» (с. 162). К сожалению, опровергнуть столь взвешенный диагноз практически невозможно.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

В.И. Гусаров. Государственно-общественное образование. — Самара: 2006. — 512 с.

Рецензируемая работа написана в жанре научной монографии, что обусловило, наряду с целым рядом преимуществ, и некоторые ее недостатки. Если говорить о «плюсах», то она, безусловно, представляет собой серьезный инновационный научный труд, содержащий информацию, которая заинтересует специалистов в области образования, педагогов, студентов. В монографии представлен добротный анализ исторического опыта развития общественно-образовательной системы в России с середины XIX века; подробно отражено участие различных общественных институтов в управлении образованием. Не оставлены без внимания российские педагогические традиции и опыт самоуправления учебных заведений.

Теоретическое обоснование общественного участия в образовании подкрепляется конкретными примерами из практики, что расширяет возможности оценки приводимой автором концепции. Несомненно, положительным моментом является и то, что примеры общественного участия в управлении образованием, приводимые автором, зачастую основаны на его личном опыте и профессиональной деятельности —

то есть дается из первых рук. В книге столь же подробно показаны и зарубежные подходы к общественному участию в управлении образованием, причем автор опирается на материалы последнего времени — с конца 1990-х годов.

Автор рассматривает и современное состояние отдельных элементов общественного участия в управлении образованием: гражданского общества, государственного управления образовательной системой, традиций педагогики, законодательной базы. В работе обосновывается необходимость усиления и расширения в России практики общественного участия в управлении образованием.

Однако подобная научная работа, несмотря на явные достоинства, едва ли может быть интересна широкому кругу читателей, и это главный ее «минус». Книга написана довольно сухо, как это и подобает научной работе, она содержит множество справочных данных, ссылок на работы ученых, статистические материалы. Кроме того, будучи заявленной как «инновационная», рецензируемая работа в действительности оказывается таковой только с научной точки зрения. Конечно, исследования автора внесут вклад в отечественную педагогику, но для публики, сфера интересов которой простирается чуть дальше или чуть

шире педагогики, книга не покажется особо оригинальной, поскольку изложенные в ней выводы, по большому счету, давно уже известны и осмыслены с политической и социальной точки зрения.

Несколько слов о частностях. Обращает на себя внимание вывод автора о том, что школе следует отказаться от принятия на себя функций, которые должна обеспечивать семья, — например, от воспитания детей. Это довольно спорное утверждение. Здесь стоит подумать над тем, во что превратится наша страна, если все дети, которых сегодня хоть как-то воспитывают в школе, перейдут на домашнее воспитание. Результаты, боюсь, будут самыми плачевными. Так что пусть уж лучше школа занимается этим делом, особенно в тех вопросах, которые касаются гражданского самосознания и социальной ответственности.

Разумеется, трудно спорить с автором в том, что в управлении образованием, особенно на местном уровне, должны участвовать граждане (родители) и общественные организации. Хорошо, когда процесс образования выстраивается при участии или хотя бы с учетом интересов общества. Однако, принимая во внимание нынешнее состояние российского общества и степень самостоятельности нашего гражданского мышления, не трудно представить, как будет выглядеть современный «социальный заказ» на образование и что из этого получится. Прежде чем говорить об обязательном привлечении институтов гражданского общества к управлению образованием, не мешало бы задуматься о формировании такой государственной системы, при которой подобные инсти-

туты в принципе окажутся востребованными.

В целом с общественно-политической точки зрения выводы автора кажутся не слишком реалистичными. Книга не дает ответов на практические вопросы, ограничиваясь теоретическим анализом. Она очень хорошо вписывается в давно сложившийся у нас жанр «как хорошо было бы, если бы ...». Впрочем, в одном отношении труд автора, безусловно, не напрасен. Нам предоставляется еще одна возможность поразмыслить о перспективах развития гражданского общества: стоит ли незамедлительно создавать технические институты и механизмы, повышающие его активность, или же сначала нужно поработать над формированием условий для того, чтобы человек смог почувствовать себя гражданином во всех смыслах этого слова?

*Анна Добровольская
(Белгород)*

Н.Ю. Балакирева. Информационное пространство современной России: формирование сетевой организации. — Орел: изд-во ОРАГС, 2006. — 228 с.

Мир современной политики так многообразен и занимает столь значительное место в повседневной жизни, что вопросы анализа действующих политических структур выходят за рамки сугубо научной проблематики. Именно к такой востребованной категории публикаций можно отнести работу Н.Ю. Балакиревой, освещающую информационное пространство российской политики. Качественный материал исследования,

подкрепленный не только хорошей методологией, но и обилием конкретных деталей и иллюстраций, позволяет выстроить целостную картину феномена информационного пространства политики в России.

Подробно освещены концепции информационного общества, дан генезис понятия «информационное пространство» и специфика его смыслового наполнения, влияние на эти процессы теорий постиндустриализма и информационного общества. Концептуальная основа работы базируется на представлении о сетевой организации как доминирующем принципе формирования современного информационного пространства политики. Привлекает активное использование нормативно-правовой базы, относящейся к исследуемой области: конкретное перечисление законодательных актов позволяет использовать монографию как своего рода справочное издание. В исследовании информационного пространства как научного понятия представлены геополитический, социально-информационно-логический и стратификационный подходы, что позволяет грамотно проанализировать данный социокультурный феномен. Помимо этого дана подробная характеристика информационного пространства политики как специфической сферы информационного пространства, обладающей социально-метрическими характеристиками, где информация предстает основным ресурсом. Говоря о перспективах развития сетевых форм организации, Н.Ю. Балакирева также утверждает, что «сетевая организация в информационном пространстве политики — это универсальная форма структурирования и управ-

ления публичным пространством, которая связывает государство и гражданское общество».

Предлагая свою оригинальную концепцию развития информационного пространства политики и, следовательно, гражданского общества в России, Н.Ю. Балакирева акцентирует следующие аспекты:

— фактор доминирования в информационном пространстве политики России сетей, соответствующих либерально-корпоративистской (гражданские ассоциации) и корпоративистской (государственные структуры) моделям сетевой организации;

— возможность использования современных информационно-коммуникационных технологий, сети Интернет;

— необходимость информационной открытости системы органов государственного и муниципального управления, которая может быть обеспечена посредством внедрения системы электронного государственного управления;

— потребность в сотрудничестве государства с сетевыми гражданскими ассоциациями.

Исходя из материала исследования, можно сделать вывод, что сознательное применение форм сетевой организации информационного политического пространства в России способно не только помочь успешно преодолеть определенные кризисные моменты, но и выстроить открытую структуру государственной власти, эффективно работающую на благо гражданского общества нашей страны.

Елена Рукавишникова
(г. Нальчик)

Контрапункт

СЛАВА, СВОБОДА И ГОРДОСТЬ

Чарльз Гати. Обманутые ожидания: Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. Пер. с англ. Марка Дадяна. — М.: *Московская школа политических исследований*, 2006. — 304 с.

В одном из последних пушкинских стихотворений читаем: «Чему, чему свидетели мы были!/ Игналища таинственной игры,/ Метались смущенные народы;/ И высились, и падали цари./ И кровь людей то Славы, то Свободы./ То Гордости багрила алтари». Как будто про двадцатый век написано. В том числе — про вторую его половину, у входа в которую нас встречает похоронная процессия: солнце большевистской политики закатилось, Сталин умер, а на выходе — президент Ельцин передает ключи от кремлевского кабинета преемнику и просит у нации прощения за ошибки. И едва ли не первым серьезным потрясением второй половины двадцатого века, потрясением, раз навсегда предопределившим роковую тему выхода из коммунистического тупика, стало венгерское восстание 1956 года. Книга Чарльза Гати как раз и посвящена трагической судьбе восстания и той противоречивой роли, какую в нем играл Имре Надь, последовательный ленинец, ставший в конце концов настоящим венгерским патриотом. Для самого автора книги события 1956 года это в той же мере объект юношеских воспоминаний, в какой предмет строгого, до суровости, научного исследования. Вопреки устоявшейся (и во многом застойной) традиции, Чарльз Гати подвергает академическому анализу не только факты, но и (а может быть, и прежде всего) реакцию людей на происходившее и происходящее. В том числе свою собственную реакцию. Тогдашнюю. Которая не совпадает с нынешними размышлениями о природе исторического процесса.

Говоря кратко, а значит, предельно схематично, «Обманутые ожидания» повествуют о том, как *могло* состояться и почему *не состоялось* освобождение Венгрии, а значит, не реализовался оптимистичный сценарий развития всей Восточной (она же Централь-

*Александр Архагельский,
«Известия» — специально
для «Общей тетради»*

ная) Европы; о том, почему и в какой степени виноват в этом. Привлекаются все доступные на сегодняшний день источники, от записок посла СССР в Венгрии Андропова до рассекреченной части архивов ЦРУ и устного предания, зафиксированного мемуарами и перепиской современников. Прослеживая ход событий этап за этапом, эпизод за эпизодом, автор показывает, как все их нерядовые участники вставали перед одним и тем же роковым выбором: признать силу вещей, стать политическим реалистом или сохранить верность незыблемому идеалу. Будь то идеал светлого коммунистического будущего (случай Надя) или идеал всеобщей, полной и бескомпромиссной свободы (либеральная оппозиция,

но также американская администрация).

Пока Имре Надь действовал как полноценный коммунист, пускай и ненавидевший сталинизм и сражавшийся со сталинистами в венгерском Политбюро, он неизбежно шел наперекор интересам Венгрии и всей Восточной Европы. Способствовал обострению внутренней ситуации и давал козыри советским руководителям, которые совершенно не собирались выпускать Будапешт из сферы своего влияния. По той же причине, по какой Сталин настаивал на создании железного обруча из «буферных» стран «народной демократии» на западном рубеже СССР: пока обруч есть, бочка не развалится, одно из условий внутреннего существования Советского Союза — внешняя скрепа из блока подконтрольных стран, по существу лишенных политического суверенитета. Как только Надь осознал неразрешимость этого противоречия и сдал свои ленинские позиции ради ближайших интересов нации, он начал превращаться из лавирующего политика в выдающегося политика, который вполне мог выиграть роковую битву. Хотя все равно проиграл.

Почему? А как раз потому, что ни его немногочисленные единомышленники, ни ключевые фигуры в оппозиции, которая имела колоссальное влияние на общественное мнение, ни американские или западноевропейские союзники — никто не хотел уступать здравому смыслу и отказываться от романтических требований (все и немедленно) в пользу скептического реализма (достигнем того, чего можно достичь сейчас и двинемся в медленный путь навстречу желанной цели). Никаких компромиссов с умеренными сторонниками прежнего режима. Никаких отсрочек для СССР. Никаких двойных, тройных ходов, только — прямо, неуклонно, наперерез обстоятельствам. Америка создавала иллюзию, будто непременно вмешается в ситуацию, как только она достигнет определенного градуса; медийные либералы жестко обвиняли Надя в предательстве Венгрии за любую попытку сбалансировать разнородные интересы и застолбить достигнутое. Про кадаровских коммунистов и говорить нечего. В итоге — момент зафиксировать *неполную* политическую прибыль до обвала и крушения упущен, Америка ни во что реально не вмешалась, романтические слова остались словами, иллюзии — иллюзиями, а реальный сдвиг, пускай не полноценный, так и не произошел.

Впрочем, Чарльз Гати не считает, что Надь проиграл. Проиграла Венгрия, отложившая начало своего исхода из коммунизма на десятилетие-

тия. А Надь как политическая личность, как существо историческое в конце концов победил. Потому что выиграл главную битву: за свое имя, свою честь и свои взгляды. Последние страницы книги рассказывают о том, как вел себя Имре Надь после ареста, как он до последнего переигрывал своих беспомощных судей, как через голову предающих его современников обращался к потомству, к высшему суду, суду истории. И тут, в этой битве, компромиссы как раз неуместны. Здесь нужен не прагматизм, а самый настоящий романтизм; когда ты бросаешь личный вызов неизбежной насильственной смерти, идеальная позиция не только возможна, но единственно уместна.

Зато она неуместна, когда мы обсуждаем перспективы исторического прогресса. Автор строго выговаривает себе тогдашнему за желание перескочить препятствия, не преодолевая их по существу и не отдавая себе отчета в достижимости поставленной цели. Пафос его исследования — в отказе от формулы, начертанной на вратах Сорбонны в 1968 году: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!». Напротив, будьте реалистами, требуйте возможного и — добивайтесь большего.

ЧЕМУ СВИДЕТЕЛИ МЫ БЫЛИ

Виктор Шейнис. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993): В 2 т. — М.: Московский Центр Карнеги; Фонд ИНДЕМ, 2005. — Т. 1.: 703 с.; Т. 2: 771 с.

Перед нами два огромных тома; текст организован по сложному, смешанному принципу: сюиминутные интервью, поздние мемуары, историческое исследование. И это не от нежелания «переработать», переплавить разнородный материал; такое построение полностью соответствует авторскому замыслу. На историю Съезда народных депутатов и Верховного Совета Виктор Шейнис, один из ключевых «яблочников» 90-х годов, смотрит глазами свидетеля, глазами участника и глазами историка. Совместить эти внутренне разнородные ракурсы в один фокус не всегда удастся и вряд ли вообще возможно, но в целом возникает объемная картина переломного периода новейшей российской истории. Периода, благие плоды которого мы пожинаем до сих пор, и до сих пор расплачиваемся за его горькие ошибки и упущенные возможности.

Но если о книге Чарльза Гати (а ведь она, по существу, посвящена аналогичной проблеме, говорит о переломе, о плодах и о расплате) рецензенту было рассуждать сравнительно просто: он никоим образом не причастен к венгерским событиям 1956 года, его тогда и в проекте не было, то читать книгу Виктора Шейниса от главы к главе становилось все тяжелее. Притом что она удивительно ясно, спокойно и внятно написана. Просто речь заходит о событиях, которые мы, ангажированные со-

временники Шейниса, наблюдали с другой стороны, со стороны «группы поддержки» Ельцина и Гайдара, со стороны активной улицы, и тут у нас *должны быть* свои взгляды на происходившее, свои воспоминания, отличающиеся от взглядов и воспоминаний «верховных» участников процесса. И если по поводу событий 85-го, 89-го, 91-го годов наши читательские переживания схожи с переживаниями Виктора Шейниса, то чем ближе повествование к роковому октябрю 1993-го, тем неизбежней расхождения. Потому что не отболело. И если бы эту книгу написал не Шейнис, всегда старавшийся сохранить объективность, исторический, спокойный взгляд на вещи, то читать «Взлет и падение парламента» было бы и вовсе тяжело.

Но ведь никто и не обещал легкости! Хочется не хочется, а нужно собирать по крупицам воспоминания всех участников поворотных событий новейшей российской истории, в которую все мы были неравномерно вовлечены, вникать в логику разных позиций; иначе не выполнишь правила, «предписанного» Чарльзом Гати, не встанешь твердо на почву реализма, не оценишь события с единственно возможной точки зрения: что было возможно в заданных историей обстоятельствах? Что было вызвано неумеренным романтизмом и упрямством лидеров демократической оппозиции, в том числе оппозиции Ельцину? Что порождено субъективной человеческой волей и непомерными амбициями вождя?

Виктор Шейнис убежден, что российский парламентаризм, полноценный, не усеченный, не приправленный исторически предопределенной авторитарностью, — был возможен. Несмотря на советские шлейфы общественного сознания, несмотря на очевидную неподготовленность интеллектуальных и тем более политических элит к тотальным переменам, несмотря на генетическую связь системы Советов с большевизмом. И что шанс для другого развития событий имелся. И в 1993-м (вплоть до рубежа 3 октября, после которого применение силы, по справедливому мнению автора, стало фактически неизбежным), и в 1999-м, и в «нулевые» годы начала XXI века. Шейнис рассуждает как прагматик, а не как романтик (хотя романтическое мироощущение, порыв к свободе ему никогда не были чужды), осторожно взвешивает все за и против. Причем не только в «мемуарной» части, написанной задним числом, но и в горячих, актуальных интервью, которые давались по ходу дела. Он человек идеала и человек договора, а не человек безапелляционно сформулированных целей. Если бы таких людей было побольше — и в России 93-го, и в Венгрии 56-го, причем со всех противоборствующих сторон, может стать, история пошла бы другим путем.

Но она пошла таким путем, каким пошла. И в Будапеште, и в Москве. Поэтому книгу Виктора Шейниса, при всей ее взвешенности, невозможно внятно, отстраненно, холодно рецензировать. Ее надо читать. Сочувствуя и споря, радуясь и возмущаясь. Откладывая в сторону и снова возвращаясь. Пока реальность дымится, пока она не остыла, трудно заставить себя быть реалистом. Но зато можно быть хорошим читателем. И отличным, образцово добросовестным мемуаристом.

Американский экономист Милтон Фридмен (1912–2006), автор известной книги «Капитализм и свобода» (1962), лауреат Нобелевской премии в области экономики (1976) был лидером монетаризма в политэкономии. Основные его сочинения посвящены теории и практике денежного обращения, в свое время он выдвинул монетарную теорию национального дохода и новый вариант количественной теории денежного обращения.

Кейнс против Фридмена: оба могут торжествовать победу*

*Мартин Вольф,
обозреватель «Financial Times»*

Джон Мейнард Кейнс, умерший в 1946 году, и Милтон Фридмен, который умер в ноябре 2006 года, были самыми влиятельными экономистами XX века. Поскольку Фридмен тратил значительную часть своей интеллектуальной энергии на атаки против Кейнса, естественно видеть в них противоположности. И действительно, различия огромны. Но столь же велико то, что их объединяло. Еще интереснее, что ни один из них не проиграл и не выиграл: проводимая сегодня политика соединяет оба подхода.

Кейнс сделал из Великой депрессии вывод, что свободный рынок провалился; Фридмен, наоборот, считал, что провалилась федеральная резервная система США. Кейнс верил в способности просвещенных «мандаринов», подобных себе; Фридмен утверждал, что правительство только тогда безопасно, когда связано строгими правилами. Кейнс думал, что капитализм надо держать в рамках; Фридмен полагал, что его лучше оставить в покое.

Эти различия очевидны. Но не меньше и сходство. Оба были блестящими журналистами, полемистами и промоутерами своих идей; оба видели в Великой депрессии кризис, созданный неадекватными ответами на вызов времени; оба выступали за свободу обменных курсов и денежного обращения; оба были на стороне свободы в великой идеологической битве XX века.

Если бы не тот факт, что США и Великобритания — две нации, *разделенные* общим языком, то обоих можно было бы назвать либералами в том смысле, в каком это понимали англичане XVIII–XIX веков. Но

* «Financial Times», November 22, 2006.

Кейнс, будучи либералом по темпераменту, принадлежал к верхушке среднего класса страны, находившегося в упадке: он считал, что выживание свободы требует пересмотра многих элементов либеральной ортодоксии XIX века. Фридмен, сын бедных еврейских эмигрантов и настоящий американец, был оптимистом: он надеялся на восстановление свободного рынка и ограниченного в своих действиях правительства.

Чтобы достичь цели, Фридмен предлагал отказаться от того, что он считал ошибками Кейнса и его последователей: от идеи о том, что стимулирование потребления, независимо от реальных доходов, ведет к росту спроса; от веры в налоговую политику, как самый сильный инструмент в руках политической власти; от уверенности, что рост номинального спроса защищает реальные доходы; от доверия к проницательности правительств.

Своими работами в 50-х и 60-х годах Фридмен ответил на все эти предложения Кейнса. В знаменитой статье, опубликованной в 1957 году, он утверждал, что потребление определяется не текущими, а постоянными или долговременными доходами. В написанной в соавторстве с Анной Шварц «Истории денежной системы США. 1867–1960» (1963) и в ряде эмпирических исследований, проведенных совместно с Дэвидом Мизельманом, он обогатил количественную теорию денег идеей о стабильной взаимосвязи денежного обращения и номинального спроса. В своем прогрессивном обращении к Американской экономической ассоциации в 1968 году он предложил понятие «естественный уровень безработицы», также известное как «невозрастающий инфляционный уровень безработицы», взамен общепризнанной тогда взаимосвязи инфляции и производства.

В 1960-х годах большинство экономистов воспринимало веру Фридмена в

свободный рынок и отказ от кейнсианских идей как зло, обман или же то и другое вместе. Я помню шок, испытанный мною в Оксфорде по прочтении его текста в защиту идеи о естественном уровне безработицы. Огромная инфляция 70-х, беспрецедентная для мирного времени, изменила идейный климат. Этому также способствовало крушение в 1971 году режима фиксированных валютных курсов и переход к их свободному колебанию, опережающему колебание цен.

Понадобилась новая теория, пригодная для мира свободных обменных курсов и галопирующей инфляции. Ответом, на который *возложили надежду*, стал фридменовский монетаризм, нацеленный на принятие определенных мер в отношении денежного обращения. Председатель Федеральной резервной системы Пол Волкер в 1979–1982 годах предпринял соответствующий эксперимент в США. Правительство Маргарет Тэтчер сделало то же самое в Великобритании в первой половине 80-х. В обоих случаях инфляция была побеждена. И взаимодействие между денежной массой и номинальным спросом также рухнуло. Кейнсианство, несомненно, умерло. Но то же самое случилось и с фридменовскими монетаристскими правилами.

Из пепла выросла новая ортодоксия: политика, как утверждал Фридмен, должна быть нацелена не на реальные, а на номинальные переменные. Ее предметом должна быть инфляция, а не деньги. Центральные банки должны иметь право менять процентные ставки, чтобы решать свои задачи. Таким образом, это режим предвидения в установленных рамках. Фридмен одобрил бы правила Кейнса — предвидение. Фридмен победил в приоритетности монетарной политики, Кейнс — в отказе от количественной теории.

И оба победили в самом важном смысле. В течение последних двух десятиле-

Джезус Батиста Моролес. Скамья из лунного ландшафта. 1993

тий финансовый мир имел скромную инфляцию и поддерживал устойчивый рост. Это беспрецедентно. Сам Фридмен заявил в начале 2006 года: «Великое достижение Алана Гринспена — демонстрация способности удерживать стабильные цены». Таким образом, великий защитник правил стал великим прорицателем.

Является ли инфляция мишенью для независимого центрального банка, а свободный валютный курс «концом истории» в макроэкономической политике? Подозреваю, что нет. Конкуренция свободных курсов валют буквально взывает к проведению нового эксперимента в монетарной интеграции, возможно даже к введению стабильной мировой валюты.

Развитие технологий может даже сделать деньги чем-то большим, нежели расчетной единицей.

Продолжаются и политические дебаты. Европейский центральный банк может наконец убедить своих создателей в том, что монетарные принципы могут оказаться полезными. Центральные банки могут также научиться избегать

опасности при определении цены активов. Даже чрезвычайная налоговая политика может вновь оказаться востребованной, как это было в Японии во время дефляции 90-х.

Также неопределенным остается будущее рыночной экономики. Кейнса могли бы огорчить дестабилизирующие последствия свободного движения капиталов. Но и Фридмену пришлось бы признать, что полное вытеснение государства из рыночных отношений не в повестке дня. Рынок, несомненно, освободился от многих ограничений, установленных в середине XX века, но государство контролирует ресурсы и регулирует экономику в масштабах, которые трудно было представить столетие назад. Глобализация сама по себе увеличивает эти масштабы.

Кейнс и Фридмен были главными соперниками в политических дебатах прошлого века. И сегодня мы видим, что ни один из них не победил и не проиграл.

*Перевод с английского
Юрия Гиренко*

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
Culture and Social Reality	
<i>Marietta Chudakova</i>	7
Discussion	14
Notes from the Seminar	
<i>Lyubov' Chilikova</i>	23
Theme of the Issue	
Housing Reform as a National Catastrophe	
<i>Igor' Kokarev</i>	25
XXI Century: Challenges and Threats	
Fear, Humiliation, Hope: The Clash of Emotions	
<i>Dominique Moisi</i>	31
Concept	
A Concept of Russia – EU co-operation in the post-Soviet space	41
Discussion	
On Weather and Ethics	
<i>Aleksei Venediktov</i>	47
Youth as luxury and engine of social life	
<i>Artem Marchenkov</i>	54
Youth Movement: From Civil Non-participation to Political Protest	
<i>Irina Kosterina, Yulia Andreeva</i>	60
The Regime is Electing Itself	
<i>Ilya Maksimov</i>	70
Announcement	
GULAG. A History	
<i>Anne Applebaum</i>	73
Freedom and Culture	
Our Press Train Has Gone off the Track	
<i>Aleksander Volkov</i>	75
An Individual Experience	
On “Russia’s Image”	
<i>Svetlana Mironyuk</i>	83
Ideas and Notions	
Revolution	
<i>Irina Busygina, Andrei Zakharov</i>	87

New Practices and Institutions

Revolution in the Media Market: To Perceive in order not to Get Late <i>Natalya Loseva</i>	101
---	-----

Horizons of Understanding

Sovereign Democracy: A Road or Crossroads? <i>Yuri Girenko</i>	106
---	-----

Books

Journey without an End <i>Andrei Zakharov</i>	109
Regional Book Review <i>Anna Dobrovol'skaya</i> <i>Elena Rukavishnikova</i>	112
Counter-Point <i>Aleksander Arkhangelksi</i>	115

Nota Bene

Keynes v Friedman: Both Can Claim Victory <i>Martin Wolf</i>	119
---	-----

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

Фонд будущих поколений и пенсионная реформа

СЕМИНАР

(Зеленогорск, февраль 2007)

Наши авторы:

Александр Архангельский

Сергей Бурков

Ирина Бусыгина

Сергей Васильев

Евгений Гавриленков

Юрий Гиренко

Дмитрий Горин

Андрей Захаров

Родерик Лайн

Федор Лукьянов

Катрин Лялюмьер

Игорь Минтусов

Ольга Малинова

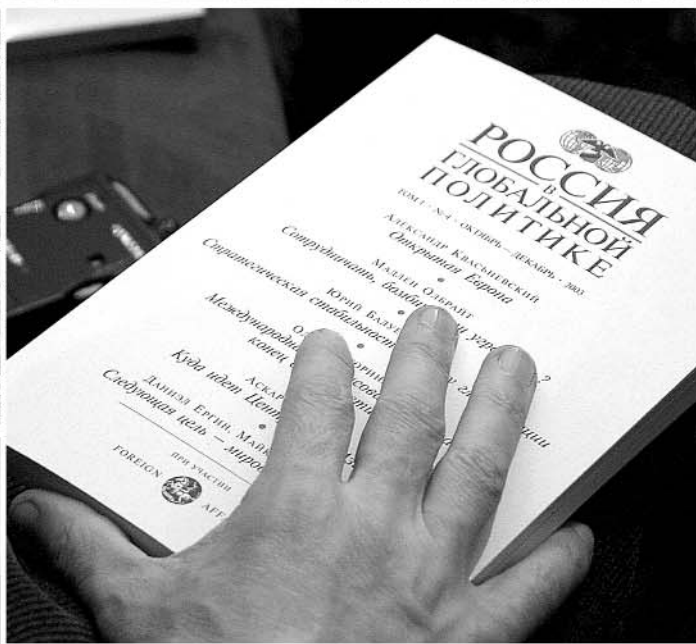
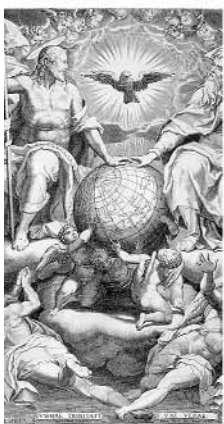
Сергей Петров

Михаил Савва

Александр Согомонов

Павел Теплухин

Харри Хелениус

IT'S TURN EUROPE INTO CONTINENT OF PEACE
MONS L'EUROPE EN U CONTINENT DE PAIX
ANDELN WIR EUROPA I ITINENT DES FRIEDENS

РАЗРУШАЕМ СТЕРЕОТИПЫ

www.globalaffairs.ru

Московская школа политических исследований

Sapere aude!

**ИМЕЙ МУЖЕСТВО
МЫСЛИТЬ!**

Вам помогут

наши книги

В СЕРИЯХ

- **БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Проблемы общества и демократии

- **КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА. ФИЛОСОФИЯ**

Исторический опыт и политическая практика

- **СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ**

Вызовы XXI века

наш журнал

- **ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ**

Вестник Московской школы политических исследований

Заказать книги и подписаться на журнал
можно по тел./факс: (495) 202-85-01, 202-36-57, 258-56-83

Эл. почта: kira@msps.su

Почтовый адрес:
123104 Москва, Большой Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21, 22

Получить информацию о книгах вы можете
на сайте Школы www.msps.ru

квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2007 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа) Сумма платежа 700 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>
квитанция кассир	<p><u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал «Общая тетрадь» на 2007 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа) Сумма платежа 700 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

- 1. Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
- 2. Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)202-85-01 или по эл. почте kira@msps.su
В цену подписки не включена комиссия Сбербанка.
- 3. Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте kira@msps.su или по тел. (495)202-85-01.

Подписано в печать 13.03.2007.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура Newton.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа

политических исследований

123104, Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21.

e-mail: msps@msps.su

<http://www.msps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

ISBN 978-5-93895-092-4

9 785938 950924 >